

А. С. Скрипкин

ИСТОРИЯ Волгоградского края от каменного века до Золотой Орды

А. С. Скрипкин

ИСТОРИЯ
ВОЛГОГРАДСКОГО
КРАЯ

от каменного века
до Золотой Орды

Волгоград
2008

63.3(2Рос-4Вор)
С45

Научный редактор
~~д-р ист. наук~~
~~доктор экономических наук~~
профессор **М. М. Загорулько**

Скрипкин, А. С.
С45 История Волгоградского края от каменного века до
Золотой Орды / А. С. Скрипкин. Волгоград: Издатель,
2008. — 208 с.: ил.
ISBN 5-9233-0671-9

Книга известного историка и археолога А. С. Скрипкина посвящена тем периодам истории Волгоградского края, которые пока не нашли широкого освещения в литературе.

Рассчитана на широкий круг читателей.

63.3(2Рос-4Вор)

ISBN 5-9233-0671-9

© ГУ «Издатель», 2008
© Скрипкин А. С., 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга известного историка и археолога А. С. Скрипкина посвящена тем периодам в истории Волгоградского края, которые пока не нашли широкого освещения в доступной для массового читателя литературе. Об истории нашего края с момента основания Царицына имеются хотя и не исчерпывающие, но все же достаточно многочисленные сочинения. Что касается более ранних периодов истории территории, ныне входящей в состав Волгоградской области, то разнородная информация о них разбросана по многим специальным изданиям, выходящим небольшими тиражами и, в большей мере доступна только для специалистов.

Нижнее Поволжье было освоено людьми в глубокой древности, этому способствовали благоприятные географические факторы, особенно это касается территории нынешней Волгоградской области, где две крупнейшие реки Восточной Европы, Волга и Дон с богатейшими поймами, близко подходят друг к другу. К настоящему времени здесь открыты и исследованы археологические памятники разных эпох, начиная от древнего каменного века до Золотой Орды включительно. Заинтересованный читатель найдет в книге не только описание памятников археологии, но и информацию о специфике различных исторических периодов, судьбах многочисленных народов, в разное время населявших наш край.

Надо отметить, что древняя и средневековая история нашего края представляет не только краеведческий интерес, отдельные ее события имеют отношение к масштабным проблемам мировой истории. Так, знаменитая стоянка Сухая Мечетка, находящаяся на северной окраине Волгограда, по общему мнению специалистов, является эталоном для выделения среднепалеолитических памятников Восточной Европы. Изучение материалов неолитических стоянок края имеет прямое отношение к изучению становления произво-

дящих форм хозяйства на огромной территории евразийского пространства. Памятники культур бронзового века привлекаются для исследования важных исторических проблем, связанных с формированием индоевропейской и индоиранской этноязыковых общностей. Яркие эпизоды из истории кочевых народов, населявших наш край в раннем железном веке и средневековье, нашли отражение в сочинениях древнегреческих, римских, византийских, арабских, персидских авторов. В эпоху Золотой Орды Нижнее Поволжье, в том числе и современная территория Волгоградской области, являлось столичной областью этого могущественного средневекового государства, с которым считались великие державы того времени. На территории нашей области имеется ряд уникальных археологических памятников золотоордынского времени, в первую очередь Царевское городище, которому приписывается статус одной из столиц Золотой Орды.

Автор книги, проводивший в течение многих лет археологические раскопки в Нижнем Поволжье и хорошо знакомый с основными источниками по древней и средневековой истории края, в форме, близкой к научно-популярной, достаточно подробно рассказывает обо всех основных событиях, происходивших в разные исторические эпохи.

Книга А. С. Скрипкина рассчитана на широкий круг читателей, она может быть ценным пособием для учителей школ в преподавании истории края, для студентов, школьников, и всех интересующихся историей нашего края.

М. М. ЗАГОРУЛЬКО, профессор

ВВЕДЕНИЕ

С Волгой, ее городами и населением связано много великих событий в русской истории. Давно укоренилось мнение о волжском крае как исконно русской земле. Сложены песни о Волге — великой русской реке. Но всегда ли Поволжье было русской землей? Что касается верховья Волги, то оно издревле было территорией обитания различных славянских племен, а вот Среднее и Нижнее Поволжье русскими стало осваиваться гораздо позже. Произошло это после присоединения к Русскому государству Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, которые образовались на Волге после распада Золотой Орды. После этих событий на Нижней Волге стали основываться города-крепости с военными гарнизонами, в задачу которых входило осуществлять контроль за только что присоединенными к Русскому государству землями. Именно с этими событиями и связано начало русской истории нашего края. Так возник и наш город, по основанию называвшийся Царицыным, носящий ныне название Волгоград. Традиционной датой его основания является 1589 год.

История Волгоградского края насыщена различными событиями, отдельные из которых получили мировую известность. Жителям Волгограда и области в большей мере известна новая и новейшая история края и в меньшей — средневековая и древняя история. В определенной степени это связано с отсутствием обобщающих изданий по этим историческим периодам, рассчитанных на массового читателя. В предлагаемой книге я хотел обратиться к весьма интересной теме: древней и средневековой истории территории современной Волгоградской области, рассказать, что собой представляло население, обитавшее здесь в разные эпохи, кто они были по происхождению и чем занимались. Повествование будет вестись со строгой опорой на исторические источники и новейшую научную литературу.

В настоящее время имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет говорить о том, что древние люди стали осваивать теперешнюю территорию Нижнего Поволжья с эпохи среднего палеолита, более 100 тыс. лет назад. С этой глубокой древности и до раннего железного века, начало которого в наших краях приходится примерно на VII в. до н. э., весь этот огромный период, исчисляемый многими десятками тысячелетий, освещается только одним видом источников — памятниками материальной культуры. Сами по себе памятники материальной культуры не являются историческими источниками. Только после археологических раскопок и многотрудной кабинетной обработки полученных результатов исследователями эти памятники приобретают статус исторических источников.

В настоящее время лучше в археологическом отношении изучены памятники, относящиеся к бронзовому, раннему железному векам и средневековью, слабее — памятники всех периодов каменного века: палеолита, мезолита, неолита. Дело здесь не только в более глубокой древности последних. Начиная с бронзового века и до средневековья самым массовым археологическим памятником становятся курганы — древние погребальные сооружения. Визуально они хорошо определимы и по этой причине чаще подвергались археологическим раскопкам. К настоящему времени в Нижнем Поволжье их раскопано несколько тысяч. Хорошо определены и места нахождения золотоордынских городов и поселений по всхолмлениям, под которыми находились остатки различных строений, и подъемному материалу, в виде фрагментов керамики, обожженного кирпича и пр. Нахождение памятников каменного века, представленных в основном стоянками, дело случая. Их культурные слои довольно часто залегают на большой глубине и обнаруживаются, как правило, в результате подмыва или обвала берегов рек или склонов оврагов.

Первые письменные источники о народах, населявших наш край, появляются только с начала раннего железного века, это сочинения древнегреческих, а затем и древнеримских авторов, в которых упоминаются названия народов, имена отдельных людей. Весь предшествующий период для науки и нас остается бесписьменным. Например, население бронзового века в археологической литературе обычно именуется по условным названиям археологических культур:

«ямники» (ямная культура), «катакомбники» (катакомбная культура), «покровцы» (покровская культура), «срубники» (срубная культура). Естественно, что эти народы имели самоназвания, но они до нашего времени не сохранились. Только с V в. до н. э. появляются письменные сведения о савроматах, обитавших в наших краях, а затем и о сарматах.

В эпоху средневековья, начало которой было положено гуннским вторжением в Восточную Европу (конец IV в. н. э.), и до окончательного распада Золотой Орды (конец XV в.) количество письменных источников увеличивается, но их информативные возможности не снимают необходимость археологических исследований.

Зачастую бытует неверное представление о том, что наш край входил в зону своеобразного коридора между Каспийским морем и Южным Уралом, через который периодически происходили миграции разных народов, в основном с востока на запад. Действительно были и такие периоды, когда через Нижнее Поволжье проходили отдельные народы, или вообще не задерживаясь здесь, или оставляя незначительные следы своего кратковременного пребывания. Но, пожалуй, в большей степени нижневолжская земля может считаться родиной целого ряда народов, в разные эпохи веками проживавших на ней.

В предлагаемой книге эпизоды истории Волгоградского края по каждому из периодов даются на фоне более широкого исторического контекста. Это необходимо для понимания значения событий истории нашего края в общеисторических процессах, охватывавших иногда огромные территории, от Китая на востоке до Центральной Европы на западе.

При научно-популярном изложении текста книги автор использует научный аппарат в виде ссылок на научную литературу. Это сделано специально для читателей, желающих более углубленно ознакомиться с историей края.

Из вышесказанного следует, что древняя и в значительной мере средневековая история Волгоградского края восстанавливается в основном по археологическим источникам. Первые письменные сведения, принадлежащие греко-римским авторам и имеющие отношение к нашему краю, как уже отмечалось, появляются только в эпоху раннего железного века. Огромный же период в истории Волгоградского края, охватывающий каменный и бронзовый века, является бесписьменным. Да и первые упоминания письменных источни-

ков о народах, обитавших в Подонье и на Нижней Волге, весьма фрагментарны, не дают достаточно полного представления об их жизни и быте. По этой причине для эпохи раннего железного века, охватывающей время с VII в. до н. э. по IV в. н. э., археологические источники являются основными. В средние века число письменных источников о народах, населявших наш край, увеличивается. Сведения о них появляются в сочинениях арабских, персидских, византийских, западноевропейских авторов и, наконец, в русских летописях. Однако, несмотря на это кажущееся обилие письменных свидетельств, в большинстве своем они весьма фрагментарны и не дают достаточно полного представления о том или ином народе. По этой причине археологические исследования памятников Нижнего Поволжья не только древних эпох, но и средневековья являются актуальными на сей день.

В настоящее время Нижнее Поволжье, в состав которого входит и Волгоградская область, достаточно хорошо исследовано в археологическом отношении. История археологических исследований на территории нынешней Волгоградской области насчитывает уже более полутора веков. Первые раскопки здесь были произведены в середине XIX в. на территории Царевского городища, располагавшегося на берегу реки Ахтуба у пос. Царев. Организатором и руководителем раскопок был А. В. Терещенко. На месте Царевского городища ранее располагался большой золотоордынский город. Полученный в течение девяти сезонов раскопочных работ (1843—1851) материал представлял собой прекрасный источник для изучения золотоордынской эпохи. Однако низкий уровень методики раскопок того времени, неудовлетворительное хранение полученных коллекций в значительной мере обесценили результаты этих раскопок.

Начало более систематического изучения древней истории края связано с активной деятельностью Саратовской ученой архивной комиссии, созданной в 1886 г., члены которой проводили учет древних памятников и частичное их исследование. На территории нашего города и области, входивших тогда в состав Саратовской губернии, были обнаружены находки, свидетельствовавшие о жизни здесь людей, начиная с каменного века.

В 1895 г. впервые в нашем крае были проведены научные раскопки одного из наиболее распространенных типов

археологических памятников — курганов, представляющих собой погребальные сооружения. К концу XIX в. все чаще стали поступать сведения об интересных находках из Нижнего Поволжья, происходящих из раскопок местного населения. На это обстоятельство обратил внимание один из крупнейших русских археологов А. А. Спицын. Для своих раскопок он выбрал курганы у с. Лебяжье и Гуселки на Иловле, недалеко от Камышина. В результате раскопок был впервые получен представительный материал, особенно по сарматской культуре, который А. А. Спицыну удалось достаточно убедительно интерпретировать и точно датировать.

В период с 1919 по 1921 г. профессор Саратовского университета Ф. В. Баллод организовывал и проводил археологические «экскурсии» на прилежащих к Волге территориях между Саратовом и Царицыным. Эти «экскурсии», в которых активное участие принимали студенты, носили характер разведок и частичных раскопок археологических памятников, преимущественно золотоордынского времени. Особо следует отметить работы Баллода на Мечетном городище, на котором были произведены раскопки жилых построек и мавзолея и снят план всего памятника, поскольку в настоящее время это городище практически полностью уничтожено при строительстве жилого массива Волгограда—Сpartановки (Баллод, 1923).

В 1929 г. А. Ильина и П. Шишкин, члены Сталинградского окружного общества краеведов, составили и опубликовали «Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края», в которых приводятся сведения о целом ряде памятников древней и средневековой истории на территории города и других районов, входящих теперь в состав Волгоградской области. На основании собранных материалов авторы полагали, что наш край начал осваиваться древним человеком с эпох неолита и бронзы и что люди обитали здесь не постоянно, а только в отдельные благоприятные в климатическом отношении периоды.

С начала 20-х гг. XX в. в Саратове формируется местная археологическая школа во главе с профессором П. С. Рыковым, члены которой начинают проводить плановые археологические раскопки, охватывающие различные районы Нижнего Поволжья. К середине 30-х гг. в результате деятельности в основном саратовских археологов был на-

коплен значительный археологический материал, характеризующий различные эпохи, позволивший П.С. Рыкову подготовить и издать книгу по древней истории Нижнего Поволжья, основывающуюся на археологических источниках (Рыков, 1936).

В больших масштабах на территории нашей области в первой половине 50-х гг. прошлого века проводились раскопки, которые были связаны с необходимостью исследования археологических памятников, находившихся в зоне затопления в связи со строительством Волжской ГЭС. В 1951 г. была создана Сталинградская археологическая экспедиция, в состав которой входило четыре отряда. Три из них занимались раскопками наиболее массового вида попадавших в зону затопления археологических памятников — древних курганов. Возглавлялись они К. Ф. Смирновым, В. П. Шиловым — сотрудниками Института истории материальной культуры (теперь Институт археологии РАН) и И. В. Синицыным — доцентом Саратовского университета. Еще один отряд, образованный в 1952 г., должен был исследовать вновь открытую на северной окраине Сталинграда палеолитическую стоянку Сухая Мечетка, его возглавил С. Н. Замятнин, известный специалист в области изучения каменного века.

В результате работы Сталинградской экспедиции с 1951 по 1955 г. было раскопано 420 курганов, в которых обнаружено 1500 разновременных погребений от эпохи энеолита до позднего средневековья, исследовано около 20 поселений, относящихся к бронзовому, раннежелезному векам, а также средневековью, были проведены раскопки ставшей всемирно известной палеолитической стоянки Сухая Мечетка. Этот огромный материал в значительной мере расширил источниковедческую базу в изучении древней и средневековой истории нашего края.

С конца 50-х по 70-е гг. прошлого века на территории Волгоградской области проводила раскопки древних курганов археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В. П. Шилова. Экспедицией были исследованы крупные курганные могильники в Ленинском, Михайловском и Октябрьском районах.

В 1959 г. была образована Поволжская археологическая экспедиция, первоначально возглавляемая А. П. Смирновым,

а затем Г. А. Федоровым-Давыдовым. С Поволжской экспедицией связано крупномасштабное исследование золотоордынских городищ. В Волгоградской области на протяжении многих лет велись раскопки Царевского и Водянского городищ в Ленинском и Дубовском районах. Впервые был получен массовый, хорошо документированный материал по этим памятникам.

Начиная с 60-х гг. археологические раскопки на территории области начинают вести местные археологи, сотрудник Областного краеведческого музея В. И. Мамонтов и преподаватель Волгоградского педагогического института, автор данной книги. В 1975 г. при педагогическом институте была открыта археологическая лаборатория, которая развернула крупные работы в Заволжье, в зонах строительства оросительных систем. Экспедицией лаборатории были раскопаны курганные группы в районе пос. Быково, Верхний Балыклей, Рыбный, лимана Могута.

С 1980 г. начал свою деятельность Волгоградский государственный университет, в котором были открыты археологическая лаборатория, а затем и Научно-исследовательский институт археологии Нижнего Поволжья. В задачу института входила координация археологических исследований в Нижневолжском регионе. В государственном университете сформировался самый крупный в Волгограде коллектив ученых, специалистов в области археологии. В разное время экспедициями, руководимыми А. С. Скрипкиным, И. В. Сергацковым, В. М. Клепиковым, А. Н. Дьяченко, В. Г. Блохиным, исследовались древние курганные могильники в Ленинском, Октябрьском, Иловлинском, Суровикинском, Клетском, Нехаевском, Михайловском, Ольховском, Котовском районах, производились раскопки на Царевском городище в Ленинском и Терновском поселении золотоордынского времени в Камышинском районах.

Все эти годы продолжали вести археологические исследования и сотрудники археологической лаборатории педагогического университета. Особенно следует отметить долготные раскопки курганных могильников у пос. Первомайский в Калачевском районе экспедицией под руководством В. И. Мамонтова и Водянского городища у Дубовки экспедицией во главе с Е. П. Мыськовым.

Выше названы только наиболее значимые археологические исследования, являющиеся своеобразными вехами в

изучении древней и средневековой истории Волгоградского края. Кроме них, большой вклад в дело исследования края внесли многие другие экспедиции, в отдельные годы проводившие здесь раскопки различных памятников. Большую помощь ученым оказывали краеведы, зачастую выявлявшие очень интересные памятники разных эпох.

В результате работы многих экспедиций, которые начиная с середины XIX по начало XX вв. проводили свои работы от случая к случаю, а с 20-х гг. XX в. уже систематически, был накоплен огромный материал, охватывающий практически все периоды каменного века, бронзовый и ранний железный века, средневековье — от гуннского нашествия до падения Золотой Орды. Все это подтверждает, что теперешняя территория Волгоградской области была обитаема по крайней мере со среднего палеолита до основания Царицына и освоения Нижнего Поволжья русским населением.

Глава I

КАМЕННЫЙ ВЕК

Традиционно в археологии большие эпохи выделяются по материалу, из которого в основном изготавливались орудия труда: это каменный, бронзовый, ранний железный века. Хотя, например, в бронзовом веке еще долгое время различные категории вещей, в том числе и орудия труда, продолжали изготавливаться из камня, но все же прогрессивную тенденцию развития определяли изделия из бронзы. Каменный век, как эпоха в истории человечества, получил свое название в связи с тем, что дошедшие до нашего времени изделия той поры были изготовлены исключительно из разных пород камня, особенно это касается орудий труда. Вероятно, в эту эпоху широко использовалось и дерево, из которого, например, могли изготавливаться наконечники копий, но дерево в отличие от камня достаточно долго не сохраняется. Эпоха каменного века подразделяется на палеолит (древний каменный век), мезолит (средний каменный век) и неолит (новый каменный век). В основу такого деления положена техника изготовления каменных орудий труда, которая с течением времени совершенствовалась. Каждый из выделенных периодов каменного века отличался и по другим параметрам, имеющим отношение к формам хозяйства, социальной организации.

Палеолит. Это древнейшая эпоха в истории человечества, с которой связано становление самого человека и человеческого общества. Началась она около 3 млн лет назад, а завершилась примерно в 11—12 тысячелетиях от нашего времени. По данным современной палеоантропологии, древнейшим районом, где произошло появление ископаемой особи, начавшей использовать орудия труда и тем самым положившей начало выделению человека из животного мира, является Африка. К завершающей стадии палеолита человечество уже освоило практически все ныне обитаемые континенты. Весь этот длительный путь отмечен отдельными,

зачастую случайными находками орудий труда или костными останками самого формирующегося человека, а также местами его обитания, называемыми в археологии стоянками. Эволюция самого человека и его культуры в палеолите шла довольно медленными темпами. В жизни не только одного, но и многих поколений практически мало что изменялось. Только в настоящее время исследователь, имеющий возможность ознакомиться с серией разновременных памятников палеолита, может отметить прогрессивные тенденции в области адаптации древнего человека к окружающей среде, совершенствования изготовления орудий труда, хозяйственной деятельности. В обиходной речи мы часто говорим о том, что человек еще в глубокой древности открыл, например, огонь или глиняную посуду и пр. Следует иметь в виду, что открытия древности существенным образом отличались от открытий нашего времени. Невозможно представить, чтобы в те далекие времена вчера огонь не был известен, а сегодня его кто-то открыл, и это открытие быстро стало достоянием всех. Открытия каменного века были эпохальными, охватывающими длительные периоды времени. Только постепенное накопление опыта освоения огня, знакомства с качествами глины или приручения животных давало то новое качество, которое мы называем открытиями древности: огонь, глиняная посуда, скотоводство.

История изучения палеолита насчитывает не менее полутора веков. За это время была разработана его периодизация, выявлены локальные особенности развития его этапов в разных регионах. Палеолит обычно подразделяется на ранний, средний и поздний.

Средний палеолит. На территории Волгоградской области самые древние памятники, исследованные специалистами, относятся к среднему палеолиту, который еще именуют эпохой мустье. Наиболее ранние из них датируются самым началом этой эпохи. К ним относятся местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище, располагавшиеся в Дубовском районе, близ хут. Челюскинец, а также Сухая Мечетка, возраст которых более 100 тыс. лет (Кузнецова, 1993; Кузнецова, Сергин, 1999).

Стоянка Сухая Мечетка. Самым известным археологическим памятником в пределах Волгограда является среднепалеолитическая стоянка, располагающаяся в балке Сухая Мечетка, недалеко от ее впадения в Волгу на северной

окраине Спартановки. Ранее эту стоянку называли Сталинградской, в настоящее время более принятое ее название — Сухая Мечетка (рис. 1).

Эта стоянка была обнаружена летом 1951 г. геологом М. Н. Грищенко при осмотре вышеназванной балки. В одном месте, где боковой овраг прорезал край балки, он обнаружил несколько кремневых изделий и кости ископаемых животных, свидетельствующих о глубокой их древности. В том же году М. Н. Грищенко передал свои находки С. Н. Замятнину, известному специалисту в области изучения палеолита, который отнес их к мустьерской эпохе палеолита.

Открытие этой стоянки и ее датировка вызвали большой интерес у ученых, так как находки памятников этого времени были крайне редки в восточноевропейском регионе и новое их открытие являлось научной сенсацией. В этом же году место находки было обследовано археологами С. Н. Замятниным и А. А. Формозовым. Сделанное ими заключение имело особую важность. Они определили, что здесь располагалась стоянка мустьерского человека в не потревоженном виде. Это относилось к открытому памятнику к разряду уникальных, так как большинство из известных местонахождений раннего и среднего палеолита сохранились в переотложенном состоянии, то есть их культурный слой был нарушен в результате воздействия различных природных стихий.

Учитывая научную важность открытого памятника, был организован специальный отряд во главе с С. Н. Замятниным, который летом 1952 г. приступил к его раскопкам (рис. 2). Официально он именовался палеолитическим отрядом Сталинградской археологической экспедиции. Дело в том, что в состав этой экспедиции входил еще ряд отрядов, которые в то время занимались раскопками археологических памятников в зоне строительства Волжской ГЭС и будущего водохранилища.

Во время раскопок стоянки археологи столкнулись с большими трудностями. Ее культурный слой уходил под стенку балки и был перекрыт мощными позднейшими отложениями, достигавшими 20-метровой толщины. Чтобы иметь возможность исследовать культурный слой стоянки со следами деятельности древнего человека, необходимо было убрать значительную часть склона балки. По предварительным подсчетам, общая площадь стоянки должна была равняться примерно 1200 м². Вручную снять грунт над всей стоянкой было

практически невозможно. Кроме большого объема работ, позднейшие отложения над культурным слоем отличались большой твердостью. После консультаций со специалистами было принято неординарное решение — верхний балласт взорвать на рыхление таким образом, чтобы не был затронут культурный слой. После взрывных работ разрыхленный слой грунта был удален при помощи бульдозера.

За два года работы в 1952 и 1954 гг. отрядом была исследована площадь стоянки равная 650 м^2 (рис. 3, 4). В отдельные периоды для производства неквалифицированных работ нанимались до пятидесяти рабочих из числа местных жителей. Мощность культурного слоя стоянки, с остатками деятельности древнего человека, равнялась 40 см. На исследованной ее части был обнаружен ряд очажных пятен: четыре крупных и около десятка мелких, что говорит о постоянном использовании огня древними людьми, жившими здесь. К очажным пятнам тяготела основная масса находок, значительную часть которых составляли отщепы кремня, являвшиеся отходами при производстве орудий труда. На стоянке было найдено и 365 экземпляров готовых орудий. Это одна

Рис. 1. Общий вид на палеолитическую стоянку Сухая Мечетка

из наиболее представительных коллекций каменных орудий труда мустьерской эпохи в Восточной Европе. Они были изготовлены преимущественно из кремня, отдельные из кварцита и песчаника. Это различной формы скребла, листовид-

Рис. 2. Стоянка Сухая Мечетка в процессе раскопок

Рис. 3. Эпизод раскопок стоянки Сухая Мечетка

Рис. 4. Раскопки культурного слоя стоянки Сухая Мечетка

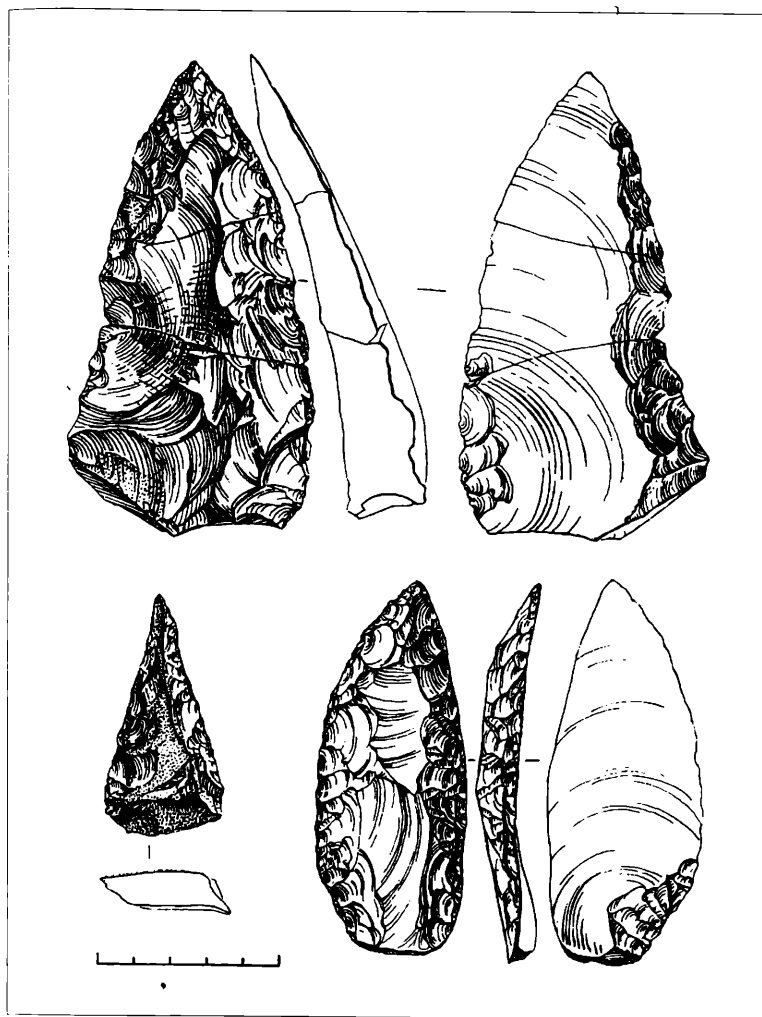

Рис. 5. Орудия труда из стоянки Сухая Мечетка. Остроконечники

ные наконечники, рубила (рис. 5—7). Исходный материал для изготовления орудий труда жителями стоянки собирался поблизости. Кремневые желваки и обломки кварцита и сей-

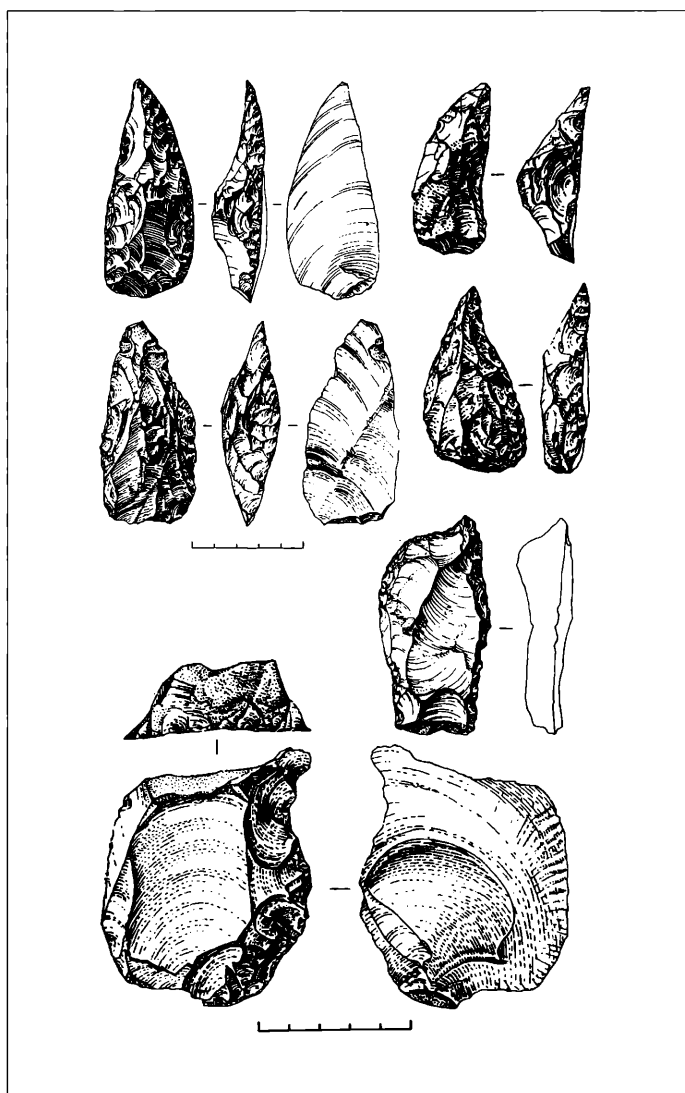

Рис. 6. Сухая Мечетка. Угловые скребла

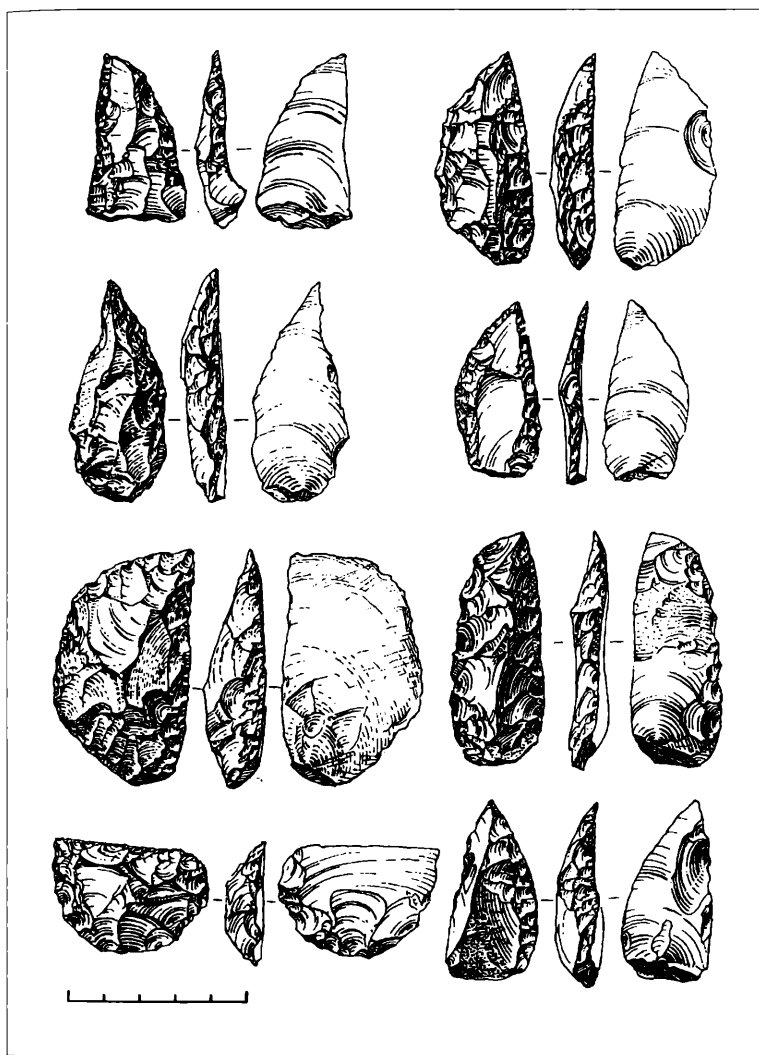

Рис. 7. Сухая Мечетка. Варианты остроконечников

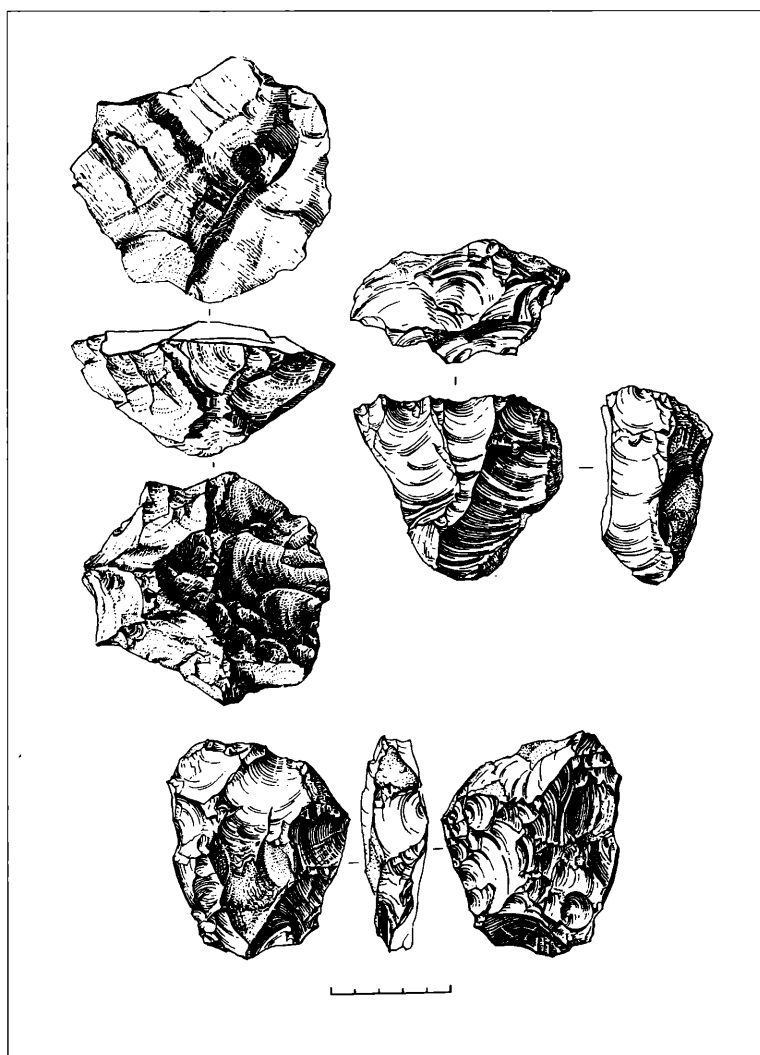

Рис. 8. Сухая Мечетка. Нуклеусы

час встречаются на водоразделе между балками Сухая и Мокрая Мечетки, в местах выхода ергенинских песков. Техника изготовления орудий была следующей. Основой для большинства из них являлись каменные ядрища (нуклеусы), средний диаметр которых 10—12 см (рис. 8). С них скалывались пластины и дополнительно обрабатывались, приобретая законченную форму. При обработке, по терминологии археологов, использовалась преимущественно чешуйчато-ступенчатая ретушь. Некоторые орудия изготавливались из гальки.

Фиксация находок позволяет говорить о том, что древний человек занимался изготовлением кремневых орудий труда на стоянке, о чем свидетельствует большое количество мелких отщепов и чешуек кремня и поломанные в процессе изготовления изделия. Обильное скопление отходов производства у кострищ говорит о том, что вокруг них в основном и группировались обитатели стоянки.

Вместе с каменными изделиями на стоянке были обнаружены и кости животных, изучение которых позволяет сделать вывод не только о хозяйственной деятельности древних людей, живших здесь, но и об особенностях ландшафта того времени. Весь костный материал, собранный здесь, был детально исследован в Зоологическом институте АН СССР в Ленинграде профессором Н. К. Верещагиным. Основным промысловым животным, составлявшим наиболее многочисленную добычу первобытных обитателей стоянки в Сухой Мечетке, являлся ископаемый зубр. По наблюдениям палеозоологов, все костные останки этого животного принадлежали молодым самкам. Следующие по многочисленности костные находки принадлежали сайге, мамонту и лошади. Все эти виды — стадные животные, добыча которых в ту эпоху могла производиться только путем коллективной облавной охоты с использованием благоприятных форм рельефа в окрестностях стоянки: обрывов, топей и пр.

Мясо убитых животных использовалось в пищу. Из шкур, вероятно, изготавливалась одежда или они использовались для оборудования примитивного жилья в виде шалашных конструкций, которые, возможно, были на стоянке. Для обработки шкур могли использоваться кремневые скребла. Находки преднамеренно расколотых трубчатых костей говорят о том, что жители стоянки употребляли в пищу костный мозг, а длинные обломки костей использовали в каких-то производствен-

ных целях, о чем свидетельствуют образовавшиеся на их концах потертости.

Климат, в условиях которого жили первобытные обитатели стоянки, значительно отличался от нашего. Изучение пыльцы и спор растений из погребенной почвы показало, что климат тогда был гораздо влажнее и холоднее, в изобилии произрастали сосна, ель, береза, ольха, в меньшем количестве вяз и липа. Это было обусловлено тем, что в ледниковый период в связи с общим похолоданием климатические и ландшафтные зоны были смещены значительно к югу. Стоянка Сухая Мечетка, как показывает изучение ископаемого почвенного горизонта, располагалась на берегу водного потока, на невысокой заболоченной террасе. Она была покинута древними людьми в связи с частыми подтоплениями, вызывавшимися, возможно, начальной стадией хвалынской трансгрессии Каспийского моря, что привело в дальнейшем к накоплению многометровой толщи морских отложений над культурным слоем стоянки.

Достаточно четкое геологическое залегание культурного слоя стоянки позволяет отнести ее к рисс-вюрмскому или, по восточноевропейской стратиграфической шкале, к микулинскому межледниковью, что позволяет определить ее возраст примерно в пределах 100—130 тыс. лет (Шик и др., 2004, с. 104, табл. 1). По технике изготовления орудий труда, по костным останкам животных в соответствии с археологической периодизацией стоянка Сухая Мечетка, как уже отмечалось, относится к эпохе мустье, причем, скорее всего, к ее началу.

Ценность стоянки Сухая Мечетка заключается в том, что она относится к числу очень редких археологических памятников среднепалеолитической эпохи — стоянкам открытого типа с сохранившимся культурным слоем, что дает возможность комплексного ее изучения и получения достаточно полной информации о жизни людей той эпохи.

Ее исследователь С. Н. Замятнин так определил значение этой стоянки: «Перечисленные выше условия вместе с обильными и выразительными коллекционными сборами делают Сталинградскую мустьерскую стоянку одним из основных, опорных памятников в изучении первобытного прошлого нашей страны ... Сталинградская палеолитическая стоянка является историческим памятником выдающегося научного значения. Это древнейшее на Восточно-Европей-

**Рис. 9. Среднепалеолитическое местонахождение Челюскинец II.
На переднем плане бивни мамонта**

ской равнине поселение первобытного человека, относящееся к среднечетвертичному времени, залегающее в не потревоженном состоянии» (Замятнин, 1952, с. 40).

В последующее время на территории Волгоградской области было открыто еще несколько памятников, относящихся к среднему палеолиту.

Местонахождение Челюскинец II. Это местонахождение впервые было открыто краеведом В. И. Куфенко в 1983 г. Оно располагалось в Дубовском районе близ хут. Челюскинец, в одном из отрогов верховий Пичужинской балки. В течение 1986—1987 гг. местонахождение исследовалось археологической экспедицией под руководством В. Я. Сергина и Л. В. Кузнецовой. Экспедицией была вскрыта площадь в 117 м² (рис. 9). Культурный слой памятника оказался перертложенным. Кости мамонта, представленные двумя бивнями, нижней и верхней челюстями, по определению палеозоологов, принадлежали одной особи взрослого самца. В слое были найдены кости ископаемых животных — мамонта, бизона и лошади. В окрестностях в осыпях балки были собраны кости шерстистого носорога и бизона. Основные находки представ-

лены осколками и отщепами кремня, двумя обломками кремня. В осыпях ниже культурного слоя были найдены обломки мустьерского рубильца, подпризматический нуклеус, обломок боковых скребел, обломок мустьерского остроконечника, отщепы с ретушью. Исследователи этого археологического объекта относят его к мустьерской эпохе и отмечают сходство его в способах обработки камня и типах каменных орудий со стоянкой Сухая Мечетка.

С целью определения возраста палеолитического местонахождения у хут. Челюскинец из раскопа были взяты образцы грунта на термолюминесцентный анализ. В результате была получена дата 145 ± 18 тыс. лет назад, что позволяет отнести этот памятник к раннему периоду эпохи мустье (Кузнецова, Сергин, 1999; Кузнецова, 2006, с. 22—26).

Местонахождение Заикино Пепелище. Памятник был открыт краеведом С. Г. Краснобаевым в 1987 г., а исследовался Л. В. Кузнецовой в 1988—1991 гг. Местонахождение также располагалось в непосредственной близости от хут. Челюскинец, на левом берегу верховой речки Пичуги. Раскоп был заложен вдоль правого борта оврага под названием Заикино Пепелище. Раскопками была вскрыта площадь в 374 м². В процессе раскопок было обнаружено около 1000 костных остатков животных: мамонта, бизона, лошади, сибирского эласмотерия, кулана, дикого осла, кабана, лисицы, волка, сурка. Была обнаружена и представительная коллекция кремневого инвентаря. Кроме отходов кремневой индустрии, было найдено 88 орудий, среди которых преобладали скребла, встречались также остроконечники и ретушированные отщепы. Определение времени местонахождения Заикино Пепелище с использованием термолюминесцентного метода дало дату близкую времени местонахождения Челюскинец II (Кузнецова, 2006, с. 26, 27).

Стоянка Шлях. Она была обнаружена краеведом В. И. Куфенко в 1988 г. во Фроловском районе, несколько севернее хут. Шляховского. Значительная часть стоянки была уничтожена вскрышными работами при сооружении карьера. Памятник исследовался экспедицией Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) под руководством П. Е. Нехорошева в 1990—1991 гг. Раскоп был заложен по южной стенке карьера. В процессе раскопок было выявлено 12 слоев, в восьми из которых были обнаружены археологические находки. Их анализ показал, что это место человеком

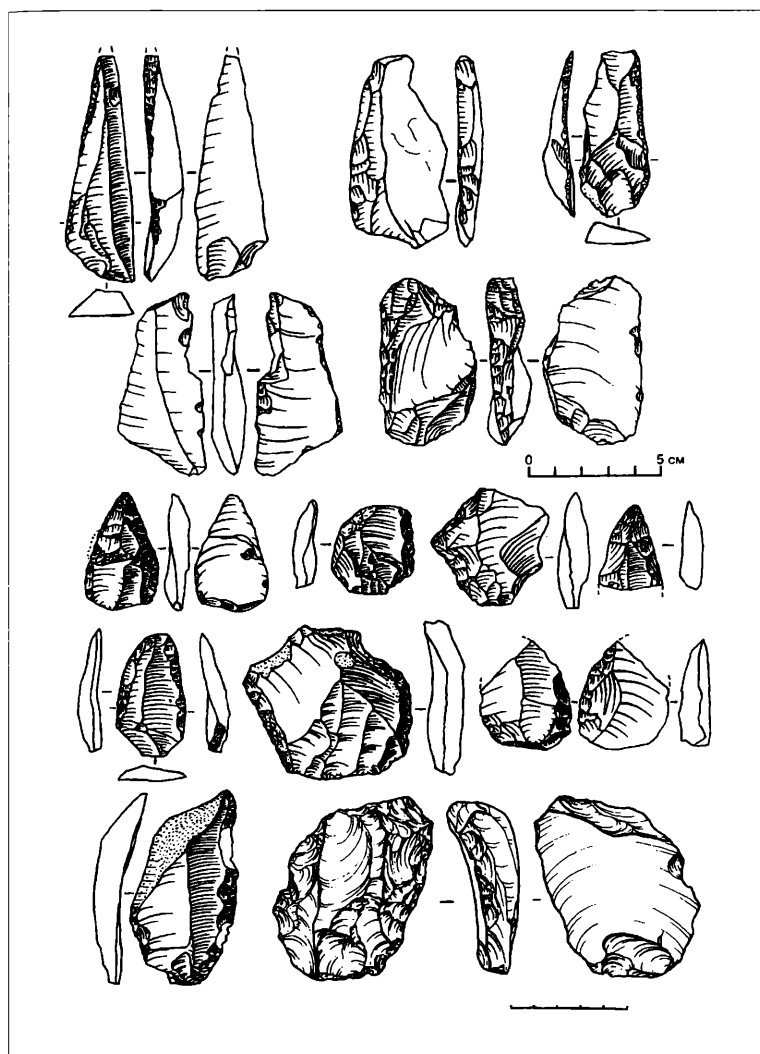

Рис. 10. Каменные орудия с палеолитической стоянки Шлях

использовалось в течение длительного времени, от среднего палеолита до мезолита. Всего на памятнике было найдено около 4 тыс. изделий из камня. Примерно половина каменных изделий была обнаружена в 8-м слое, залегавшем на глубине 4—5 м. Основная часть орудий изготовлена из кремня: остроконечники, скребла, скребки, различные варианты ножей и пр. (рис. 10). Находки из этого и 9-го слоев, технология обработки камня дали основание утверждать переходный их характер от среднего к верхнему палеолиту. В целом исследователи характеризуют каменную индустрию нижних слоев стоянки Шлях как характерную для финала среднего палеолита. Это первый памятник на территории Русской равнины с технологией первичного расщепления камня переходной от среднего к верхнему палеолиту. Естественно-научные исследования позволили определить возраст 8-го и 9-го слоев стоянки: 41—40 и 44—42 тыс. лет назад соответственно (Нехорошев, 2006, с. 27—61).

На среднепалеолитических памятниках Волгоградской области не были обнаружены кости самого человека, что не дает возможности судить о его физическом типе. В Европе с мустьерскими памятниками обычно отождествляли неандертальцев, находки костных остатков которых известны в Западной Европе, Крыму, Северном Кавказе и Средней Азии. Свое название они получили от долины Неандерталь, находящейся в Германии, недалеко от Дюссельдорфа. Здесь еще в середине XIX в. были обнаружены костные останки ископаемого человека, среди которых находилась черепная крышка. Сейчас принято считать, что так называемые классические неандертальцы появились в Европе 150—130 тыс. лет назад и просуществовали около 100 тыс. лет (Вишняцкий, 2004, с. 99). Неандертальцев включают в группу палеантропов, являющуюся одним из видов рода *Номо*. Они по ряду морфологических признаков отличались от современного человека. У них были мощные надбровные дуги, покатый лоб и выступающая нижняя часть лица. Они отличались большей массивностью костяка, что свидетельствовало об их физической силе при относительно невысоком росте (165—170 см). Объем мозга неандертальцев, судя по остаткам черепов, практически не отличался от современных людей и равнялся в среднем 1400—1500 см³ (рис. 11). Они, как полагают ученые, владели речью. Открытие погребений неандертальцев позволяет говорить о целенаправленных действиях

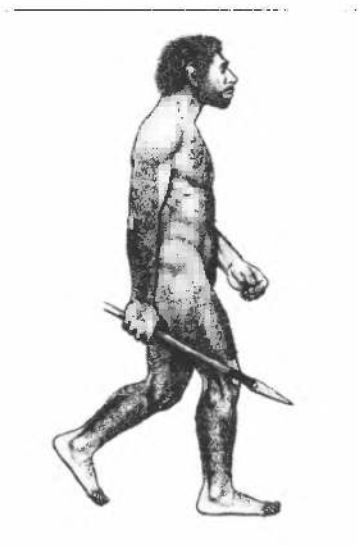

Рис. 11. Неандерталец. Так мог выглядеть обитатель стоянки Сухая Мечетка

при их сооружении, что может свидетельствовать о зарождении у них представлений о потустороннем мире и существовании религиозных представлений.

Л. Б. Вишняцкий, известный специалист в области археологии каменного века и проблем эволюции человека, упоминая об этих отличительных чертах неандертальцев, с определенной долей юмора отмечал, что если бы можно было немного замуфлировать одного из них, то «...иной неандерталец, одетый в современный костюм, побритый и подстриженный (лучше — наголо), пожалуй, вполне органично смотрелся бы где-нибудь на Невском проспекте или на Бродвее

в Нью-Йорке, и его появление там не вызвало бы особого ажиотажа ... на Невском и не такое увидишь» (Вишняцкий, 2004, с. 102). От себя добавим — на Бродвее тем более!

Еще относительно недавно господствующей в науке являлась точка зрения о том, что современный тип человека в Европе появляется примерно 40—35 тыс. лет назад, а его предком были неандертальцы. Новые исследования, и в частности палеогенетического характера, поставили эту версию под сомнение. Анализ ДНК неандертальцев не подтверждает их прямого родства с современными людьми. В настоящее время среди палеоантропологов преобладает мнение, основывающееся на новых открытиях, о том, что современный тип человека (*homo sapiens*) появляется в Африке около 130 тыс. лет назад. Освоение *homo sapiens* Европы, исконной территории обитания неандертальцев, начинается относительно поздно, примерно 40—35 тыс. лет назад. Как полагают, оба вида *homo* какое-то время сосуществовали на одной территории. Неандертальцы, оказавшись в конечном счете тупиковой ветвью человеческого древа, исчезают око-

ло 25—30 тыс. лет назад. Верхнепалеолитическая культура была уже в основном достоянием современного типа человека. Вероятно, существовали случаи ассимиляции между неандертальцами и современным типом человека, но они не оказали существенного влияния на человеческий род. Все же следует отметить, что в вопросе о появлении на Европейском континенте современного типа человека и его взаимоотношениях с неандертальцами, о причинах исчезновения последних еще много неясного и, видимо, в дальнейшем эта проблема еще не однажды будет корректироваться.

Стоянку Сухая Мечетка, а также местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище можно считать одними из самых древних археологических памятников в Нижнем Поволжье. До сих пор пока нет достоверных данных о присутствии здесь человека в домусьерскую эпоху. Возможно, что такая ситуация вызвана трудностью обнаружения этих памятников, открытие их, как правило, дело случая. Не исключено, что такие памятники будут открыты в будущем. Кстати, местонахождения ашельской эпохи, предшествующей мусьерской, известны в ближайших к Нижнему Поволжью районах, например, на Кавказе, в Казахстане и в Приазовье.

Заселение Нижнего Поволжья в палеолитическую эпоху происходило, вероятно, из Закавказья, где обнаружено большое число находок того же времени, что и стоянка Сухая Мечетка, и предшествующих ей. Открытие ряда других мусьерских местонахождений в Волгоградской области свидетельствует о более плотном заселении древним человеком нашего края в то далекое время. Скопление местонахождений мусьерского времени было выявлено в Котельниковском районе в месте впадения Аксая Курмоярского в Цимлянское водохранилище. Здесь в устье Большой Козловой балки, Цыганского хутора и ст-цы Нагавской были собраны нуклеусы, отщепы, остроконечники, скребла мусьерского облика (Праслов, 1968, с. 120—126; 1972, с. 198, 199).

Верхний палеолит. Этот период каменного века, который еще называют поздним палеолитом, обычно датируется временем от 40 до 12—10 тыс. лет назад. Памятников этой эпохи на территории Волгоградской области открыто немного, причем большая их часть не подвергалась стационарному исследованию. Представлены они стоянками и отдельными местонахождениями. В этот времени функционировала вышеупомянутая многослойная стоянка Шлях во Фролов-

ском районе, давшая материал от среднего палеолита до мезолита. Так, например, в слоях 4 и 6 были обнаружены каменные орудия, с характерной для верхнепалеолитического времени технологией их изготовления (Нехорошев и др., 2003, с. 9—25).

Новогригорьевская стоянка. Стоянка была открыта в 1991 г. и исследована экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Она располагалась на северной окраине ст-цы Новогригорьевской Иловлинского района на первой надпойменной террасе правого берега Дона. Культурный слой стоянки со следами деятельности людей здесь залегал на глубине 1,35 м. Каменные изделия, обнаруженные на стоянке, в основном были изготовлены из кварцита и часть из кремня. Орудия труда представлены резцами, скребками, проколками, фрагментами пластин с дополнительной обработкой. Типология орудий и технология их изготовления свидетельствуют о верхнепалеолитическом их возрасте.

Местонахождения верхнего палеолита в районе ст-цы Кременской. Ст-ца Кременская расположена на правом берегу Дона в Клетском районе. Вплотную к станции подходит возвышенность, изрезанная балками и оврагами. В разное время, начиная с 70-х гг. прошлого века, в окрестностях Кременской археологами был обнаружен целый ряд местонахождений каменного века, относящихся к длительному периоду — от палеолита до неолита. На некоторых из них найдены изделия из кремня или кварцита, характерные для верхнего палеолита. Специалисты считают, что местность, прилегающая к Кременской, является достаточно перспективной для будущих поисков здесь новых памятников каменного века (Ремезов, 2005, с. 303—312).

Местонахождения верхнего палеолита в Котельниковском районе. Памятники этого времени были обнаружены по правому берегу реки Аксай Курмоярский, долина которой в настоящее время подтоплена водами Цимлянского водохранилища. Наиболее выразительными из них являются местонахождения Похлебинское I и Подгородниченково I.

Местонахождение Похлебино I названо по имени хутора, поблизости от которого оно располагалось. Здесь было собрано около 70 изделий из камня. Среди орудий преобладали резцы боковые, срединные и угловые. Обнаружено не-

сколько скребков, а также совершенной формы нуклеусов, с которых скалывались пластины.

Местонахождение Подгородниченко I было обнаружено в 6—7 км севернее Похлебинского. Оно было названо в память геолога В. И. Подгородниченко, впервые обнаружившего памятники первобытной археологии в этих местах. Здесь, в устье одной из небольших балок был выявлен культурный слой. Небольшая зачистка позволила археологам собрать более 500 предметов, преимущественно это были кремневые пластинки, кроме того, был найден скребок и нуклеус. Высокая техника изготовления пластин свидетельствует о позднем возрасте этого памятника в пределах верхнего палеолита (Праслов, 1968, с. 124—126). Сохранение культурного слоя позволяет отнести этот памятник к разряду стоянок верхнепалеолитического времени.

Кроме вышеназванных объектов верхнепалеолитического времени, отдельные находки орудий труда этой эпохи были обнаружены во время проектировочных и строительных работ по трассе Волго-Донского канала в районе хут. Ивановка и Колпачки.

Есть основания говорить об усилившейся заселенности Восточной Европы с эпохи верхнего палеолита, о чем свидетельствует целая серия стоянок (более двадцати) в соседней Воронежской области на Дону, в районе с. Костенки и Боршево. Здесь было обнаружено четыре погребения людей верхнего палеолита. Исследование их костных останков, проведенное антропологами, показало, что они принадлежат к разным расам, что свидетельствует о сложных расогенетических процессах, происходивших в то время. В период позднего палеолита идет дальнейшее развитие орудий труда, в целом культуры и общественных отношений. Происходит становление родоплеменной организации. Появляются первые памятники искусства: наскальная живопись, статуэтки, резьба по кости. Совершенствуется постройка жилищ. Появляются наземные постройки с несколькими очагами по их длинной оси. Основными формами хозяйства, как и прежде, остаются охота и собирательство. Происходит усовершенствование орудия охотников, появляется копье с каменным наконечником.

Мезолит. Данная эпоха, средний каменный век, обычно датируется с XII по VI вв. до н. э. Однако на разных территориях начало и окончание этой эпохи могло происходить в

разное время. Положение с памятниками мезолита в нашей области такое же, как и в предыдущее время, их очень мало. Это характерно не только для Волгоградской области, но и для всего Евразийского континента. В эпоху мезолита происходит становление современных климатических условий, а также животного мира. На смену мамонтам и некоторым другим видам животных, являвшимся основным объектом охоты в эпоху палеолита, приходят современные виды животных: северные олени, лоси, кабаны и другие, предки которых обитали и раньше, но теперь становятся основными промысловыми животными. Происходит изменение форм охоты от загонно-облавной, характерной для палеолита, к индивидуальным.

В этот период усиливается подвижность охотничьих коллективов, вынужденных передвигаться вслед за стадами животных. Происходит их сегментация на более мелкие группы, по сравнению с предыдущим временем. Этот фактор отразился на характере бытовых памятников эпохи мезолита, которые обычно отличает слабо выраженный культурный слой, ввиду того, что продолжительность жизни на них была не долгой.

Мезолит, как средний каменный век, занимал промежуточное положение между палеолитом (древним каменным веком) и неолитом (новым каменным веком). По этой причине для каменной индустрии мезолита на раннем этапе характерно сохранение старых верхнепалеолитических традиций, а на позднем — появление новых элементов, получивших развитие в неолите. В мезолите получила распространение и качественно новая, так называемая микролитическая техника изготовления орудий труда, основанная на высоком уровне отжимного способа отделения ножевидных пластинок от заготовок, что дало возможность получать небольшие пластинки геометрических форм, называемые микролитами (от древнегреческих «микрос» — маленький и «литос» — камень). Микролиты использовались как вкладыши при изготовлении сложносоставных орудий труда, основа которых была из дерева или кости. В качестве закрепителей микролитов, вставленных в пазы основы, использовались природный асфальт, битум, горный воск. В некоторых памятниках на микролитах обнаружены остатки этих веществ. Асфальт, например, с глубокой древности использовался людьми. В шумерской мифологии, восходящей к III тыс. до н. э., в

эпизоде о потопе ковчег Утнапештима был осмолен асфальтом. В мезолите появились первые жатвенные ножи, долота и топоры из камня. Изобретением этой эпохи были лук и стрелы с каменными наконечниками.

На территории Волгоградской области известно несколько мезолитических местонахождений.

Селезневское местонахождение. Оно было открыто в 1990 г. ленинградскими археологами. Располагалось оно на правом берегу Дона в верховьях балки Селезнева в 6 км к югу от ст-цы Кременской Клетского района. На местонахождении неоднократно производился сбор подъемного материала, делалась зачистка склонов. Всего было собрано более 900 предметов из камня, но орудий труда среди них мало, преобладают в основном кремневые пластины с ретушью и скребки. Обнаружена серия нуклеусов. Исследователи этого памятника предполагают, что здесь находилась мастерская по изготовлению орудий труда. Невыразительность материала этого местонахождения затрудняет его достаточно точную датировку, однако специалисты не исключают принадлежность его к мезолиту (Дремов, Ластовский, 2006, с. 174—176).

Фроловское местонахождение. Было обнаружено в начале 80-х гг. XX в. в 11 км к юго-западу от г. Фролово. Стоянка располагалась на левой стороне балки Паника. Всего здесь было обнаружено 172 предмета, среди которых находились 22 орудия: скребло, скребки, резец, отщепы с ретушью, фрагмент двусторонне обработанного орудия. Основная часть их изготовлена из светло-серого и коричневатого кремня. Технология изготовления орудий труда из Фроловского местонахождения близка верхнепалеолитической, но залегание артефактов в голоценовой почве позволяет отнести его к мезолитической эпохе (Дремов, Ластовский, 2006, с. 176—177).

Стоянка Ураков Бугор. Стоянка расположена в 30 км к северо-востоку от Камышина на правом берегу Волги между с. Нижняя Добринка и Дубовка на мысу, ограниченном с севера и юга глубокими оврагами, в районе Уракова Бугра. Стоянка исследовалась в 1991 и 1992 гг. экспедицией под руководством И. И. Дремова. Примерная площадь стоянки составляла 1500—2500 м². Общая же площадь раскопок составила 76 м². В процессе раскопок было найдено большое количество нуклеусов из кварцитопесчаника и кремня, с которых

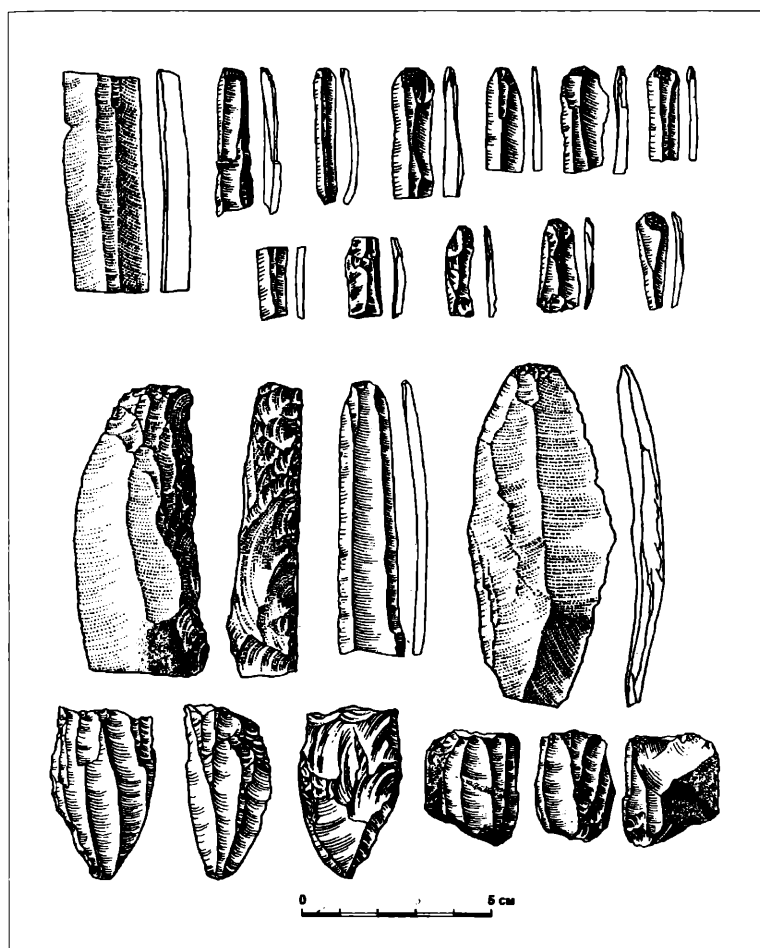

Рис. 12. Каменные орудия со стоянки Ураков Бугор

скалывались разнообразной формы пластины. Таких пластин обнаружено 331. Из орудий труда были обнаружены скребки, резцы, два долотовидных и несколько тесловидных орудий, один трапециевидный микролит (рис. 12). В нижней части культурного слоя были обнаружены кости животных и рыб. Их определение показало, что обитатели стоянки охо-

тились на лошадей и косуль, ловили рыбу, преимущественно осетровых пород. Возраст культурного слоя с наибольшей насыщенностью находками, датированный с использованием радиоуглеродного метода, дает усредненную калиброванную дату 10,5 тыс. лет до н. э.

Исследователи относят стоянку Ураков Бугор к концу позднеледникового периода — началу голоцена. Техника изготовления каменных орудий труда, обнаруженных на стоянке, характеризуется как верхнепалеолитическими, так и новыми традициями, получившими развитие в мезолитическую эпоху.

Споро-пыльцевой анализ нижнего слоя стоянки свидетельствует о довольно холодном климате в то время, соответствующему тундрово-степному ландшафту (Дремов, Ластовский, 2006, с. 178—193).

Неолит. Следующая археологическая эпоха, памятники которой обнаружены на территории Волгоградской области и в непосредственной близости от Волгограда, — новый каменный век (неолит). Начало этой эпохи связано с целым рядом выдающихся достижений человечества, в значительной мере определивших дальнейшую его историю. Одним из важнейших является постепенный переход от присвояющих к производящим формам хозяйства — скотоводству и земледелию, которые и сейчас в основном обеспечивают людей продовольствием. Это важное событие в истории хозяйственной деятельности человечества получило название «неолитической революции», поскольку явилось прологом на его пути к качественно новой организации общества — к цивилизации. Существенным достижением этой эпохи было появление и широкое распространение глиняной посуды и ткачества, свидетельствовавших о значительно возросших потребностях человека того времени. Основным материалом для изготовления орудий труда в неолите продолжает оставаться камень, но техника его обработки совершенствуется, начинают применяться пиление, сверление и шлифовка, что значительно расширяет ассортимент изделий. Впервые, пожалуй, в это время человек сталкивается с дефицитом. На поверхности специальных пород камня, пригодных для изготовления орудий труда, становится все меньше, поэтому начинает использоваться шахтовая его добыча.

Большинство неолитических памятников, открытых в Нижнем Поволжье, датируются по радиоуглеродному методу, основанному на исчислении времени полураспада радиоак-

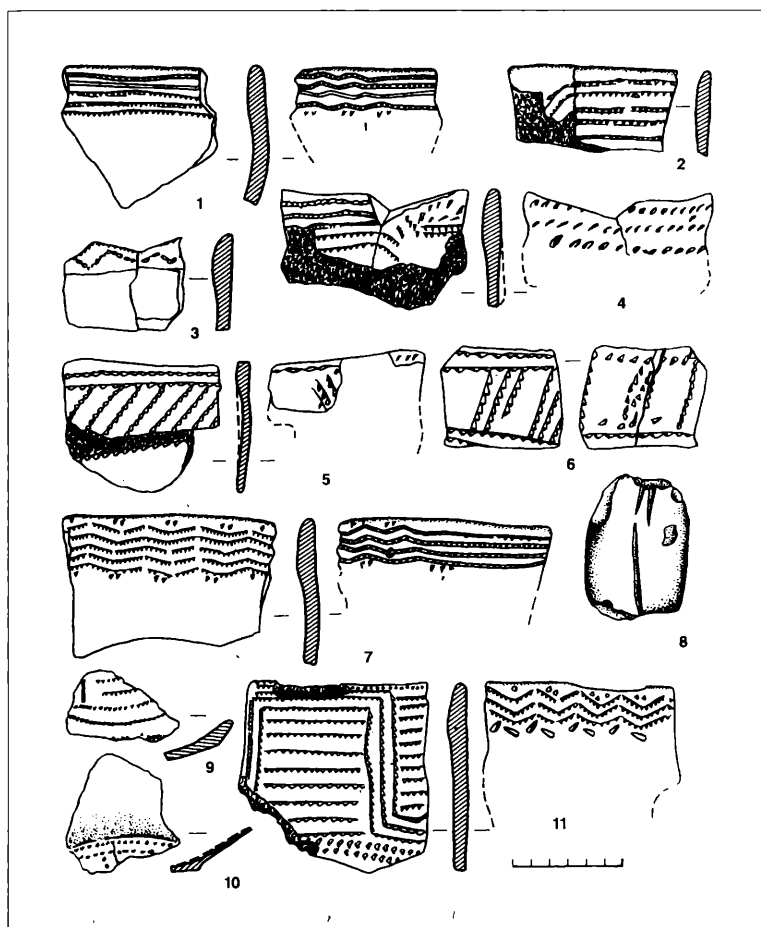

Рис. 13. Находки из неолитической стоянки Орловка:
1—7, 9—11 — фрагменты глиняной посуды; 8 — каменное грузило

тивного изотопа углерода C^{14} , содержащегося в органике, VI—IV тыс. до н. э.

Орловская стоянка. Эта неолитическая стоянка была исследована археологами в 1968 г. недалеко от пос. Орловка на северной окраине Волгограда в балке Мокрая Мечетка.

Она располагалась на узком обрывистом выступе, образованном оврагами. Большая часть стоянки была уничтожена в результате подмывания склона балки. Культурный слой мощностью 10—15 см сохранился на площади 24х12 м (Мамонтов, 1974, с. 254—258).

Во время раскопок стоянки была собрана коллекция из 78 фрагментов керамики, целые сосуды на такого рода стоянках, как правило, не встречаются. По фрагментам можно определить, что керамика изготовлялась ленточным способом, когда сосуд формировался из глиняных жгутов, накладываемых друг на друга и затем уплощаемых. Верхние края сосудов были богато орнаментированы приемом, называемым археологами «отступающей лопаточкой», когда по сырой глине проводили линии какой-либо палочкой, определенным образом заостренной, с периодическим частым нажимом на нее. Насколько можно судить по фрагментам, сосуды были достаточно больших размеров, с широким горлом. Диаметр отдельных из них достигал 40 см (рис. 13).

Кроме керамики на стоянке найдены и каменные орудия труда, большая часть которых представлена кремневыми пластинами, скребками овальной и подтреугольной формы. Были обнаружены два нуклеуса, два трапециевидных вкладыша, изготовленных из тонкой кремневой пластины, и один кремневый наконечник стрелы (рис. 14). Еще найдено одно грузило из песчаника с желобчатым пазом для крепления веревки.

Значительный интерес представляют кости животных, найденные в процессе раскопок стоянки. Для определения они были переданы в остеологический кабинет Института археологии АН СССР, их изучением занимался известный в свое время специалист В. И. Цалкин. Полученные результаты оказались следующими: бык — две взрослые особи; лошадь — одна взрослая и две молодые особи; собака — одна особь; сайга — две особи. Из крупного рогатого скота одна особь, бесспорно, является домашней, другая, более крупных размеров, может быть как домашней, так и дикой; кости лошади ближе всего к костям домашних особей.

При раскопках стоянки была обнаружена полуземляночная жилая конструкция, половина которой оказалась разрушенной балкой. Скорее всего, она представляла собой прямоугольное помещение, заглубленное в землю на 0,6 м, и длиной 6 м, ширина ее не восстанавливается. С одной сто-

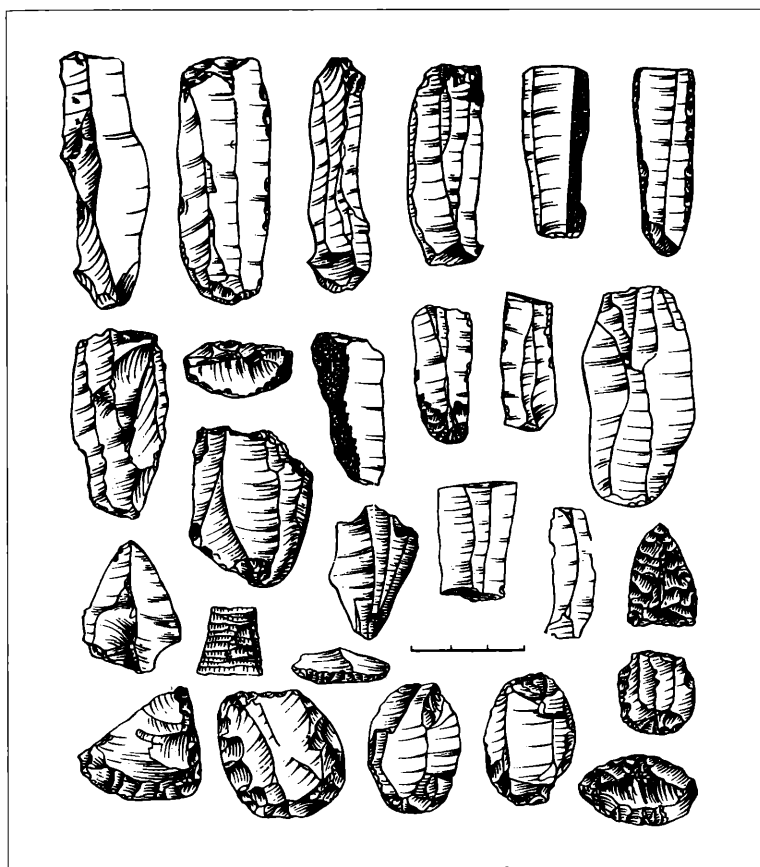

Рис. 14. Кремневые орудия из стоянки Орловка

роны полуземлянка имела вход длиной 2 м, крыша ее поддерживалась при помощи столбов, следы от которых сохранились в виде круглых углублений. В. И. Мамонов, автор раскопок данного памятника, предполагает, что это было временное жилище летнего типа, необходимое на то время, когда жители этих мест, занимавшиеся скотоводством, пригоняли стада в пойму реки, располагавшуюся на месте нынешней балки Мокрая Мечетка.

В последующие годы в Поволжье был открыт еще ряд неолитических стоянок, близких по характеру находок Орловской, которые исследователи объединили в одну культуру, назвав ее орловской (Юдин, 2004, с. 138—140).

Латошинская стоянка. Кроме Орловской, в районе Волгограда был открыт еще ряд стоянок неолитического времени. Одна из них также располагалась на северной окраине Волгограда, на побережье Волгоградского водохранилища, у пос. Латошинка. Здесь на небольшой глубине, всего 15 см, был выявлен культурный слой мощностью 75 см, содержащий отщепы пластин из кремня и кварцита, готовые орудия труда, кости животных и рыб, фрагменты керамики, в тесте которой также присутствовала толченая раковина. По определению палеозоологов, кости животных с этой стоянки принадлежали лошади, овце, волку или собаке и сайге (Третьяков, 1974, с. 210).

Царицынская стоянка. Обнаружена на высоком берегу Царицынской балки в 9—10 км от Волги. Культурный слой, залегающий на глубине 3 м, был прорезан оврагом. Разведочными раскопками здесь обнаружены кварцитовые отщепы, кремневый скребок, фрагменты керамики ручной лепки с толченой раковинной в тесте. При изучении культурного слоя стоянки было собрано 157 костей животных, принадлежавших овце, козе, лошади, собаке, корове, медведю (?). Одна из костей принадлежала, возможно, сому (Третьяков, 1974, с. 210, 211).

Ряд стоянок неолитического времени располагался по берегу реки Торгун, левого притока Волги, в пределах Волгоградской области.

Стоянка Кумыска. Располагалась на южной окраине с. Кумыска Палласовского района на левом берегу Торгуна. Стоянка оказалась многослойной, нижний ее культурный слой относился к неолитическому времени. Раскопанная площадь стоянки составляла около 470 м². На стоянке обнаружены орудия труда, преимущественно изготовленные из кремня, среди которых преобладали пластины с ретушью и пластины-вкладыши, найдено несколько скребков. Находки керамики немногочисленны, причем она оказалась сильно фрагментированной. Орнамент на керамике был нанесен проколами и сплошными прочерками (Юдин, 2006, с. 359, 360).

Стоянка Савинка. Находилась в 1,2 км северо-восточнее с. Савинка Палласовского района, на правом берегу Торгу-

на. Здесь были собраны кремневые орудия, типологически находящие аналогии в памятниках неолитического времени.

Между Савинкой и Кумыской на левом берегу археологами было выявлено еще два местонахождения, названных Максимовка и Борсы, судя по каменным орудиям труда, относящимся к неолиту (Юдин, 2006, с. 360, 361).

Памятники неолита были обнаружены в Подонье, в пределах Волгоградской области.

Лагутинская стоянка. Располагалась в нижнем течении р. Чир, в 0,5 км к северу от хут. Лагутина Чернышковского района Волгоградской области. На стоянке был собран представительный набор орудий труда, изготовленных в основном из кремня, в виде ножевидных пластин и скребков. Здесь же были найдены фрагменты лепной посуды, орнаментированные наколами и полулунными вдавлениями.

Пятиморская стоянка. Культурный слой стоянки был размыт водами Цимлянского водохранилища, поэтому предметы неолитического времени были найдены вместе с материалами, относящимися к другим эпохам. На стоянке преимущественно были обнаружены фрагменты керамики с обильной примесью толченой раковины. Профили сосудов и их орнаментация, по аналогии с керамикой из других памятников, свидетельствуют о неолитическом возрасте этих находок из Приморской стоянки (Юдин, 2006, с. 361—363).

Совокупный анализ находок из большинства неолитических памятников Волгоградской области свидетельствует об их культурной и хронологической близости в рамках выделенной археологами упомянутой выше орловской культуры. Сама орловская культура занимала значительно большую территорию, нежели Волгоградская область. На север памятники орловского типа распространяются до границы лесостепи; на восток — до реки Урал; на юге — до низовий Узеней и границы прикаспийских песков; на западе границей их является Волга и, видимо, Дон, по крайней мере в пределах Волгоградской области (Юдин, 2006, с. 363).

Орловская неолитическая культура датируется в основном второй половиной V — началом IV тыс. до н. э. Основной формой хозяйства населения орловской культуры являлись охота и собирательство. В рамках домашнего производства изготавливалась керамика, обрабатывались шкуры животных.

В названных выше стоянках были обнаружены кости лошади, в том числе и одомашненной. Существует мнение, что

Южное Приуралье и Поволжье было тем местом, где впервые в эпоху неолита человеком была одомашнена лошадь. Этим самым наш район внес существенный вклад в развитие общечеловеческой культуры, поскольку лошадь в истории человечества играла очень важную роль (Наумов, 2002, с. 11—20).

В новом каменном веке теперешняя территория Волгоградской области и прилегающие непосредственно к городу районы были заселены гораздо плотнее, чем в эпоху палеолита. Это, видимо, связано с общим увеличением населения, чему в немалой степени способствовал постепенный переход к более устойчивым формам хозяйства — скотоводству и земледелию. По крайней мере, археологическая ситуация, выявленная здесь, подтверждает это мнение. Кроме упоминавшихся стоянок, на территории Волгоградской области был открыт еще ряд неолитических памятников, которые не подвергались специальным раскопкам. Ближайшими из них к городу являются стоянки у с. Каменка, хут. Варламова и д. Грачи Дубовского района (Третьяков, 1974, с. 208—210; Еремин, 1975, с. 103—109). В упомянутой выше публикации А. Ильиной и П. Шишкина «Материалы к археологической карте...», изданной в 1929 г., упоминается целый ряд местонахождений на территории города, которые могут быть отнесены к рассматриваемой эпохе. Например, там упоминается о двух мастерских по изготовлению «кремневых орудий микролитического типа», располагавшихся на склоне Мамаевых бугров напротив завода «Красный Октябрь». Там же упоминается о местах, где находили кремневые орудия труда, обломки лепной керамики и кости животных. Например, в районе Ольховой балки; между трамвайной линией и пос. им. Рыкова, на правом берегу Банного оврага; на берегу Волги на участке Райнефтесиндиката; на правом берегу Ельшанского оврага, возле Астраханской плотины; на «Буграх» возле общежития завода «Баррикады». Сейчас трудно судить о времени всех этих местонахождений, поскольку материалы сборов с них не сохранились. Не исключено, что они разного времени, но, возможно, часть из них относилась к неолитической эпохе (Ильина, Шишкин, 1929).

ЭНЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Энеолит (медно-каменный век) — первая в истории человечества эпоха знакомства с металлом. Само это название составлено из латинского термина «aeneus» — медный и греческого lithos — камень. В качестве синонимов употребляют также названия «медный век» или «халколит», в этом случае первая его составная часть также греческая (chalkos — медь), однако термин «энеолит» в русскоязычной литературе наиболее употребителен. Долгое время энеолит не выделяли в самостоятельный период человеческой истории, относя его то к завершающей стадии неолита, то к начальной бронзового века.

По мере накопления новых материалов и более углубленного изучения начальной истории эпохи металла исследователи пришли к выводу о том, что энеолит обладает целым набором признаков, позволяющих считать его самостоятельным периодом в археологической периодизации. Для энеолита характерно не спорадическое, а регулярное распространение медных изделий, в том числе и орудий труда, что сказывалось на деградации каменной индустрии. В период энеолита намечается специализация земледелия и скотоводства. Приспособление к географическим условиям приводит в одних районах к усилению земледелия, в том числе и орошаемого, в других, как например, волго-донские степи — скотоводства.

Энеолит также характеризуется развитием общинных ремесел, это в первую очередь гончарство, ткачество, изготовление каменных орудий труда, которые продолжают играть еще существенную роль в хозяйстве. Металлургия, как полагают, в отдельных районах, обеспеченных доступом к сырью, могла выделиться уже в вид специализированного ремесла (Рындина, Дегтярева, 2002, с. 23).

Все эти характерные черты рассматриваемой эпохи позволили исследователям заявить, «что энеолит — не плод

отвлеченных кабинетных комбинаций, не какой-то случайный переходный период, а проявление в конкретном археологическом материале реальной исторической эпохи. Вместе с тем мы имеем не абстрактный энеолит, а многочисленные археологические комплексы энеолитического типа, отражающие все богатство и многообразие реального исторического процесса, диалектическое сочетание общего и особенного» (Энеолит СССР, 1982, с. 7).

Древнейшими районами, где впервые встречаются изделия из меди, являются юго-восток Малой Азии, север Месопотамии и юго-запад Ирана. Здесь начали обрабатывать самородную медь путем холоднойковки, а затем выплавлять из руды. Археологические открытия в этих местах с большой долей вероятности позволяют утверждать, что именно там, в VII—VI тыс. до н. э., впервые зарождается древнейшая металлургия. Именно это достижение в совокупности с развитием производящих форм хозяйства предопределило в этом регионе появление первых цивилизаций. Энеолитические памятники юга Восточной Европы датируются несколько более поздним временем, преимущественно концом V—IV тыс. до н. э.

В эпоху энеолита в Восточной Европе большую роль играла так называемая Балкано-Карпатская металлургическая провинция, обеспечивающая изделиями из меди обширную территорию, охватывающую и Поволжье. В Поволжье были распространены памятники так называемой хвалынской энеолитической культуры, названной так по одному из памятников, открытых в Саратовской области (Агапов и др., 1990). Эта культура представлена грунтовыми могильниками и кратковременными стоянками, ареал ее был достаточно широк — от Камы до Прикаспия. Энеолитических памятников на территории Волгоградской области открыто немного. Поселение времени перехода от энеолита к эпохе бронзы исследовано у хут. Репин на Дону в Иловлинском районе, на котором была собрана коллекция фрагментов керамики от круглодонной лепной посуды с грубыми расчесами по ее поверхности, украшенной орнаментом, нанесенным гребенкой, оттисками шнура и другими приемами (рис. 15). В разных местах области было открыто несколько погребений энеолитической эпохи под небольшими курганными насыпями, в которых обнаружены костяки, лежавшие на спине с подогнутыми ногами, обильно посыпанные охрой. Так, в од-

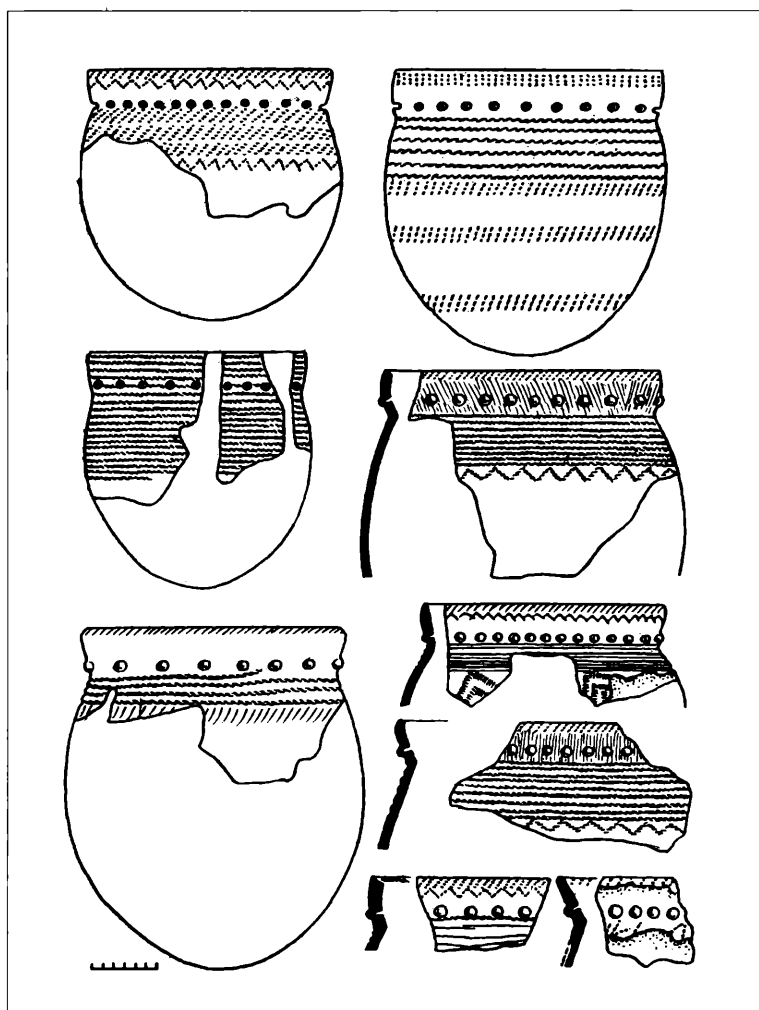

Рис. 15. Глиняная посуда из Репинского поселения

ном из курганов у хут. Шляховский во Фроловском районе вместе с двумя погребенными были обнаружены длинные кремневые пластины, скипетр и тесла из камня (рис. 16) (Клепиков, 1994, с. 97—102). Три погребения энеолитического

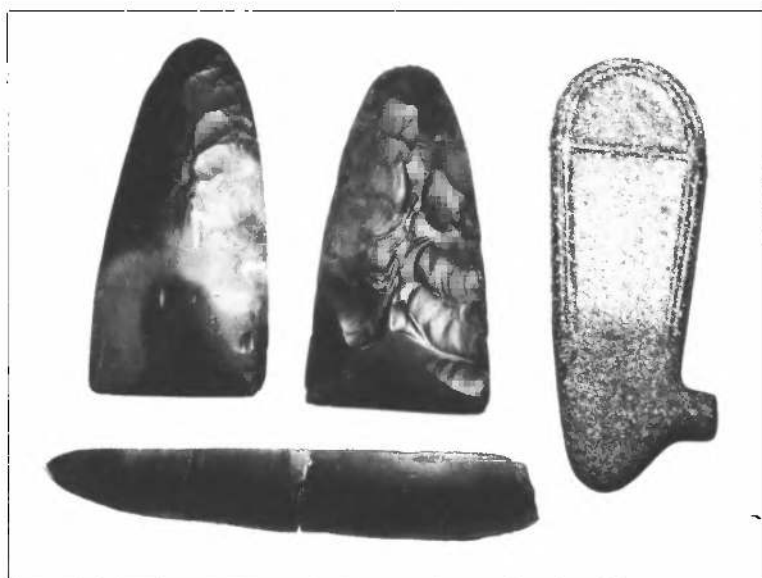

Рис. 16. Кремневые тесла, каменный скипетр и кремневая пластина из кургана у хут. Шляховский

времени недавно были открыты экспедицией Волгоградского государственного университета в курганном могильнике около с. Перегрузное в Октябрьском районе. В одном из них обнаружены медный браслет, наконечники стрел и ножевидные пластины из кремня. В другом — узкая ножевидная пластина длиной 24,6 см. В 80-е гг. прошлого века в Ерзовской балке, расположенной севернее Волгограда, экспедицией этого же университета был исследован ряд поселений позднебронзового века, на одном из которых была обнаружена керамика энеолитического облика, что свидетельствует об обитании здесь людей той эпохи (Дьяченко, 1992, 116).

Все это подтверждает вывод о том, что в эпоху энеолита территория области и, вероятно, города была обитаема. Ее занимало население, занятое преимущественно разведением скота и ведущее достаточно подвижный образ жизни.

Бронзовый век. Памятники этой эпохи достаточно ярко представлены на волгоградской земле. Дальнейшее интенсивное развитие производящих форм хозяйства, в первую очередь скотоводства, а впоследствии и земледелия, приве-

Рис. 17. Повозка бронзового века. Процесс реставрации

ло к быстрому заселению Нижнего Поволжья. Эта эпоха ознаменовалась целым рядом новых достижений в хозяйстве населения нашего степного края. В обиход широко входит новый металл — бронза, появляется колесный транспорт (рис. 17), животные начинают повсеместно использоваться как тягловая сила. Развивается специализация в ремесле, подтверждением чему является открытие археологами погребений мастеров по изготовлению кремневых наконечников стрел или литейщиков.

Успехи в хозяйстве позволили получать значительный продукт, что в конечном счете отразилось на имущественном, а затем и социальном положении отдельных групп людей. В то время появляются погребальные сооружения, отличающиеся пышным ритуалом и обилием сопровождающих вещей, что должно было подчеркивать социальную значимость погребенных в них людей.

Курганы хотя и появляются в предыдущую эпоху, становятся наиболее распространенным видом археологических памятников в степном евразийском поясе только с эпохи бронзы. Древние курганы волго-донских степей являются современниками египетских пирамид, одинаково и их назна-

Рис. 18. Древние курганы

чение (рис. 18). Они представляют собой искусственные насыпи, которые возводились следующим образом. Сперва выкапывалась могильная яма, в которую клали погребенного и необходимые в соответствии с ритуалом вещи. Ямы могли быть самых разнообразных конструкций: простыми прямоугольными, с заплечиками, с подбоями и катакомбами — все зависело от культурных традиций и времени, к которому относились захоронения. Ямы закрывались деревянными перекрытиями, после чего над ними возводились курганные насыпи. Земля для насыпей обычно бралась рядом. После сооружения курганной насыпи вокруг нее оставался ров. Это одна из наиболее простых конструкций курганного сооружения. На практике археологам часто приходится иметь дело с более сложными курганными насыпями, поскольку обычно в первоначальную насыпь впускались другие погребения, зачастую разных эпох. При этом первоначальную насыпь несколько раз досыпали, что усложняло ее стратиграфию. Иногда в одном кургане обнаруживают по несколько десятков погребений начиная от бронзового века и кончая средневековьем. Археологам при раскопках курганов приходится выявлять все нюансы стратиграфии, устанавливать относительную хронологию захоронений и их культурную принадлежность. На основе раскопок курганов еще в начале прошлого века известным российским ученым В. А. Городцовым были выделены три археологические культуры бронзового века: ямная, катакомбная и срубная, памятники которых в разное время занимали и Нижнее Поволжье. Названия эти условные, они происходят от наиболее характерных черт погребального обряда. Так, для ямной культуры было типичным погребать умерших в простых прямоугольных или овальных ямах и насыпать над ними курганы, для катакомбной культуры — в ямах с нишами-катакомбами, для срубной культуры — в прямоугольных ямах, стены которых иногда укреплялись деревянными срубами. Эти культуры различались между собой и другими деталями обряда, например, особенностями положения погребенных, их ориентировками, характером вещевого материала. Кроме того, они отличаются и типами памятников. Так, в Нижнем Поволжье ямная культура представлена исключительно подкурганными погребениями, катакомбная культура — преимущественно теми же памятниками, а срубная — как погребальными памятниками, так и поселениями. За всеми этими особенностями, прису-

щими каждой из упомянутых культур, стоят не только хронологические, экологические, экономические, но в определенной мере и этнические различия.

Впоследствии было выяснено, что каждая из названных выше культур занимала огромные пространства. Так, памятники ямной культуры охватывали степное пространство от Урала до Прута и Дуная. Примерно ту же территорию, но только в более позднее время занимала срубная культура. Исследователи установили, что в различных районах памятники одной и той же первично выделенной культуры имеют различный облик. Это привело к выделению нескольких вариантов или даже разных культур в рамках единой культурно-исторической общности — ямной, катакомбной или срубной.

Ямную культуру обычно относят к раннему бронзовому веку и раньше датировали ее преимущественно III тыс. до н. э., катакомбную относят к среднему бронзовому веку и датировали концом III — серединой II тыс. до н. э. К позднему бронзовому веку относится срубная культура, датированная серединой II — началом I тыс. до н. э. В настоящее время в специальной литературе наблюдается тенденция к удревнению культур бронзового века Восточной Европы. Так, начало формирования ямной культуры предлагается отнести ко второй половине IV тыс. до н. э., время существования катакомбной культуры датируют со середины III по начало II тыс. до н. э., становление срубной культуры — к XVIII—XVII в. до н. э. Некоторые культуры в отдельные периоды сосуществовали во времени, оказывая взаимное влияние друг на друга, что привело к появлению памятников с сочетанием черт разных культур и нашло отражение в археологической терминологии: «ямно-катакомбные погребения», «катакомбно-полтавкинские погребения» и др.

Кроме вышеназванных трех культур бронзового века, в течение прошлого века исследователями выделено еще несколько культур, памятники которых были открыты на территории Волгоградской области. Это полтавкинская и волгодонская культуры, относящиеся к среднему бронзовому веку, а также покровская культура позднего бронзового века.

Ямная культура. В Нижнем Поволжье ямная культура формируется на местной энеолитической основе. Начальный этап формирования ямной культуры относят к синкретической эпохе энеолита — ранней бронзы. На раннем этапе раз-

витие ямной культуры во многом определялось влиянием культур Северного Кавказа, усвоением их передовых достижений. В Нижнем Поволжье ямная культура представлена в основном погребениями под курганами. Судя по характеру памятников и находкам в них, население в то время занималось преимущественно скотоводством и вело подвижный образ жизни. На время существования ямной культуры приходится так называемая эпоха ранней суббореальной аридизации. Потепление климата, сокращение количества атмосферных осадков обусловили крен хозяйства у племен ямной культуры в сторону интенсификации животноводства с переходом на его подвижные формы. Эту мысль подтверждает как отсутствие поселений, так и состав их стад, в которых значительную часть составляли овцы, более всего приспособленные к кочевому скотоводству. Население ямной культуры быстро осваивает степные пространства, о чем свидетельствуют оставленные ими древние курганы. Древнейшим районом формирования этой культуры были волго-уральские степи. В дальнейшем племена ямной культуры продвигаются далеко на запад. Этому в немалой степени способствовало распространение транспорта в виде повозок, запряженных волами. В Нижнем Поволжье такие повозки были обнаружены в курганах ямной культуры в Калмыкии.

К настоящему времени на территории от Южного Урала до Дуная исследовано около 10 тыс. курганов ямного времени (Рындина, Дегтярева, 2002, с. 104). На всем этом пространстве археологи выделяют более десяти локальных вариантов ямной культуры, видимо, соответствующих различным племенным группировкам носителей этой культуры.

Погребальный обряд ямной культуры отличался относительным однообразием. Под курганом в прямоугольных ямах обычно находится один погребенный в скорченном положении, на боку или на спине, с подогнутыми ногами. На дне могильных ям часто присутствует охра. Из вещей встречаются глиняная лепная посуда с округлым дном, кремневые наконечники стрел или другие поделки из кремня, иногда так называемые молоточковидные булавки. Предметы, изготовленные из металла, попадаются довольно редко, видимо, в силу их ценности (рис. 19).

Племена ямной культуры Нижнего Поволжья испытывали влияние двух металлургических центров — кавказского и южноуральского. К западу от Волги чаще встречаются изде-

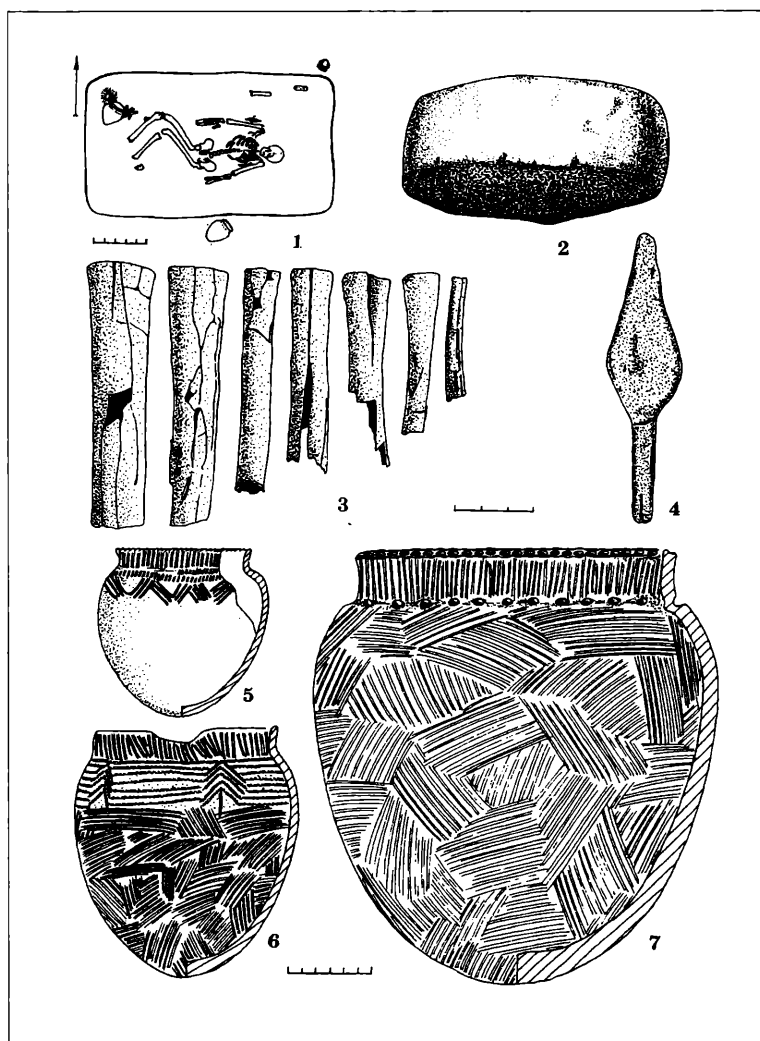

Рис. 19. Погребение ямной культуры и вещи из него
(Заволжье, Скатовка): 1 — план погребения; 2 — каменный пест;
3 — костяная флейта; 4 — бронзовый нож; 5—7 — глиняные сосуды

лия из кавказского медно-мышьяковистого металла. Заволжские районы больше тяготели к южноуральскому центру, представленному медным рудным месторождением Каргалы, расположенным недалеко от современного Оренбурга, где находятся тысячи древних шахт и отвалов отработанной породы (Черных, 1997).

Полтавкинская культура. Эта культура была выделена археологом Паулем Рау, выходцем из среды поволжских немцев, в результате раскопок курганов во второй половине 20-х гг. прошлого века на территории нынешнего Старополтавского района Волгоградской области. Эта культура представлена в основном подкурганными погребениями, преимущественно в прямоугольных ямах, в Заволжье и с преобладанием подбойных ям в междуречье Волги и Дона, в которых погребенные находились в скорченном положении, ориентированные головой на восток или северо-восток. С погребенными чаще всего встречается глиняная посуда, иногда изделия из бронзы и кости. Одной из отличительных черт этой культуры является керамика.

Различия в форме глиняной посуды, орнаментации, технологии изготовления в археологии являются важными показателями, за которыми могут стоять разные причины хронологического, культурного, этнического характера. Посуда, обнаруженная в полтавкинских памятниках, сильно отличается от посуды более ранней ямной культуры, отличительной чертой ее является орнаментация преимущественно зубчатым штампом всей поверхности сосуда (рис. 20). Проблема происхождения полтавкинской культуры в настоящее время является дискуссионной. Ранее считалось, что полтавкинская культура являлась переходной от ямной к более поздней срубной культуре. Спорным был даже ее статус, некоторые исследователи именовали ее не культурой, а ступенью, вслед за ее первооткрывателем П. Рау. В настоящее время существует гипотеза о влиянии кавказских традиций (кавказского очага культурогенеза) на формирование полтавкинской культуры, другим ее компонентом являлись местные традиции ямной культуры (Кузнецов, 2007, с. 216—224; Турецкий, 2007, с. 117—119). В последнее время в связи с удревнением датировок культур бронзового века, основанным на калиброванных радиоуглеродных датах, весь период полтавкинской культуры датируют с XXIX по XXI в. до н. э. (Кузнецов, 2004, с. 26).

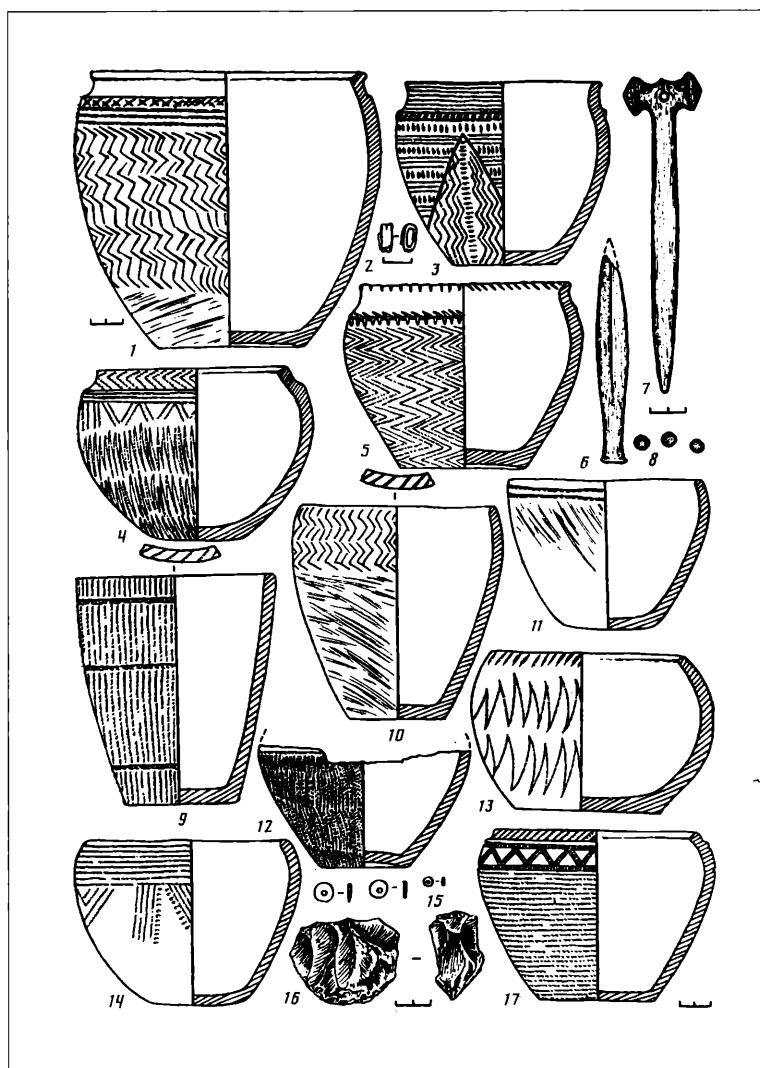

Рис. 20. Вещи из погребений полтавкинской культуры:
 1, 3—5, 9—14, 17 — глиняная посуда; 2 — бронзовая серьга;
 6 — бронзовый наконечник копья; 7 — костяная молоточковидная
 булавка; 8, 15 — бусы; 16 — кремневый скребок

В Северном Прикаспии были обнаружены остатки селищ полтавкинской культуры. На территории Волгоградской области не обнаружено ярко выраженных поселений этой культуры, в отдельных местах при обследовании нескольких поселений были найдены фрагменты керамики полтавкинского типа.

Катакомбная культура. Вопрос о происхождении этой культуры во многом также является дискуссионным. На этот счет имеется несколько мнений. По одному из них становление катакомбной культуры происходит на местной основе, восходящей к ямной культуре; по другому — катакомбная культура сформировалась в восточноевропейских степях в результате миграции населения из других районов. Причем миграционная версия подразделяет исследователей на сторонников кавказских или даже малоазийских истоков катакомбной культуры и сторонников западных ее корней. Не исключено, что в формировании катакомбной культуры играли роль как местные, так и миграционные процессы. По крайней мере, в настоящее время такая версия считается наиболее обоснованной, по которой генетической основой катакомбной культуры являлись ямные племена, испытавшие сильное культурное влияние населения Предкавказья (Рындина, Дегтерева, 2002, с. 145). Так, в ее погребальном обряде исследователи отмечают наличие сочетания старых традиций ямной культуры и новых черт, приведших к формированию катакомбной культуры. Причем, вероятно, на разных территориях распространения культур катакомбного круга включались и другие компоненты, влиявшие на их складывание. В междуречье Волги и Дона, и в частности в пределах Волгоградской области, катакомбная культура являлась пришлым элементом. На ее развитие здесь существенное влияние оказывали традиции, восходящие к ямной культуре.

Население, оставившее памятники катакомбной культуры, также как и ямной, занималось преимущественно скотоводством. Оно разводило овец, коров, лошадей. В южных районах преобладало подвижное скотоводство, приведшее к освоению глубинных степей. Отмеченные находения керамики катакомбного типа в ряде мест на севере нашей области свидетельствуют о существовании здесь поселений, например, в районе Камышина: Терновское городище, овраг Песчаный; у с. Кумыска в Палласовском районе (Лапшин, 2003, с. 254—257; Юдин, 2003, с. 127, 128). Известны анало-

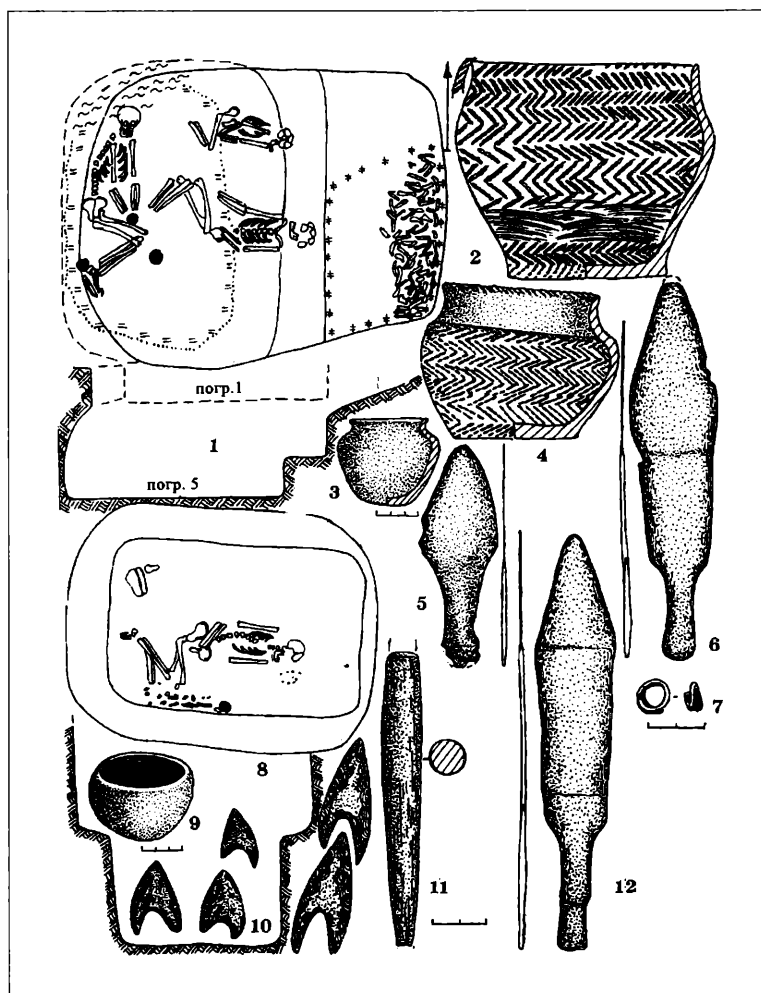

Рис. 21. Погребение катакомбной культуры
 (1—7 — хут. Антонов; 8—12 — пос. Котлубань): 1, 8 — планы погребений; 2—4 — глиняные сосуды; 5, 6, 12 — бронзовые ножи; 7 — бронзовая серьга; 10 — кремневые наконечники стрел; 11 — костяная булавка

гичные памятники и на территории саратовского Заволжья (Юдин, 2003, с. 126—132). Нахождение отмеченных поселенческих и погребальных памятников в Заволжье свидетельствует о том, что и эта территория в эпоху средней бронзы осваивалась населением катакомбной культуры. Однако широкое стационарное исследование поселений катакомбной культуры в Нижнем Поволжье до сих пор не проводилось, что затрудняет получение полной информации о них. Археологически катакомбная культура больше известна по материалам подкурганных погребений (рис. 21).

У населения катакомбных культур достаточно высоко была развита металлообработка, о чем свидетельствует большой набор изделий из металла: различные по форме ножи, втульчатые топоры, шилья, тесла, долота, крючья с втулками и пр. У разных катакомбных культур существовала своя специфика металлообработки, однако многие мастера работали в основном на привозном сырье — мышьяковистых бронзах северокавказского происхождения.

В среде катакомбных племен существовало имущественное неравенство. Археологами открыт ряд погребений с богатым набором вещей, которые принято считать захоронениями старейшин или вождей племен.

Волго-донская культура. В настоящее время в рамках катакомбной культурно-исторической общности, охватывающей территорию от Волги до Прута, выделяют целый ряд самостоятельных культур. Ближайшей из них к Нижнему Поволжью была донецкая культура, ее взаимодействие с полтавкинской культурой привело к становлению в Нижне-волжском регионе так называемой волго-донской культуры катакомбного круга. Ее относят к среднему периоду бронзового века и датируют преимущественно заключительными веками III тыс. до н. э. Памятники волго-донской культуры известны в Волго-Донском междуречье и степном Заволжье. Это курганы с ямами различной конструкции: с заплечиками, простые ямы, в отдельных случаях ямы с подбоем. Погребенные лежат в них скорченно на левом или правом боку, головой ориентированные на север или восток. Отличительной чертой волго-донской культуры является керамика с плоским дном, стройных пропорций, орнаментированная обычно «елочным» орнаментом, нанесенным зубчатым штампом.

В позднекатакомбное время волго-донская культура вытесняется вновь сформированными культурами среднедон-

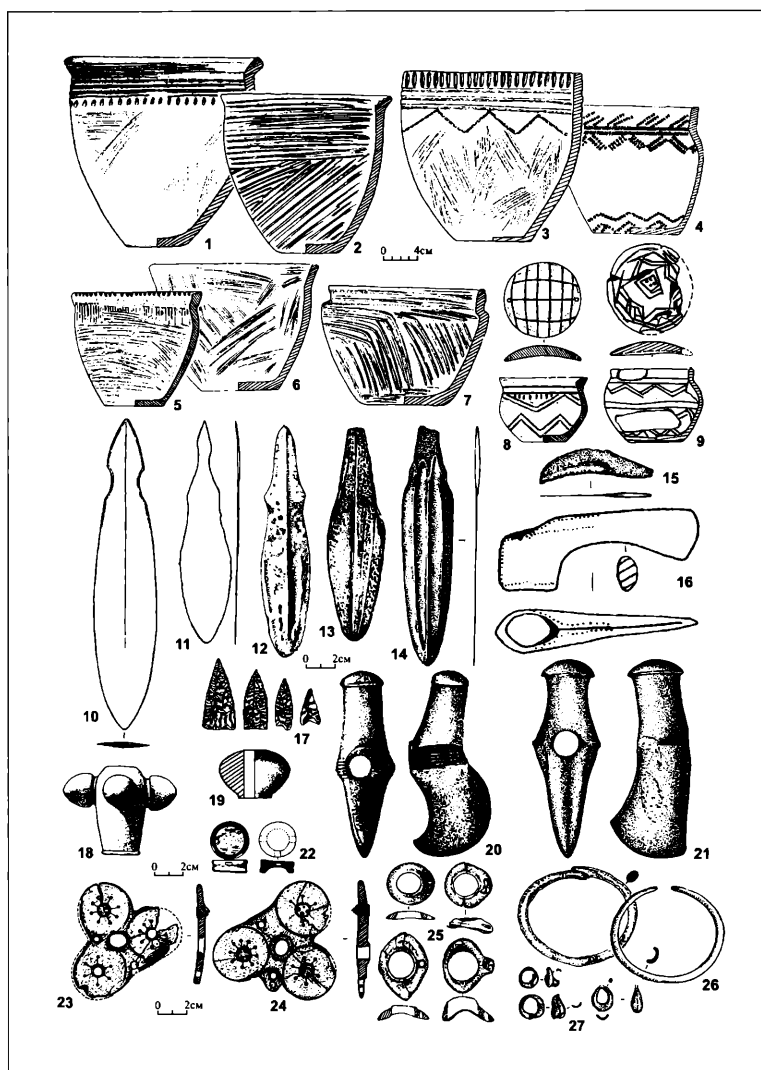

Рис. 22. Вещи из погребений покровской культуры Волго-Донского региона: 1—9 — глиняные сосуды; 10—14 — бронзовые ножи; 15 — бронзовая бритва; 16 — бронзовый топор; 17 — кремневые наконечники стрел; 18, 19 — каменные булавы; 20, 21 — каменные топоры; 22—24 — деталь конской упряжи, костяные псалии; 25 — костяные пряжки; 26 — бронзовые браслеты; 27 — бронзовые подвески

ской и маньчской из междуречья Волги и Дона на левобережье Волги (Кияшко, 2003, с. 26, 27).

Покровская культура. Эта культура получила свое название по раскопанному саратовским археологом П.С. Рыковым курганом в окрестностях г. Покровска, ныне Энгельс, в 20—30-х гг. Специалисты относят ее к начальному периоду позднего бронзового века и датируют началом II тыс. до н. э. Имеющиеся даты памятников этой культуры, полученные с использованием радиоуглеродного метода, относятся к XIX в. до н. э. Покровская культура представлена как погребениями под курганными насыпями, так и находками с поселений, которые известны в междуречье Волги и Дона и в Заволжье. Большинство погребений покровской культуры являются впускными в курганы ямного и катакомбного времени. При захоронении социально значимых лиц производилась дополнительная досыпка кургана, увеличившая его размеры. Погребения чаще всего совершались в прямоугольных ямах. Умерших клали обычно в скорченном положении на левый бок, головой на север. Наиболее часто встречаемой находкой в погребениях является глиняная лепная посуда. Достаточно часто встречаются бронзовые ножи, в ряде случаев височные подвески, браслеты, шилья, также изготовленные из бронзы. Часто находят кремневые наконечники стрел, иногда каменные булавы. Известны находки костяных деталей лошадиной упряжки (рис. 22).

Происхождение покровской культуры является дискуссионной темой. Исследователи отмечают достаточно выраженное влияние на ее формирование абашевской культуры, памятники которой располагались северо-западнее и севернее Нижнего Поволжья. Особенно это прослеживается на керамическом материале: формах сосудов; их орнаментации; составу теста, для которого характерна примесь толченой раковины. Дальнейшее развитие покровской культуры в Нижневолжском регионе, по мнению некоторых исследователей, приводит к трансформации ее в срубную культуру.

Срубная культура. Начало формирования срубной культуры, как уже отмечалось выше, в настоящее время относят к XVIII—XVII вв. до н. э., окончание ее существования — к началу I тыс. до н. э. Древнейшей территорией, где происходило становление срубной культуры, считается Волго-Уральский степной регион. На этот процесс повлиял целый ряд факторов. Во II тыс. до н. э. большую роль играл уральский метал-

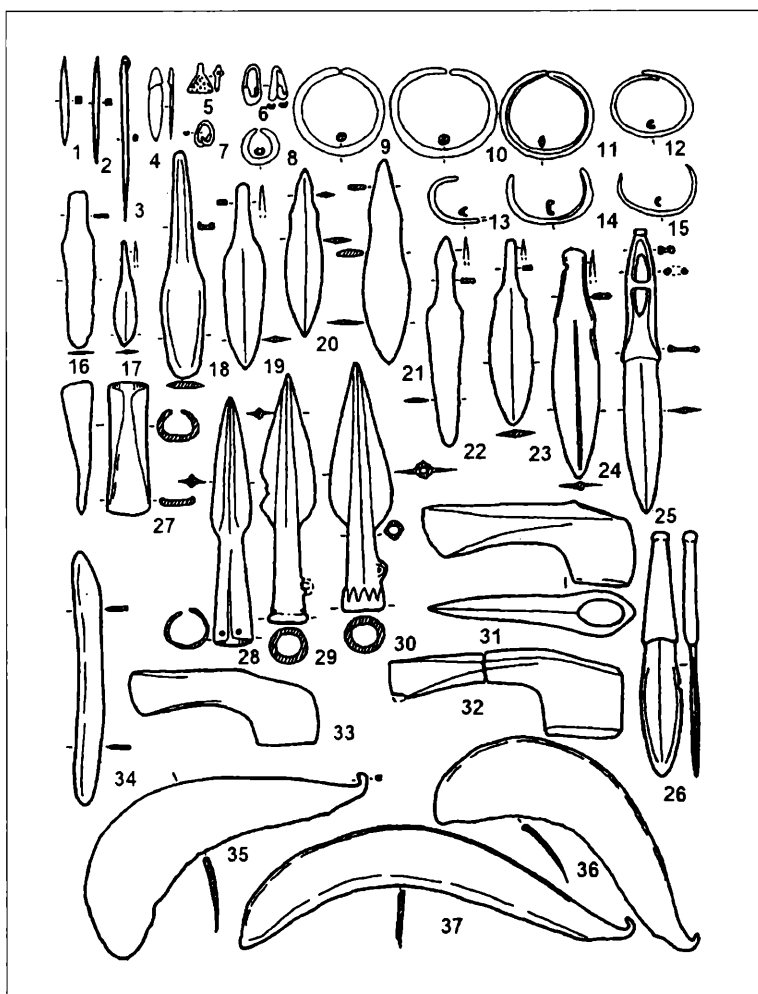

Рис. 23. Продукция срубного металлургического очага Волго-Уралья:
 1—3 — шилья; 4—8 — подвески; 9—15 — браслеты; 16—26 — ножи
 и кинжалы; 27 — долото; 28—30 — наконечники копий;
 31—33 — вислобушные топоры; 34 — серповидное орудие;
 35—37 — серпы

лургический центр, оказавший мощное влияние на развитие экономического потенциала племен эпохи бронзы лесостепных и степных районов Восточной Европы. Экономическая и политическая власть концентрируется в руках родоплеменной знати, формируется военная элита этих обществ, повышается их мобильность. Появляется привилегированный род войска — боевые колесницы. Все эти события привели к возникновению волго-уральского очага культурогенеза, существенно повлиявшего на переобразование

Рис. 24. Бронзовые топоры

прежней этноисторической ситуации на обширной территории, включающей и Нижнее Поволжье, где начинает формироваться новая культура, получившая название срубной. Проблема происхождения срубной культуры, как практически всех культур бронзового века Нижнего Поволжья, является дискуссионной в науке. Споры идут в основном о тех этнокультурных компонентах, которые легли в основу ее формирования. В последнее время все больше обращается внимание на позднекатакомбную культуру как основу (субстрат) формирования срубной культуры, с влиянием на этот процесс традиций абашевской культуры, а также потаповской (Среднее Поволжье) и синташтинской (Южный Урал и Зауралье) (Юдин, Матюхин, 2006, с. 61—70; Рындина, Дегтярева, 2002, с. 193, 194; Мерперт, Лунькова, 2004, с. 306—317).

Срубная культура в Нижнем Поволжье представлена в большинстве своем подкурганскими погребениями, а также грунтовыми могильниками и большим числом поселений на всей его территории. Зачастую в одном кургане могло находиться несколько захоронений срубной культуры. Они обычно сооружались в прямоугольных ямах, погребенные в них лежали в скорченном положении преимущественно на левом боку, головой ориентированные в северный сектор. С погребенными чаще всего находились глиняные лепные сосуды баночной формы или с острым ребром, украшенные геомет-

рическим орнаментом по верхней части, нанесенным или прочерченными линиями или гребенчатым штампом. Реже в погребениях встречаются изделия из бронзы: ножи, шилья, серьги, браслеты.

Однако ассортимент металлических изделий у племен срубной культуры был достаточно большим. Известны находки крупных вислообушных топоров, долот, кинжалов, серпов, кельтов (рис. 23, 24). В Поволжье в этот период функционировал свой очаг металлообработки, использовавший привозное сырье в основном из Южного Урала и Казахстана.

Поселения срубной культуры часто располагались на речных террасах. Первым признаком их местонахождений являются фрагменты керамики и костей животных, обнаруживаемые в размытых берегах рек, в обнажениях балок и оврагов. На поселениях обычно находились жилища полужемляночного типа с очагами внутри.

Со срубной культурой в наших краях связаны значительные изменения. В первую очередь они касаются особенностей развития хозяйства, которое начинает носить комплексный характер, наряду со скотоводством распространяется и земледелие. Это приводит к усилению оседлости, что как раз и нашло отражение в появлении большого количества поселений. Оседлый образ жизни влиял на видовой состав стада, в котором первое место начинает занимать крупный рогатый скот. Распространение оседлости в этот период объясняется изменением климатических условий по сравнению с предыдущим временем в сторону их увлажнения (Демкин и др., 1999, с. 81).

Земледелием население срубной культуры занималось в плодородных поймах больших и малых рек. В это время появляется плужное земледелие с использованием тягловой силы животных. Выращивались следующие культуры: пшеница, просо, ячмень. Урожай убирался бронзовыми серпами. Зерно размельчали при помощи каменных зернотерок.

У населения срубной культуры существовали уже достаточно развитые ремесла. Кроме металлообработки, высокого уровня достигло гончарство. На поселениях и в курганах встречается разнообразная посуда для хранения продуктов, приготовления и приема еды. Знало население срубной культуры костерезное, ткацкое и другие ремесла.

До нас не дошли названия тех народов, которые обитали в нашем крае в бронзовом веке. Сами эти народы письмен-

ности не имели, а другие, владевшие ею, не находились в прямых контактах с населением Поволжья. В III—II тыс. до н. э. письменность существовала в Египте, у народов Месопотамии, у хеттов Малой Азии и у населения крито-микенской Греции. Дошедшие до нашего времени тексты перечисленных народов и государств отличались большой спецификой и преимущественно касались внутренних проблем. В то время история еще не существовала даже как литературный жанр и в сохранившихся памятниках письма египтян, вавилонян или хеттов если и упоминались другие народы, то, как правило, их ближайшие соседи. О Восточной Европе они не имели никакого представления.

Исследователи полагают, что население бронзового века степных районов Восточной Европы в языковом отношении принадлежало к индоевропейцам. Вероятно, в III тыс. до н. э. оно приняло участие в формировании общности, получившей в науке название индоиранской, впоследствии распавшейся на индоарийскую и иранскую ветви. Движение первых на юг привело к завоеванию ими северной Индии. Несколько позже иранцы освоили районы теперешнего Иранского нагорья (Петрухин, Раевский, 1998, с. 44, 45). Ираноязычными, видимо, были племена срубной культуры. Есть все основания считать, что в формировании скифского этноса Северного Причерноморья срубная культура сыграла существенную роль. Скифы, как известно, были ираноязычными, что предполагает ираноячность и их предшественников — населения срубной культуры.

Память о своей прежней родине долго хранилась у иранских народов, освоивших Иранское нагорье и районы Средней Азии. В священной книге зороастризма (религия, которую в древности почитали иранцы), Авесте, составление которой относится к VI—IV вв. до н. э., воспевается река Ранха, уподобляемая богине плодородия и вод Ардвиге. В тексте Авесты эта река обычно именуется широкой. В научной литературе существует мнение, что Ранха — это Волга (Авеста, 1997, с. 456). Следует вспомнить, что у античных авторов первое название Волги, засвидетельствованное Птолемеем, звучало как «Ра».

Памятники бронзового века на территории Волгоградской области. О том, что в эпоху бронзы нынешняя территория Волгоградской области и города была плотно заселена, свидетельствует целый ряд фактов. Так, например, в различ-

ного рода публикациях начала и первой половины XX в. содержится много упоминаний о древних курганах в черте города и за его пределами, многие из которых, видимо, относились к бронзовому веку. В упоминавшемся издании «Материалы к археологической карте...», подготовленном А. Ильиной и П. Шишкиным в 1929 г., отмечается наличие девяти курганов на «Мамаевых буграх», столько же курганов находилось на территории завода «Баррикады», три кургана — во дворе больничного поселка имени Ермана, два кургана — близ оврага Проломного. Профессор Ф. Баллод, посетивший Царицын в 1921 г., обратил внимание на большое количество археологических памятников непосредственно на его территории. По этому поводу он писал в своей книге «Приволжские Помпеи»: «В черте города Царицына, а именно на юго-западной окраине, за полотном железной дороги, возвышались и курганы, ныне уже не существующие... К северу от Царицына до Мечетки на расстоянии приблизительно 2 версты от Волги тянутся «Мамаевы бугры», усеянные курганами», а в районе Сарепты он отмечал «целые поля курганов» (Баллод, 1923, с. 12—15). В трудах Саратовской ученой архивной комиссии есть и прямое упоминание о существовании на территории Царицына курганов бронзового века. В одном из их выпусков рассказывается о том, что в 1907 г. при планировке Рыбинской улицы был снесен древний курган, в котором находилось погребение, относящееся к бронзовому веку. В нем были найдены глиняные горшки, бронзовое тесло и пешня. Судя по этим вещам, рисунки которых были воспроизведены в книге Ф. Баллода, это погребение относится, вероятно, к катакомбной культуре (Баллод, 1923, с. 13).

В первой половине 50-х гг. XX в. отрядами Сталинградской археологической экспедиции в зоне затопления будущего водохранилища, которое должно было образоваться после возведения ГЭС, были исследованы десятки курганов в Быковском и Николаевском районах ямной, полтавкинской, катакомбной, срубной культур. В результате этих раскопок был получен великолепный материал, который затем с успехом использовался в изучении проблем происхождения и развития этих культур (МИА, 1959; МИА, 1960).

Интенсивные археологические раскопки, развернутые волгоградскими исследователями с 60-х гг. прошлого века, выявили большое количество курганных групп и одиночных

курганов, располагавшихся между Волгой и Доном, в том месте, где эти реки ближе всего подходят друг к другу и где находится наш город. В некоторых местах они вплотную подходят к городу.

В течение нескольких лет во второй половине 60-х гг., а также и в последующее время прошлого века велись раскопки на южной окраине города, в Зakanальной его части, в местах, прилегающих к промышленной зоне и Сарпинским озерам. Здесь в курганах были открыты погребения всех культур бронзового века: ямной, катакомбной и срубной. Погребения ямной культуры оказались бедны находками. В погребениях катакомбной и срубной культур чаще встречалась глиняная посуда, зернотерки, бронзовые ножи (Мамонтов, 1968, с. 110, 111; Гуренко, 1995, с. 61—73).

Есть сведения, что еще в 1834 г. пастор немецкой колонии Сарепта Г. Цвик производил раскопки курганов в ее окрестностях. В 1983 г. археологи произвели раскопки кургана на Ергенинской возвышенности рядом с Сарептой. Это был небольшой курган, имевший 0,69 м в высоту и 18 м в диаметре. В нем оказалось восемь погребений, относящихся к бронзовому и раннему железному веку. Первоначально курган был насыпан над погребением ямной культуры. Оно было сооружено в прямоугольной яме глубиной 0,9 м. На дне ямы находился толстый слой охры. Умерший лежал на спине, головой на юго-запад, его кости также были густо окрашены охрой. Это свидетельствует о том, что тело умершего во время совершения погребения, вероятно, в ритуальных целях было посыпано охрой. Эта деталь обряда весьма характерна для погребений ямной культуры. В этот же курган были впущены два погребения, относящиеся к катакомбной культуре. Для одного из них была выкопана яма с нишей-катакомбой в одной из стен. Дно ямы было устлано слоем куги и частично посыпано охрой. В погребении найдена боковина глиняного сосуда, выполнявшая роль жаровни, другие фрагменты керамики и череп барана. Второе погребение оказалось разрушено кладоискателями. Одно погребение в этом кургане относилось к полтавкинской культуре и оказалось также ограбленным. На краю ямы этого погребения были обнаружены череп лошади и глиняный сосуд, игравшие какую-то роль в погребальном обряде. Еще одно погребение из числа открытых принадлежало срубной культуре, в нем находился скелет подростка в скорченной позе на левом боку, головой на

северо-восток. Рядом с ним стоял глиняный сосуд баночной формы. Здесь же было обнаружено и еще одно очень редкое захоронение, относящееся к переходному от бронзового к раннему железному веку, датирующееся началом I тыс. до н. э. (Мамонтов, 1985, с. 161). Этот период очень слабо отражен в археологических материалах. Он синхронен примерно времени обитания в Северном Причерноморье героических киммерийцев, совершавших набеги через Кавказ в страны Переднего Востока. Это погребение принадлежало молодой женщине, положенной в скорченном положении на левый бок, головой на восток. С ней найдены бронзовый однолезвийный нож, оселок из плотного песчаника с отверстием с одной стороны, стеклянные бусы. Остальные погребения в этом кургане относились к более поздней эпохе, о которой речь пойдет ниже.

В 1993 г. два кургана были раскопаны на Ергенинской возвышенности, напротив железнодорожной станции Бекетовка. В одном из них было обнаружено погребение ямной культуры, в другом — катакомбной. В последнем из них найдены глиняный сосуд, половинка бронзового ножа, кости барана (рис. 30) (Сурков, 1995, с. 34—39).

В первой половине 70-х гг. развернулись крупномасштабные раскопки в зоне строительства Городищенской оросительной системы, опоясывающей город с северо-запада по линии Ерзовка—Кузьмичи—Самофаловка. Здесь было выявлено 14 курганных групп, отдельные из которых насчитывали до 15 насыпей, а также много одиночных курганов. В десятках раскопанных курганов было обнаружено большое количество погребений всех упомянутых культур бронзового века с обильным вещественным материалом, керамикой, кремневыми наконечниками стрел, бронзовыми ножами, серьгами и шильями. Особым обилием находок отличались погребения катакомбного времени. В одном из них в районе пос. Котлубань был обнаружен скелет человека, лежавший скорченно на левом боку, с искусственно деформированным черепом. Вместе с ним находились кремневые наконечники стрел и их заготовки, скребки, отщепы, небольшой глиняный сосудик, костяная булава, бронзовый нож, пест и каменная ступка (рис. 21, 8—12) (Скрипкин, 1972, с. 213). Между Волгоградом и Ерзовкой вдоль намечавшейся трассы оросительного канала было раскопано 23 кургана, в которых была открыта представительная серия срубных погребений с до-

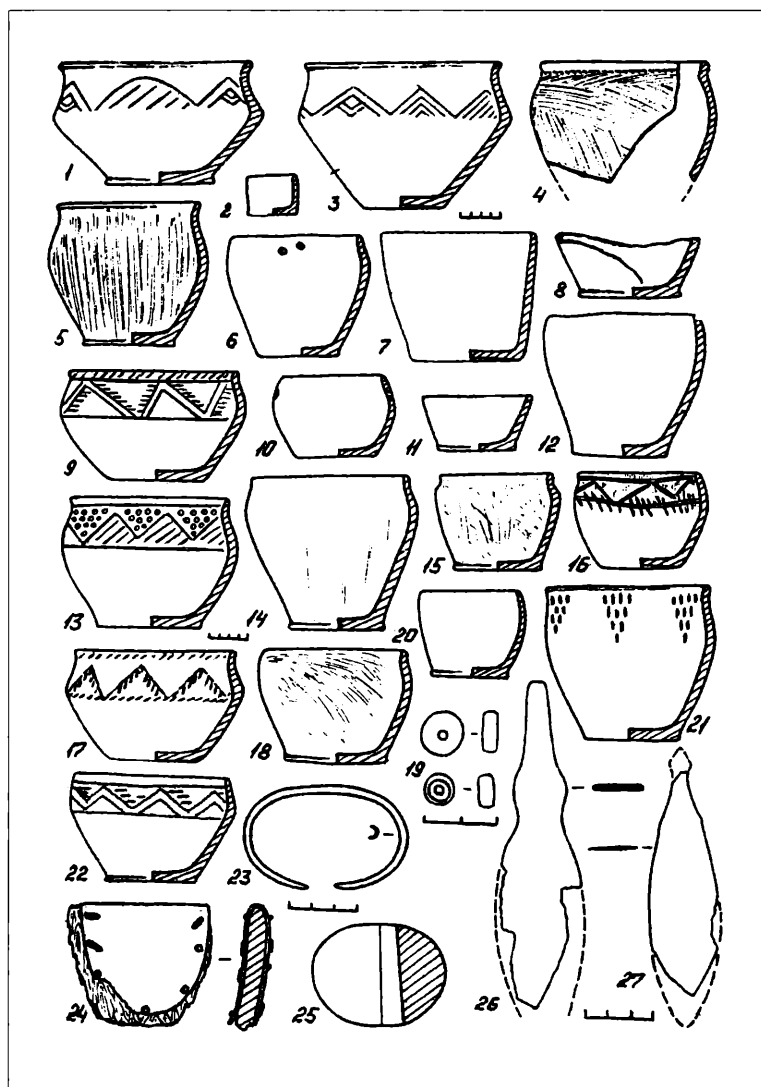

Рис. 25. Вещи из погребений срубной культуры у с. Ерзовка:
 1—18, 20—22 — глиняные горшки; 19 — бусы; 23 — бронзовый браслет;
 24 — бронзовая обкладка деревянного сосуда; 25 — каменная булава;
 26, 27 — бронзовые ножи

вольно богатыми находками, среди которых выделялись: каменные булавы, являющиеся символами власти; серьги из бронзового стержня в полтора оборота, обернутые золотой фольгой; бронзовый желобчатый браслет, а также глиняные лепные сосуды баночной и острореберной форм, бронзовые ножи (рис. 25) (Лисицын, Скрипкин, 1973, с. 174, 175). К настоящему времени количество погребальных комплексов бронзового века, исследованных на территории области, исчисляется многими сотнями.

Все это свидетельствует о достаточно плотном заселении в эпоху бронзы разных районов Волгоградской области и особенно той территории, где сейчас располагается Волгоград. Причем динамика роста населения здесь характеризовалась значительным увеличением его в эпоху позднего бронзового века, приходящегося на существование срубной культуры. Это подтверждается и распространением стационарных поселений этой культуры, достигающих иногда значительных размеров. Одно из них было исследовано в 1986 г. на северной окраине Волгограда в районе уже упоминавшейся балки Сухая Мечетка. Это достаточно крупное поселение с мощностью культурного слоя до 1,8 м. Раскопками была вскрыта незначительная его часть в 200 м². Было обнаружено большое число фрагментов лепной керамики, украшенной орнаментом в виде простых зигзагов, насечек или вдавлений, заштрихованных треугольников и других вариаций. Почти вся керамика аккуратно сформована и хорошо обожжена. Кроме того, найдены бронзовые игла с ушком и браслет, кремневые наконечники стрел, костяные проколки, пряслица, грузила, обломки зернотерки. Обнаружено 13 тупиков, изготовленных из нижних челюстей коров и лошадей и использовавшихся для обработки шкур. В процессе раскопок собрано 4 тыс. костей животных, большинство из которых принадлежало мелкому и крупному рогатому скоту, отмечены также находки костей лошади и свиньи (Мыськов, 1992, с. 86—96).

Видимо, к этому же времени относится и местонахождение, описанное А. Ильиной и П. Шишкиным в «Материалах к археологической карте ...», в которых говорится, что «В 1/2—2 километрах к западу от города, на правом берегу «Проломного оврага», расположено селище «Хвалынской» культуры. В остатках кострища, достигавшего мощности 20х12х1 1/2 метров, собраны: обломки глиняных сосудов, половинка глиняно-

Рис. 26. Раскопки стоянки эпохи бронзы в Ерзовской балке

го пряслица, 2 бронзовых браслета, «серпы» или «бумеранги» и их обломки, сделанные из коровьих челюстей, костяные шилья и др. костяные орудия. В 1929 г. при оползне берега оврага большая часть костра погибла». Скорее всего, это были остатки сгоревшего жилища срубной культуры.

В 80-е гг. прошлого века экспедицией Волгоградского государственного университета проводились раскопки на двух поселениях срубной культуры в Ерзовской балке (рис. 26), на которых была собрана обширная коллекция керамики, поделки из кремня, кварцита и галечника: скребки, наконечники стрел, ножевидные пластины. На одном из поселений было обнаружено три детских захоронения в небольших прямоугольных ямах. Погребенные лежали в скорченном положении на левом боку головой на восток, в головах у них находились глиняные горшки баночной формы (Дьяченко, 1987, с. 177, 178; 1988, с. 168).

Глава III

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

С VIII—VII вв. до н. э. в степях Восточной Европы все чаще начинают встречаться изделия, изготовленные из искусственного железа. В Нижнем Поволжье различные предметы из железа широко распространяются только с VI в. до н. э. С этого времени здесь начинается новая эпоха, получившая название раннего железного века и длившаяся до конца IV в. н. э. В ряде случаев изделия из железа встречались в Нижнем Поволжье и в эпоху бронзы. Так, например, в одном из курганов в Калмыкии близ Элисты в погребении второй четверти II тыс. до н. э. был найден железный нож, а в Быковском районе Волгоградской области у лимана Могу́та в еще более древнем погребении, относящемся к ямной культуре, найден небольшой железный предмет, напоминающий ножичек. Однако специальные анализы выявили высокий процент в этих изделиях никеля, что свидетельствует не об искусственном, а о метеоритном происхождении железа, из которого они изготовлены.

Железный же век характеризуется искусственной выплавкой железа сыродутным способом и широким его распространением. В нашем степном крае залежи железной руды встречаются гораздо чаще, чем медной. Считается, что в то время, чтобы получить металлургическое железо, мастера должны были использовать руды, богатые металлом, содержащим не менее 25% железа. В Нижнем Поволжье и даже на территории Волгоградской области есть ряд месторождений железной руды, отвечающих этим требованиям. Это в первую очередь Камышинское месторождение, занимающее междуречье Иловли и Медведицы, где особо выделяется Мокроольховское месторождение, на руде которого в середине XVIII в. работал Терсинский железоделательный завод, обеспечивающий юг России дешевым, по сравнению с уральским, железом. Можно еще назвать Хоперское месторождение, расположенное к западу от Урюпинска, где бурые же-

лезняки достигают мощности до 11 м. Зачастую залежи железной руды выходят на поверхность или фиксируются в овражных обнажениях, что способствует довольно свободному доступу к ним человека. Бесспорно, интенсивное развитие металлургии железа было подготовлено длительным опытом, накопленным не одним поколением людей предшествующего времени в обработке меди и бронзы (Порох, 1999, с. 303).

Новая эпоха ознаменовалась большими изменениями в хозяйстве народов, населявших в те времена наш край. Вместо пастухов и земледельцев в Нижнем Поволжье появляются кочевники-скотоводы, полностью перешедшие на кочевую форму ведения хозяйства. В изменении характера хозяйства не последнюю роль сыграло изменение климатических условий в степной зоне. Палеопочвоведческие исследования дают основание утверждать наступление аридизации климата в нашем крае в то далекое время, то есть постепенного усиления засухливости, пик которой, вероятнее всего, приходится на конец I тыс. до н. э. (Демкин и др., 1999, с. 73—83; Демкин и др., 2000, с. 88, 89). Ко времени раннего железного века относятся и первые письменные свидетельства о народах, обитавших в нашем крае. Это были сочинения сперва греческих, а затем и римских историков, географов, литераторов. Знакомство древних греков с народами, населявшими степи юго-восточной Европы, в определенной мере было обусловлено колонизацией ими северного побережья Черного моря. Социально-экономическое и политическое развитие греческого мира привело начиная с VIII в. до н. э. к вынужденному выселению части населения формирующихся полисов, которое должно было искать новое место для проживания. В результате греки освоили гигантские пространства, основав бесчисленное множество своих колоний от Гибралтарского пролива до Азовского моря. Северное побережье Черного моря греки основательно начинают осваивать с VI в. до н. э. Главная роль в колонизации Северного Причерноморья принадлежала ионийским грекам, выходцам из городов малоазийского побережья, прежде всего Милета. В устье Днепро-Бугского лимана была основана Ольвия; на Крымском полуострове: Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Херсонес; на Таманском полуострове: Фанагория, Гермонаса, Кепы. Постепенно эти колонии стали основывать другие города и поселения, достаточно плотно обживая берега Чер-

ного и Азовского морей. Так, Пантикапей в III в до н. э. основал самый северо-восточный греческий город Та-наис, располагавшийся в устье Дона.

Население греческих колоний вынуждено было вступать в разного рода экономические и политические отношения с местным населением, что, безусловно, способствовало накоплению у него знаний о их быте и традициях. Особый интерес у греков вызывали кочевники абсолютным несходством своего образа жизни с греческим. Кроме того, греческие колонии вынуждены были выработать эффективную дипломатию в отношениях с ними, так как кочевники, обладая мобильными военными отрядами, представляли грозную силу. Грекам было небезразлично, будут ли они их союзниками или врагами. Существует много примеров, речь о которых пойдет ниже, об участии воинских контингентов кочевников в решении внутренних дел северопричерноморских государств. Зачастую кочевники играли важную роль в крупнейших событиях древней истории, как, например, греко-персидская война — событие, занимающее в собственно греческой истории весьма важное место. Все это обуславливало проявление интереса греческого цивилизованного мира к кочевникам Восточной Европы и способствовало появлению сведений о них у греческих авторов.

С усилением влияния Римского государства на Востоке информация о восточноевропейских кочевниках все больше появляется и на страницах римских историков и географов. Особенно оригинальные сведения о них начинают появляться с I в. до н. э. и в последующее время, когда территории, прилежащие к бассейну Черного моря, начинают входить в сферу активной политики Рима.

Савроматы. Первые письменные сведения, имеющие отношение к нашему краю, принадлежат древнегреческому историку Геродоту, жившему в V в. до н. э. и названному еще в античную эпоху «отцом истории». Он написал исторический труд, названный «Историей», состоящий из девяти книг и посвященный одному из важнейших событий тех времен — греко-персидским войнам, длившимся практически всю первую половину V в. до н. э. По своим масштабам войну греков с персами для того времени вполне можно назвать мировой, поскольку в ней приняли участие многие народы. С одной стороны — это большинство государств Балканской Греции, островов Эгейского моря и малоазийского побережья, с дру-

гой — десятки народов, вошедших в состав Персидской державы, простиравшейся от Средней Азии и Индии до Египта и Фракии. Кроме того, в эту войну были втянуты и скифы, проживающие в Северном Причерноморье, и ряд других народов, соседствовавших с ними. Геродот попытался описать не только сами события войны, но и дать сведения о народах, принявших в ней участие. Сочинение Геродота начинается следующими словами: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом».

Чтобы быть наиболее объективным в изложении событий в своем историческом труде, Геродот предпринял ряд путешествий по тем местам, о которых в его сочинении идет речь. Эти путешествия были вынужденными, так как каких-либо «архивных материалов» в то время не существовало, поскольку греческая письменная традиция только зарождалась и опираться приходилось на рассказы различного рода информаторов и собственные наблюдения и впечатления. Геродот в течение длительного времени путешествовал по Греции и Персии, а также посетил Северное Причерноморье. На берега Черного моря он приехал, чтобы поближе ознакомиться со скифами, так как они были одними из первых, кто оказал достойный отпор персам и сумел отстоять свою независимость.

Геродот на некоторое время, вероятно, несколько месяцев, остановился в Ольвии, греческой колонии, располагавшейся на правом берегу Днепро-Бугского лимана. Ольвия к тому времени превратилась в крупный торговый центр, откуда торговые пути шли вглубь скифских земель. В округе Ольвии существовали поселения со смешанным греко-варварским населением. Именно здесь Геродот и рассчитывал получить наиболее полную информацию о скифах и их соседях. Из сочинения самого Геродота мы узнаем, что его информаторами были местные греки, скифы, в том числе купцы, которые посещали районы, лежащие за пределами скифской земли. Основываясь на полученных во время пребывания в Ольвии сведениях, а также на данных своих немногочисленных предшественников, прежде всего Гекатея Милетского и Аристия из Проконесса, Геродот создал свой так на-

зываемый «скифский логос» — рассказ о скифах, занимавший значительную часть четвертой книги его «Истории». В этой же книге содержатся сведения и о других народах, живших по соседству со скифами, в частности, о савроматах, занимавших территорию к востоку от Дона. Это первый народ, ставший известным под собственным названием в истории нашего края, поскольку по отношению к более раннему времени мы пользуемся только названиями археологических культур.

В основе повествования четвертой книги Геродота лежит поход персидского царя Дария I против скифов, состоявшийся между 515 и 512 гг. до н. э. Дарий был выдающимся государственным деятелем Персии, подавившим великую смуту в своей стране и проводившим реформы, направленные на укрепление громадного персидского государства. Скифов Дарий решил наказать за их прежнее вторжение в Мидию и 28-летнее владычество в Азии. Он собрал огромную армию, состоящую из 700000 тысяч пеших и конных воинов, которых сопровождало 600 кораблей. Переправив эту армию из Малой Азии через Боспор Фракийский в Европу, а затем форсировав Дунай, Дарий вторгся в пределы Скифии. Современные исследователи считают, что число воинов армии Дария Геродотом завышено в несколько раз (Черненко, 1984, с. 18, 19), тем не менее это, видимо, были крупные силы. Об этом свидетельствует то, что скифы, собрав совет, решили, «что они одни не в состоянии отразить полчища Дария в открытом бою и отправили послов к соседним племенам» (Геродот, IV, 102). Большинство соседних племен отказало скифам в помощи, мотивировав свой отказ тем, что они никакой обиды персам не наносили, а скифы сами повинны в том, что раньше вторглись на землю персов. Савроматы же согласились помочь скифам и затем приняли активное участие в военных действиях.

Описывая поход Дария в Скифию, Геродот дает подробную информацию не только о ее населении, различных достопримечательностях, географических особенностях, местных преданиях этой страны, но и сопредельных территорий, в частности, савроматов. По Геродоту, савроматы были восточными соседями скифов, граница между ними проходила по Дону, который он, как и последующие античные авторы, называет Танаисом. «За рекой Танаисом — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают полосу земли к северу, на-

Рис. 27.
Сражающиеся
амазонки.
Античная ваза.
Фрагмент

чиная от впадении Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженных деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины» (Геродот, IV, 21).

Меотийское озеро — это Азовское море, а его впадина — залив, в который впадает Дон (Танаис). Пятнадцать дней пути — расстояние примерно равное 540—550 км, которое следует откладывать на север, поскольку упоминание о живущих выше будинах следует воспринимать как указание на располагавшихся севернее савроматов. Таким образом, северная граница савроматской земли должна была проходить где-то посередине территории Волгоградской области, вероятно, севернее Волгограда. Следует иметь в виду, что все эти расчеты приблизительны, так как Геродот не знал реальных размеров территории, занимаемой савроматами. Кроме того, он ничего не говорит о том, насколько далеко территория савроматов распространялась на восток.

В античной литературе савроматы пользовались большой популярностью, о них сочиняли самые невероятные истории. Таковой является версия Геродота о происхождении савроматов. Из его рассказа следует, что савроматы произошли от брака молодых скифов с амазонками, легендарными женщинами-воительницами. Амазонки жили обособленно, занимаясь военными упражнениями и участвуя в походах и битвах (рис. 27). Только раз в году они сходились с мужчинами

для продолжения своего рода. Девочек амазонки оставляли у себя, а мальчиков отдавали мужчинам. В древнегреческих преданиях амазонки поселялись в Малой Азии или на Кавказе.

В рассказе о происхождении савроматов речь идет о победоносном сражении греков против амазонок при реке Фермодонте в Малой Азии. Захваченных в плен женщин греки посадили на корабли. Однако в море амазонки сумели перебить стражу, но, не умея управлять кораблями, отдались воле ветра и волн, которые принесли их к Меотийскому (Азовскому) побережью у селения Кремны. Земли эти принадлежали скифам. Захватив табун лошадей, амазонки стали грабить округу. Скифы сначала не могли понять, с кем имеют дело, но после того как в сражении им удалось захватить несколько неприятельских трупов, они, к своему удивлению, обнаружили, что воюют с женщинами. Будучи настоящими мужчинами, скифы прекратили военные действия и понудили своих юношей вступить с амазонками в брак, чтобы получить воинственное потомство. Путем разного рода ухищрений молодым скифам удалось жениться на амазонках. Некоторое время они жили вместе на земле скифов. Однако, когда встал вопрос об объединении молодых семей с остальными скифами, амазонки воспротивились. Свой отказ они мотивировали тем, что не уживутся со скифскими женщинами, так как не обучены женским работам. Амазонки предложили мужьям взять часть своего наследства у отцов и жить отдельно. С молодыми скифами они переправились через реку Танаис (Дон) и затем три дня шли на восток, после чего повернули на север и прошли еще три дня, после чего остановились и стали здесь жить.

Таким образом, по Геродоту, савроматы, произошедшие от брака скифов с амазонками, должны были обитать где-то в междуречье Волги и Дона. Геродот далее рассказывает, что савроматские женщины вместе с мужчинами и даже без них выезжают верхом на охоту, выступают в походы и носят одинаковую с ними одежду. Весьма интересно следующее заявление отца истории: «Савроматы говорят по-скифски, но исстари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот такие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай» (Геродот, IV, 117).

К портрету савроматов некоторые подробности, свидетельствующие об их родстве с амазонками, добавляет трактат «О воздухе, водах и местностях», приписываемый знаменитому древнегреческому врачу и естествоиспытателю Гиппократу, в котором говорится: «Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, сидя на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей ... Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступить в поход. У них нет правой груди, ибо еще в раннем детстве матери их, раскалив приготовленный именно с этой целью медный инструмент, прикладывает его к правой груди и выжигает, так что она теряет способность расти, и вся сила и изобилие соков переходит в правое плечо и руку» (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990, с. 63).

В античной литературе имелась и другая версия о происхождении савроматов. Так, например, живший в I веке до н. э. Диодор Сицилийский, использовавший, видимо, источники независимые от Геродота, повествуя о могуществе скифских царей, отмечал: «Этими царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных поселения было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основанное у реки Танаис; эти переселенцы назывались савроматами» (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990, с. 145). В данном случае речь идет о знаменитых походах скифов в VII в. до н. э. через Кавказ на Передний Восток и активное их участие в бурных событиях, охвативших этот район. Некогда могущественная Ассирия в это время доживала последние свои дни, уступая лидерство новому государству — Мидии, собственная территория которого располагалась к югу от Каспийского моря. В союзе с Вавилонией и скифами Мидия окончательно разгромила Ассирию и захватила значительную часть ее территории. Но политическая ситуация в этом районе во многом дестабилизировалась присутствием скифов, которые занимались разбоем и грабежами. Геродот говорил, что за 28 лет своего господства в Азии они «своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство» (Геродот, I, 106). Мидийцы и их царь Киаксар решили избавиться от скифов, они пригласили многих из них в гости, сильно напоили и затем перебили. Это событие произошло, види-

мо, в самом начале VI в. до н. э. и получило название «пир Киаксара». Если есть какая-то достоверность в этом рассказе Геродота, то, вероятно, перебита была значительная часть скифской аристократии, в первую очередь, приглашенная на царский пир. Скифы, лишившись большинства своих предводителей, вынуждены были уйти из Азии назад, обосновавшись в Северном Причерноморье. С этими нашедшими большой резонанс в древнем мире событиями и связывает начальную историю савроматов Диодор.

Но кем были савроматы до их переселения из Мидии на Дон скифами? Вряд ли они относились к коренному населению самой Мидии. Мидийцы к тому времени вели оседлый образ жизни, а переселенные на Дон савроматы были кочевниками. На этот счет существует интересная гипотеза, не лишенная реального смысла, суть которой заключается в следующем: в походах скифов через Кавказ в пределы Персидского Востока принимали участие и другие группировки кочевников, в том числе и предки будущих савроматов, которые, по возвращении назад скифов, отделились от них и обосновались в Подонье. Доказательством этого предположения является тот факт, что савроматы, несмотря на то, что находились в глубоком тылу начавшихся военных действий, связанных с вторжением персидского царя Дария I на территорию Скифии, вынуждены были поддерживать скифов в этой войне, чувствуя свою причастность к обиде, нанесенной персам ранее (Виноградов, 1972, с. 18,19).

В античной литературе существует и еще одна точка зрения, принадлежащая Плинию Старшему, высказанная им в сочинении «Естественная история» и объединившая обе вышеизложенные версии. Плиний наделяет савроматов эпитетом «женовладаемые», потому что они произошли от амазонок, и в то же время считает их потомками мидян (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990, с. 219). ~

В современной науке происхождение савроматов обычно связывается с местными культурами бронзового века. Бесспорно, в появлении в степной полосе Евразии целого ряда народов раннего железного века, названия которых нам сохранили письменные источники, определенную роль сыграло обитавшее здесь ранее население бронзового века и, в первую очередь, то, которое оставило памятники срубной; андроновской и некоторых других культур. Правда, археологическая преемственность между савроматской и предше-

ствующими культурами бронзового века просматривается слабо, что отчасти объясняется значительными изменениями в характере хозяйства, быта в переходный период, а также, видимо, и в этнической структуре прежнего населения. В начале I тыс. до н. э. в степных районах Европы и Азии, как уже отмечалось, происходит окончательный переход населения к кочевым формам скотоводства. Савроматы были уже типичными кочевниками в отличие от населения срубной культуры, ведущего в Нижнем Поволжье оседлый образ жизни. Переселения, военные походы, охватившие значительную часть первой половины I тыс. до н. э., внесли определенные коррективы в этническую карту степных районов Восточной Европы. Начало стабилизации в этом районе приходится на VI в. до н. э. Скифы утверждаются в Северном Причерноморье, Восточное Приазовье и Кубань занимают различные меотские племена, междуречье Волги и Дона — савроматы, восточнее них, в Приуралье и на территории современного Западного Казахстана обосновываются, вероятно, исседоны и дахи.

В антропологическом отношении савроматы были европеоидами, в языковом, также как и скифы, они относились к обширному кругу ираноязычных народов, населявших в раннем железном веке евразийские степи. Однако, несмотря на то, что письменная традиция упорно считает савроматов родственниками скифов, современная наука не подтверждает непосредственного генетического родства между ними. Антропологические исследования краниологических серий скифов и савроматов свидетельствуют о наличии между ними морфологических различий. Скифы в большей мере близки своим предшественникам в Северном Причерноморье — населению срубной культуры бронзового века. Савроматы, по соответствующим антропологическим характеристикам, в большей мере родственны населению Западной Сибири, Казахстана, Минусинской котловины, в формировании которых ведущую роль играли андроновская и близкие ей культуры. Таким образом, савроматы оказываются в большей мере родственниками таких народов, своих современников, как саки, массагеты, дахи, проживающие к востоку от Каспия (Балабанова, 2000, с. 41—48).

В отношении археологических памятников савроматской культуры создается впечатление, что в Нижнем Поволжье они появляются со середины VI века до н. э. Представлены они в

основном захоронениями под курганными насыпями, что является весьма специфичным для кочевых культур раннего железного века. Одной из своеобразных черт погребальных комплексов савроматской культуры является ярко выраженный их воинский характер, наличие в них предметов вооружения: мечей, бронзовых и железных наконечников копий. Осуществлявшиеся подсчеты свидетельствуют, что даже в 20% женских погребений имелось вооружение и конская сбруя, что в некоторой степени подтверждает воинственность савроматских женщин по данным письменных источников (Смирнов, 1964, с. 201). В самостоятельную политическую силу савроматы превращаются только после возвращения скифов из переднеазиатских походов, когда они за собой закрепляют, по крайней мере, междуречье Волги и Дона. С этого времени они начинают упоминаться на страницах сочинений античных авторов. Такая версия появления савроматов на политической арене древнего мира лучше всего согласуется как с письменными источниками, тесно связывающими на ранних этапах своей истории савроматов со скифами, так и с археологическими данными.

Савроматы упоминаются в различных крупных событиях того времени. Они приняли участие на стороне скифов в войне против персидского царя Дария I. Савроматские воины присоединились к отряду скифского царя Скопасиса. Объединенный отряд скифов и савроматов избрал тактику отступления, ведь у кочевников не было ни поселений, ни городов, которые следовало бы защищать, а отступая, они тем самым изматывали силы противника. Отходя перед движущейся армией персов, они достигли Танаиса и переправились через него, попав на территорию собственно савроматов, пройдя через которую достигли земли будинов, которых обычно поселяют на Среднем Дону. Вслед за скифами и савроматами двигалась армия персов. Если дословно следовать рассказу Геродота, то скифы, савроматы и преследующие их персы, переправившись через Танаис (Дон) и двигаясь в сторону будинов, непременно должны были пройти по территории современной Волгоградской области. Современные историки считают эти сведения Геродота нереальными. По подсчетам, исходя из сведений Геродота, персы, преследуя скифов, должны были пройти расстояние не менее чем в 5000 км. Учитывая, что в распоряжении персов на весь поход было два месяца, в день их армия должна была про-

ходить более 80 км. Из многочисленных примеров истории военного дела древности и средневековья известно, что ни одна армия в то время с такой скоростью двигаться не могла. Необходимы были дни для отдыха, пополнения запаса провианта, ремонта снаряжения и транспорта. Следует также учитывать, что персидской армии надо было форсировать ряд крупных рек Восточной Европы и множество мелких. На все это должно было уходить много времени. Реально скорость передвижения персидской армии была примерно в три раза ниже той, которая предполагается по рассказу Геродота (Черненко, 1984, с. 65—92). Таким образом, продвижение персов могло достигнуть только одного из пунктов на территории самих скифов, какого именно, в этом отношении у исследователей нет единого мнения. До савроматских земель, как и Дона, персы вряд ли дошли.

Савроматы, как уже указывалось, занимали земли в междуречье Нижней Волги и Дона, им же принадлежали и степные районы Заволжья. Об этом свидетельствует сходство погребальных памятников этих районов в рамках единой археологической культуры. Всего на этой территории к настоящему времени исследовано более трехсот савроматских погребений. Обычно в них находят, кроме уже упоминавшегося вооружения, глиняную лепную посуду, бронзовые зеркала, различные украшения, предметы искусства, выполненные в так называемом «зверином стиле».

Большую известность получили раскопки одного из савроматских курганов в районе с. Блюменфельд (ныне Цветочное) Старополтавского района известным археологом Б. Н. Граковым во второй половине 20-х гг. прошлого века. Под насыпью этого кургана, получившего номер А12, была обнаружена большая прямоугольная могильная яма, оказавшаяся частично ограбленной в более раннее время. В не потревоженном состоянии обнаружено два человеческих скелета с разнообразным набором вооружения: железными мечами, наконечниками копий, бронзовыми наконечниками стрел. Кроме того, здесь же были найдены детали конской узда (удила с псалиями), а также художественные изделия из кости, выполненные в зверином стиле (рис. 28).

Своеобразные курганы располагались у с. Горная Прелейка, получившие название «Царские могильницы». Их насыпи были сложены из дикого камня местного происхождения. Среди них своими размерами выделялись два кургана.

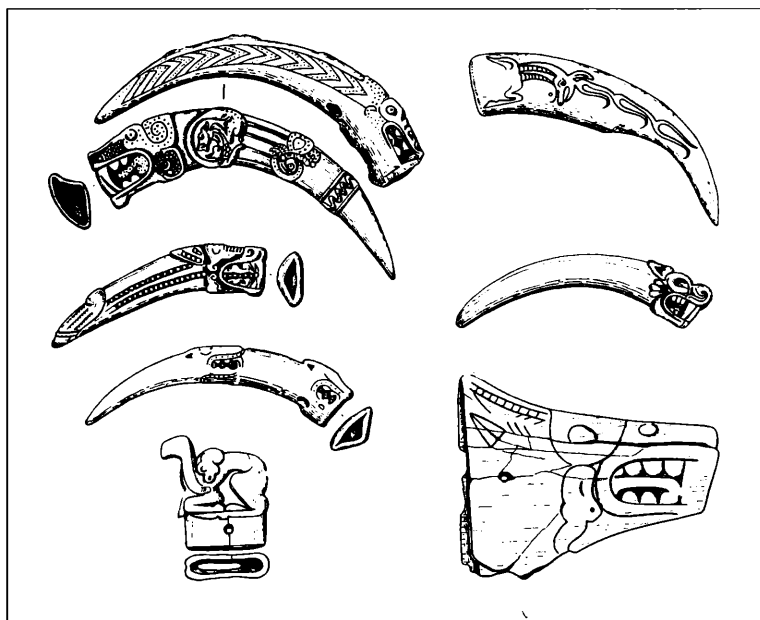

Рис. 28. Костяные предметы, выполненные в зверином стиле, из савроматских погребений

Их каменные насыпи были окружены кольцами, также выложенными из камня в три слоя шириной до 3 м. Между насыпями и кольцами находилось пустое пространство от 14 до 16 м шириной. Камень из курганов выбирался местным населением для строительных нужд. Еще в начале XX в., по данным Ф. В. Баллода, высота одного из них равнялась 3,5 сажени (более 7 м). Рядом с большими курганами располагались курганы гораздо меньших размеров, также сложенные из камня. Раскопки, произведенные саратовским археологом И. В. Сеницыным в 1947 г., дали материал (бронзовое зеркало, бронзовые наконечники стрел, фрагменты керамики), позволяющий отнести сооружение этих курганов к савроматскому времени (Смирнов, 1964, с. 41, 44, 77).

В 1997 г. в Октябрьском районе у с. Аксай археологическая экспедиция Волгоградского государственного университета раскопала савроматское погребение, в котором, наряду

с другими вещами, была найдена великолепная расписная родосская амфора, датирующаяся второй половиной VI в. до н. э. (рис. 29) (Дьяченко и др., 1999, с. 96, рис. 5, 1). Крупный курганный могильник, состоящий из нескольких десятков курганов, был раскопан в 1966 г. экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В. П. Шилова в том же Октябрьском районе у хут. Дорофеевский, большинство курганов относилось к савроматской культуре. В них вместе с погребенными было найдено много оружия, железных мечей и наконечников копий, бронзовых наконечников стрел (Шилов, Очир-Горяева, 1997, с. 127—152).

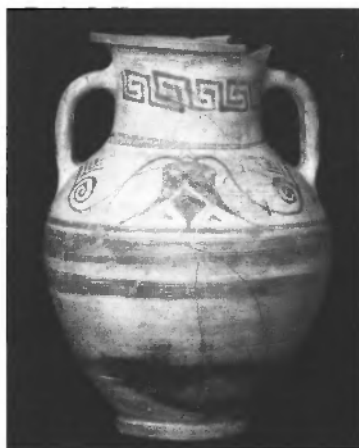

Рис. 29. Античная амфора VI в. до н.э. из савроматского погребения, с. Аксай

Известны памятники этого времени и в пределах нашего города. Одно савроматское погребение было открыто в районе Винновки, другое в 3 км к западу от железнодорожной станции Бекетовка на краю Ергенинской возвышенности (Сурков, 1995, с. 34—39). Особый интерес представляет последнее, обнаруженное в уже описанном ранее кургане, относящемся к бронзовому веку. Таким образом, это савроматское погребение было сооружено в более раннем кургане. В почти квадратной яме 2,13 на 2 м, глубиной 0,57 м находились два скелета человека, положенные вытянуто, головой на запад с небольшим отклонением к югу. Один скелет принадлежал взрослому человеку, другой — подростку. Вместе с ними найдено несколько десятков бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 30, 1). Кроме того, здесь же находилось большое число костей от частей туш овцы и лошади, положенных в качестве напутственной пищи. Вероятно, савроматским было погребение, разрушенное в 1926 г. при возведении дамбы для линии трамвая на правом берегу Ельшанского оврага, в нем было найдено до сорока

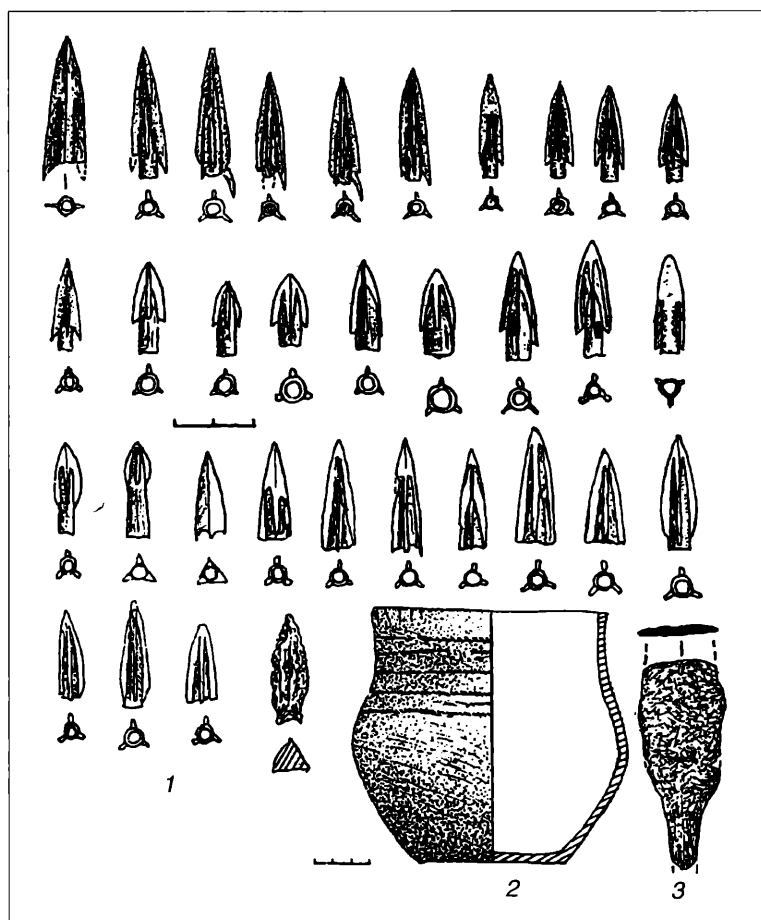

Рис. 30. Вещи из кургана у ст. Сарепта:
 1 — бронзовые наконечники стрел из погребения савроматской культуры; 2 — глиняный сосуд; 3 — бронзовый нож;
 (2, 3 — из погребения бронзового века)

трехперых бронзовых наконечников стрел и глиняный небольшой сосуд (Ильина, Шишкин, 1929, с. 22). Известны савроматские захоронения и в ближайших к городу районах. Так, в 1971 г. в районе пос. Котлубань отрядом Волго-Донской археологической экспедиции под руководством автора был

раскопан курган, под которым находилось савроматское погребение в яме подпрямоугольной формы. Над погребальной ямой в ритуальных целях был возведен мощный костер, от которого сохранилось большое количество золы и сильно прокаленная земля. С погребенным находился колчан, изготовленный из кожи, в виде овального пенала, заполненный стрелами с бронзовыми наконечниками (Глухов, Скрипкин, 1999, с. 119—121).

Как уже не раз отмечалось, одним из ярких археологических признаков савроматской культуры является частое обнаружение в ее погребальных памятниках предметов вооружения: железных мечей и бронзовых наконечников стрел. Довольно часто наконечники стрел находят случайно вне погребений в различных местах нашей области, что еще раз свидетельствует об обитании здесь некогда воинов-кочевников, отождествляемых с легендарными савроматами.

Сарматы. В IV—III вв. до н. э. в донских и поволжских степях происходят какие-то изменения этнополитического характера. В греческих письменных источниках на правом берегу Дона упоминаются сирматы, а на землях к востоку от Дона, где раньше жили савроматы, начинают упоминаться сарматы, которые с II в. до н. э. превращаются в мощную военно-политическую силу на северо-восточной периферии античного мира. Они вытесняют скифов из Северного Причерноморья и к рубежу эр выходят к границам Римской империи в Подунавье. Сарматы становятся общим названием для многих кочевых народов, населявших огромную территорию от Южного Урала до Дуная. Среди них греко-латинские авторы выделяли отдельные племена или племенные союзы аорсов, сираков, языгов, роксоланов, аланов и др.

Сарматы, так же как и их предшественники савроматы, говорили на различных диалектах древнеиранского языка. Основа этого языка, претерпев со временем многие изменения, сохранилась у современных осетин на Северном Кавказе.

Сарматы были типичными кочевниками, быт которых римский историк IV в. н. э. Аммиан Марцеллин описывает следующим образом: «Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свои города на ки-

битки и двигаются дальше» (XXXI, 2, 18). Для Аммиана Марцеллина, римского аристократа, образ жизни кочевников уподоблялся звериному. Но кочевой мир — это совершенно иная культура, оценки ее с позиции другой ментальности неприемлемы. О том, что кочевые сообщества достигали высокого уровня культурного развития, свидетельствует тот факт, что соседние земледельческие цивилизации не только оказывали влияние на их культуру, они сами многое заимствовали у них, в частности, в военном деле, искусстве и даже мировоззрении.

В письменных источниках, датируемых IV в. до н. э., как уже отмечалось выше, появляется новое название народа, обосновавшегося на Дону, — «сирматы». Весьма лаконичные сведения о них имеются у Скилака Кариандского и Эвдокса. Скилак, уроженец малоазиатского города Карианд, современник Дария I, известный путешественник. Сочинение «Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии», приписываемое ему, на самом деле, как полагают исследователи, ему не принадлежит. Скорее всего, оно было написано неизвестным автором позднее, во второй половине IV в. до н. э. В этом сочинении приведены следующие сведения: в разделе, посвященном описанию Европы, «Сирматы. (За скифами сирматы) народ и река Танаис, (которая) составляет границу Азии и Европы» и далее в разделе об Азии говорится «Савроматы. От реки Танаис начинается Азия, и первый народ ее на Понте — савроматы. Народ савроматов управляется женщинами» (Латышев, 1993, с. 154, 155). Таким образом, между савроматами и скифами, которые ранее были непосредственными соседями, появляются какие-то сирматы, заняв правобережье Дона. У Эвдокса в сочинении «Землеописание», как полагают, написанном около 370—365 гг. до н. э. (Мачинский, 1971, с. 43, 44), сведения о сирматах еще более кратки: «В близости Танаиса живут сирматы» (Латышев, 1993, с. 187).

Существует мнение, что к IV в. до н. э. относятся и первые упоминания о сарматах. Оно основано на предположении, что Эфор, известный автор, живший в IV в. до н. э., уже знал сарматов (Мачинский, 1971, с. 44). Однако труд Эфора не сохранился и прямых свидетельств об упоминании в нем сарматов нет. Дискуссионным является и предположение, что географическое название «Сарматия» появляется в сочине-

ниях Гераклида Понтийского (390—310 гг. до н. э.) в связи с описанием им озера с неприятным запахом, которое не может перелететь ни одна птица, находящегося якобы в Сарматии. Сочинения Гераклида также не дошли до нашего времени, и о том, что он знал область под названием «Сарматия», свидетельствуют его наиболее поздние комментаторы, в частности Антигон Каристский, живший в III в. до н. э. (Мачинский, 1971, с. 45, 46). Однако Антигон мог отразить реалии своего времени, когда сарматы действительно были известны греческим литераторам. К тому же существуют другие авторы: Исигон Никейский, Сотион, жившие и писавшие в I в. до н. э., которые утверждают, что упомянутое выше озеро Гераклид помещал в земле савроматов (Латышев, 1993, с. 327, 328). Таким образом, источники, претендующие на упоминание сарматов в IV в. до н. э., не отличаются достаточной объективностью, что не позволяет использовать их при доказательстве обозначенной проблемы.

Пожалуй, одно из первых достоверных упоминаний об области «Сарматии» содержится в труде ученика Аристотеля Теофраста «О водах». Теофраст приводит рассказ о странном животном тарандре, сочетающем в себе черты других животных и способном менять свой цвет, «которое, как говорят, водится в Скифии или Сарматии» (Латышев, 1993, с. 159). Из рассказа Теофраста следует, что область Сарматия соседствовала со Скифией. Учитывая тот факт, что древние земли сарматов располагались к востоку от Скифии, следовательно, и Сарматия как область обитания сарматов примыкала к Скифии с той же стороны.

Одно из первых упоминаний о собственно сарматах мы находим в сочинении безымянного автора «Землеописание», ранее приписываемом Скимну Хиосскому, жившему в III—II вв. до н. э. Впоследствии это мнение было опровергнуто, и сейчас считается, что упомянутое сочинение было написано около 90 г. до н. э. (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990, с. 138, 139). В нем, со ссылкой на Деметрия Каллатийского, писавшего на рубеже III—II вв. до н. э., говорится следующее: «На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, — первыми живут сарматы, занимая пространство в 2000 стадий, за ними, по словам (писателя) Деметрия, следует меотийское племя, называемое язаматами, а по Эфору оно называется племенем

савроматов» (Латышев, 1993, с. 226). Танаис (Дон) издревле в античной литературе считался границей Европы и Азии. Из приведенного выше фрагмента следует, что сарматы должны были занимать азиатскую часть территории, прилежащей к Дону с востока. Территория эта составляла 2000 стадий — это расстояние несколько менее 400 км. Из сообщения, правда, неизвестно, в каком направлении его следует отмерять. Да, видимо, эта процедура и не имеет смысла, поскольку в то время античные авторы имели весьма слабое представление обо всех деталях этнической ситуации в этом отдаленном районе. Главное здесь — упоминание к востоку от Дона нового объединения кочевников, называвшихся сарматами.

В научной литературе нет единого мнения о происхождении сирматов и их отношении к савроматам и сарматам. Одни исследователи считают, что сирматы — это наиболее западная поздняя группировка савроматов (Смирнов К. Ф., 1984, с. 40), другие связывают с сирматами продвижение нового населения на правый берег Дона из Заволжья и Приуралья, носителей савроматской культуры этих мест (Максименко, 1998, с. 71, 72). Существует и наиболее сложная реконструкция появления сирматов на Дону, по которой носители данного этнонима вышли из среднеазиатской дахо-массагетско-сакской среды. Она основана на упоминании Плинием сирматов к востоку от Окса (Аму-Дарья). Среднеазиатские сирматы приняли участие в формировании раннесарматской культуры Южного Приуралья и затем в миграции ее на запад в первой половине IV в. до н. э., принеся свое название на Дон (Туаллагов, 2001, с. 30).

Определенное понимание происходивших этнических изменений в волго-донских степях IV в. до н. э. дает археологический материал. С этого времени здесь появляются захоронения кочевников с новыми деталями погребального обряда и новыми типами вещей. Погребальный обряд, как известно, несет этническую нагрузку, отражая традиции и культуру того или иного народа. Если в савроматское время преобладала ориентировка погребенных головой на запад или восток, то с IV в. до н. э. все больше начинает распространяться южная ориентировка. Появляются так называемые «диагональные» погребения, когда умерший помещался по диагонали квадратной ямы, а также дромосные погребаль-

ные ямы, имеющие узкий вход со стороны. Начинают встречаться круглодонная керамика с примесью талька в тесте, мечи со сломанным под углом или дуговидным перекрестием и некоторые другие вещи, которые, как и новые элементы погребального обряда, находят ближайшие аналогии к востоку от Поволжья в памятниках раннего железного века Южного Приуралья (Клепиков, 2002). Здесь к IV в. до н. э. сформировалась достаточно мощная группировка кочевников, о чем свидетельствуют известные крупные курганные могильники, располагающиеся на территории Оренбуржья и Западного Казахстана. О военно-политическом могуществе этих кочевников свидетельствуют исследованные во второй половине 80-х гг. прошлого века Филипповские курганы в Оренбургской области, среди которых выделяется курган № 1, по предположению археологов, его первоначальная высота равнялась 15—20 м. Несмотря на то, что он оказался ограбленным, в нем было найдено большое количество вещей из золота, являющихся великолепными памятниками искусства той эпохи (Пшеничнюк, 2003, с. 9—32).

Совпадение по времени появления в письменных источниках нового этнонима «сирматы» и вышеназванных инноваций в археологическом материале позволяет считать эти явления взаимосвязанными и с определенной долей достоверности предполагать продвижение южноуральских кочевников в Поволжье и на Дон, которое началось, скорее всего, в первой половине IV в. до н. э. Местное савроматское население частично вошло в состав нового племенного объединения, о чем свидетельствует сохранение ряда черт его культуры в погребальных памятниках IV в. до н. э., другая часть вынуждена была отойти в северокавказские степные районы.

Вопрос о том, какая существует связь между сирматами и сарматами, остается дискуссионным. Мнение о том, что название «сирматы» является неточным, искаженным первыми информаторами наименованием «сарматы» (Максименко, 2003, с. 30, 31), является предположительным. Во-первых, потому, что этноним «сирматы» обладал определенной устойчивостью, он упоминается в сочинениях трех античных авторов. Во-вторых, этноним «сарматы» начинает употребляться несколько позже, чем «сирматы», видимо, с III в. до н. э. Интересную картину в плане рассматриваемой проблемы дает анализ археологических памятников IV—III вв. до

н. э. Погребальные комплексы IV в. характеризуются сочетанием старых скифо-савроматских и новых черт, которые получают дальнейшее развитие в III в. и приводят к окончательному формированию раннесарматской культуры. Именно к III в. до н. э., по крайней мере в Поволжье, устанавливается полное господство южной ориентировки погребенных; стандартный набор типов могильных ям, с преобладанием прямоугольных удлиненных и подбойных форм; широко распространяются мечи и кинжалы с серповидным навершием; бронзовые зеркала с валиком по краю; глиняная посуда, украшенная пучками линий, идущими от горла к дну, и целый ряд других категорий вещей, ставших типичными для раннесарматской культуры. Таким образом, археологическую культуру Волго-Донского региона IV в. до н. э. условно можно называть сирматской, а с III в. до н. э. сарматской. Отмечавшаяся преемственность между этими двумя культурными хронологическими пластами в определенной мере может свидетельствовать и о преемственности их создателей.

Антропологические исследования на основе краниологического материала дали следующие результаты: кочевое население волго-донских степей IV—III вв. до н. э. своим происхождением преимущественно связано с восточными районами — Приуральем, особенно кочевым населением бассейна Илека, Приаральем; их предками могло быть население, оставившее памятники карасукской культуры Сибири, андроновской культуры Казахстана бронзового века. По своим антропологическим характеристикам сирмато-сарматское население было близко своим предшественникам — носителям савроматской археологической культуры, что, видимо, объясняется общей предковой основой. Предположительно антропологический облик кочевого населения рассматриваемого времени первоначально сложился в Южном Приуралье. Возможно, эпицентром этого процесса был район Илека, левого притока Урала, затем оттуда оно распространилось на Волгу и Дон. В Волго-Донском регионе не исключается участие скифского компонента в формировании раннесарматского населения (Балабанова, 2000, с. 55—60).

Совпадение выводов, основанных на археологических и антропологических материалах, позволяет достаточно убедительно утверждать, что появление в волго-донских степях сарматов было связано с миграцией кочевников из районов Южного Приуралья. Возможно, наиболее ранняя группиров-

ка этих кочевников носила название сирматов, переоформившись впоследствии в сарматское объединение. Так или иначе, сирматы являлись прологом появления сарматов, которые стали на долгие времена определять политическую ситуацию в восточноевропейских степях.

Сарматов не следует считать прямыми потомками савроматов, которых описал Геродот, несмотря на близкую схожесть самоназваний. Местом формирования савроматов, как уже отмечалось, были районы Волго-Донского междуречья, а местом оформления основного ядра сарматов — Южное Приуралье. У тех и других во многом были общие предки, а впоследствии часть савроматского населения вошла в состав новых этнополитических объединений, возглавляемых сарматами. Все эти нюансы не были известны античным историкам, и они зачастую не видели различия между савроматами и сарматами, употребляя эти названия как равнозначные.

Видимо, уже в IV в. до н. э. начинают изменяться взаимоотношения между скифами и новой группировкой кочевников на Дону и в Поволжье, если ранее с савроматами они были союзническими, то теперь становятся враждебными. Возможно, к этому времени относится упоминание о начавшихся военных стычках скифов с кочевниками, которые по традиции называются савроматами, содержащееся у Лукиана Самосатского — греческого писателя, жившего во II в. н. э., в сочинении «Токсарид, или Дружба», носящем морализаторский характер. От лица скифа Токсарида он приводит следующие сведения: «Пришли на нашу землю савроматы в числе десяти тысяч всадников, пеших же, говорят, пришло в три раза больше. Так как они напали на людей, не ожидавших их, то и обратили всех в бегство, что обыкновенно бывает в таких случаях; многих из способных носить оружие они убили, других увели живьем...» (Скифы, 1992, с. 219). Диодор Сицилийский, автор I в. до н. э., передавший сюжет о переселении скифскими царями из Мидии на Танаис савроматов, отметил, что «...эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Латышев, 1993, с. 310). Для Диодора существенного значения не имели нюансы, произошедшие в этнической структуре кочевников, восточных соседей скифов, он их по-прежнему называет савроматами.

Археологические исследования в Северном Причерноморье свидетельствуют о масштабных погромах на значительной части территории. Дестабилизация в этом районе наступает, видимо, со второй половины IV в. до н. э. Об этом, в частности, свидетельствует активная строительная деятельность, связанная с возведением оборонительных сооружений на Елизаветовском поселении, располагавшемся в дельте Дона и являвшемся крупным торгово-экономическим центром на северо-восточной окраине Боспорского царства. Возведение, затем срытие и вновь сооружение оборонительных стен на этом городище, приходящиеся на вторую половину IV в. до н. э., свидетельствуют о напряженной ситуации на Нижнем Дону, вызванной, скорее всего, появлением новой группировки кочевников (Виноградов и др., 1997, с. 8—11). Окончательный удар по Скифии сирматы-сарматы наносят в начале III в. до н. э., завершив свой погром в 70—60-х гг. этого века. Об этом свидетельствуют прекращение сооружений скифских курганов в степных районах Северного Причерноморья, а также гибель большинства эллинских и варварских поселений дельты Дона, Европейского Боспора, Северо-Западного Крыма, Нижнего Поднепровья, Побужья и Поднестровья (Виноградов и др., 1997, с. 7).

Масштабность этой военной акции подтверждается и массовыми разрушениями в лесостепной Скифии, прослеженными по материалам раскопок городищ Семилуцкого на Верхнем Дону, Коломацкого на Ворскле и Кнышевского в верховьях Псла. Следы пожаров здесь сочетались с большим количеством убитых жителей этих городищ, захороненных насмерть или не захороненных вообще, в ряде случаев с застрелянными в костях наконечниками стрел (Медведев, 1997, с. 50—64). Синхронность этих событий в южных и северных районах Скифии вызвана была одной причиной — военной активизацией сарматов. Некоторые исследователи предполагают участие в этих военных событиях кочевников Прикубанья. Не отрицая такой возможности, хотелось бы обратить внимание на факт ярко выраженного дружинного характера погребальных памятников IV в. до н. э. Волго-Донского региона. Здесь известна целая серия погребений этого времени с полным набором вооружения: мечи, колчаны со стрелами, копья. Это была мощная группировка кочевников, которая имела неограниченные резервы в лице заволжских и при-

уральских родственников. Она-то, по всей вероятности, и сыграла решающую роль в судьбе Скифии.

После этих событий сарматы не сразу осваивают территорию бывшей Скифии. Возможно, в течение какого-то времени Северное Причерноморье остается нестабильной зоной в военно-политическом отношении. Некоторые исследователи причину этой нестабильности видят в столкновении здесь интересов сарматов и кельтов (Виноградов и др., 1997, с. 19). Возможно, первоначально какая-то часть земель бывшей Скифии контролировалась сарматами и использовалась ими в качестве своих кочевий. Родовые же их могильники могли оставаться на старых территориях. Сарматские курганы в Северном Причерноморье появляются во II в. до н. э. и свидетельствуют об окончательном его освоении, по крайней мере, между Доном и Днепром. С этого времени сарматы превращаются в одну из ведущих военно-политических сил на северо-восточной окраине античного мира.

Возрастает их международный авторитет. У известного античного историка Полибия есть упоминание о заключении договора с ведущим войны за расширение своего государства понтийским царем Фарнаком I, с правителями Армении, Пергама, Вифинии, Каппадокии, с рядом городов Черноморского побережья, а также с Гаталом — царем европейских сарматов (Латышев, 1993, с. 216).

К времени утверждения сарматов в Северном Причерноморье относится рассказ Полиена, автора II в. н. э., о сарматской царице Амаге. Она была женой сарматского царя, отстранившегося от дел, которыми он должен был заниматься по должности, и предавшегося роскоши и пьянству. Всем занималась Амага, «чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обиженным соседям». Слава о ней разнеслась по всей Скифии. К ней за помощью обратились жители города Херсонеса, обижаемые крымскими скифами. Амага отправила послание скифскому царю с приказанием прекратить набеги на Херсонес, но скифы не послушались ее. Тогда Амага из числа своих воинов «выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом», каждому дала по три лошади и, проскакав с ними за сутки 1200 стадиев (более 200 км), неожиданно для скифов ворвалась во дворец их царя, убила его и находившихся с ним родственников и друзей. Царскую власть над скифами в Крыму она передала сыну убитого царя, «приказав

Рис. 31. Знатная сарматская женщина. Реконструкция

ему править справедливо и, помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров» (рис. 31) (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1991, с. 334—335).

К рубежу эр сарматы выходят к границам Римской империи по Дунаю, на протяжении нескольких веков принимая активное участие в разного рода политических событиях в Центральной Европе (Дзиговский, 2003). С этого времени сарматы постоянно находятся в поле зрения римской администрации, сведения о них гораздо чаще появляются на страницах сочинений разных авторов той эпохи.

Аорсы. Сарматы, как уже отмечалось, не являлись единым народом, это собирательное название для кочевников, освоивших к рубежу эр практически все европейское степное пространство. С этого же времени античные авторы начинают различать и отдельные их группировки, называя собственными именами. Одним из первых такие сведения передает известный географ античности Страбон (64/63 гг. до н. э. — 23/24 г. н. э.), написавший труд под названием «География» в 17 книгах. Интерес к варварскому миру, обитавшему к северу от Кавказа, у историков и географов той эпохи был вызван повышенным вниманием их к событиям, связанным с так называемыми Митридовыми войнами, охватившими период с 89 по 63 г. до н. э. Митридат VI Евпатор, царь Понтийского государства, располагавшегося на территории Малой Азии, оказал упорнейшее сопротивление Риму в его продвижении на восток. Захватив Боспорское царство и посадив там правителем своего сына,

Митридат пытался привлечь на свою сторону и его варварское окружение. Аппиан, автор II в. н. э., в своем труде «История Рима» упоминает среди его союзников и сарматов, живущих вокруг Танаиса и Меотиды (Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990, с. 316). Эти события были освещены в ряде трудов историков эпохи Митридатовых войн, которые не дошли до нашего времени, но были использованы Страбоном.

Страбон приводит совершенно новые сведения о народах, обитавших в районах Северного Кавказа, Дона и Северного Прикаспия. Опираясь на труд своего предшественника известного географа Эратосфена, Страбон делит Азиатский континент на две части: северную и южную Азии, граница между которыми проходила по горному хребту Тавру, который, видимо, воспринимался им как цепь горных хребтов, вытянутых с запада на восток: собственно Тавр, Кавказ, Гиндукуш, Памир (Страбон, II, I, 1). Границей между северной частью Азии и Европой, по Страбону, являлась река Танаис (Дон). В свою очередь северную часть Азии он подразделяет на две части, граница между которыми проходит по Каспийскому, или Гирканскому морю, которое воспринималось как залив Северного океана, соединенного с ним узким проливом. Под этим проливом можно подразумевать Волгу, но собственно Волгу Страбон, как и его предшественники, не знал.

Относительно первой части северной Азии Страбон приводит два перечня населявших ее народов. В одном из них, более схематичном, где перечисляются народы, жившие на этой территории, с севера на юг упоминаются «...некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны — сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор» (Страбон, XI, II, 1). Во втором, более подробном перечне, где перечисление народов идет в обратном порядке, с юга на север, аорсы подразделяются на две самостоятельные группировки со своими царями. Более могущественными он считает верхних аорсов, которые занимали «более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря». Другая их группировка, названная просто аорсами, поселялась им по течению Танаиса. Также отмечалось, что аорсы и соседние с ними сираки «являлись, видимо, изгнанниками племен, живущих выше» и что аорсы обитают севернее сираков.

Сираков современные исследователи поселяют в северокавказских степях, основной район их обитания предполагается, видимо, между реками Кубанью и Манычем. Севернее их, в Подонье, должны были располагаться земли аорсов, Северный Прикаспий и, надо полагать, Нижнее Поволжье занимали верхние аорсы, учитывая их многочисленность.

Страбон приводит один весьма интересный исторический факт, повествующий о возникшей необходимости мобилизации военных сил практически всех упомянутых кочевнических группировок региона. Это случилось во время правления на Боспоре Фарнака, сына знаменитого Митридата VI. Речь, вероятно, идет о событиях 49—48 гг. до н. э., когда самого Митридата уже не было в живых, а его сын Фарнак возымел желание вторгнуться в Малую Азию, установить там свое господство и вернуть себе то, чем когда-то владел его отец. Видимо, Фарнак попытался привлечь на свою сторону воинские контингеты соседних кочевников, и безрезультатно. Страбон говорит, что царь сираков Абеак выставил конницу числом 20000 всадников, царь аорсов Спадин собрал войско в 200000 воинов, а верхние аорсы (имя их царя не называется) выставили еще большее войско. Военная авантюра, затеянная Фарнаком, закончилась провалом. Несмотря на первоначальный успех в Малой Азии, его армия была разбита известным римским полководцем и государственным деятелем Цезарем в 47 г. до н. э. при городе Зелы. Именно об этой своей победе Цезарь отправил весьма лаконичное сообщение римскому Сенату: «*Veni, vidi, vici*» (пришел, увидел, победил).

Это событие, отмеченное Страбоном, интересно еще и потому, что дает хронологическую привязку для уточнения времени обитания в рассматриваемом регионе перечисленных выше кочевых народов, и в частности аорсов. Скорее всего, аорсы в отводимых им Страбоном местах появились раньше I в. до н. э., это следует из той его фразы, в которой аорсы вместе с сираками называются беглецами из среды племен, живущих выше. Для Страбона, а возможно, и его источников это событие отдалено во времени и высказано в виде предположения. Когда точно аорсы появляются в волго-донских степях, сказать трудно. Существует точка зрения, что их появление может быть связано со становлением в этом регионе раннесарматской культуры, что аорсы представля-

ли ядро тех кочевников, которые еще в IV в. до н. э. мигрируют из Южного Приуралья на Нижнее Поволжье (Смирнов, 1964, с. 286—290). Другой вариант этой проблемы связан с предположением о более позднем появлении аорсов в степных районах Волги и Дона. Дело в том, что, с одной стороны, письменные источники отмечают появление новой этнической номенклатуры на обширной территории от Средней Азии до Днепра, приходящейся на II в. до н. э.; с другой стороны — археологические материалы свидетельствуют о наличии ряда инноваций в материальной культуре кочевников на этой обширной территории, аналогии которым обнаруживаются далеко на востоке, вплоть до границ Китая. Все это может свидетельствовать о подвижках в данное время в кочевом мире евразийских степей и появлении на этом фоне новых кочевнических группировок на Нижнем Дону и Волге (Скрипкин, 1997, с. 21, 22; 2000, с. 17—40).

Так или иначе, обосновавшись в волго-донских степях, аорсы становятся серьезной политической силой в этом регионе, участвуя в различного рода военных акциях. Они устанавливают контроль над торговыми путями. Тот же Страбон отметил, что верхние аорсы «...вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев; вследствие своего благосостояния они носили золотые украшения» (Страбон, XI, V, 8). Свидетельство Страбона подтверждается археологическими исследованиями. На территории Нижнего Поволжья известен ряд погребений, датируемых концом II—I вв. до н. э., с богатым набором вещей, в том числе и изготовленных из золота, которые, вероятно, принадлежали верхнеаорской знати (рис. 32). В пределах Волгоградской области

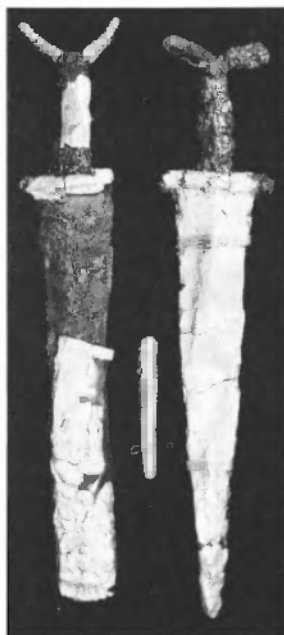

Рис. 32. Парадные сарматские кинжалы II—I вв. до н. э.

такowymi могли быть погребение, исследованное в одном из курганов у станции Жутово в 1964 г. экспедицией под руководством В. П. Шилова, а также погребение, недавно открытое экспедицией, возглавляемой Н. Б. Скворцовым, в Николаевском районе, при раскопках курганного могильника Майзоровского. В первом из них с погребенным мужчиной находились: длинный меч и кинжал в ножнах с золотой обкладкой; деревянный колчан, обтянутый кожей и украшенный золотыми спиральными лентами, в котором находилось около сотни железных наконечников стрел; две поясные пластины из гагата; большое количество фигурных золотых бляшек, возможно, украшавших одежду; бронзовое зеркало; сосудик из финикийского стекла; кованый медный котел; два глиняных кувшина; боспорский красноглиняный флакон (Шилов В. П., 1975, с. 138, 139). Во втором погребении, открытом в Николаевском районе, в могильной яме с двумя нишами-катакомбами обнаружены захоронения мужчины и женщины с большим количеством сопровождающих вещей. В мужском погребении находились железные меч и кинжал, колчан с железными наконечниками стрел, бронзовый котел; в женском — золотые браслеты, гривна, серьги, большое количество разнообразных золотых бляшек, украшавших одежду и головной убор, бронзовое зеркало с деревянной ручкой, обтянутой золотой пластиной с изображением человеческой фигуры и двумя лошадиными головами, и другие находки (Скворцов, Скрипкин, 2004, с. 187—189).

Аорсы осуществляли, видимо, торговлю и через город Танаис, основанный Боспорским царством и располагавшийся в дельте Дона. Страбон характеризует его как общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, а также греков, приплывающих на кораблях из Боспора. Кочевники привозили сюда рабов, кожи и другие товары, которые обменивали на одежду, вино «и все прочие принадлежности культурного обихода» (Страбон, XI, II, 3).

На территории Нижнего Поволжья и Дона аорсы обитали в течение нескольких веков. Последнее событие, которое предполагает их проживание в этих местах, относится к середине I в. н. э., оно связано с борьбой претендентов за власть в Боспорском царстве, приведшей к междоусобной войне. В это время Боспорское царство находилось в зависимости от Рима, который внимательно следил за политической ситуацией в этом царстве и способствовал утверж-

дению у власти проримски настроенных правителей. В 39/40 гг. н. э. к власти на Боспоре пришел Митридат VIII, который попытался проводить независимую от Рима политику. Его брат Котис выдал планы Митридата римлянам. В благодарность за эту услугу император Клавдий провозгласил Котиса боспорским царем. При поддержке римских войск Митридат был свергнут с престола, а на его место посажен Котис. Митридат вынужден был бежать на азиатскую часть Боспора, где захватил земли дандариев, а затем склонил на свою сторону сираков. Котиса поддерживали несколько когорт римского гарнизона, находящегося в Крыму, кроме того, на свою сторону в качестве союзников они привлекли аорсов во главе с царем Эвноном. Основные военные действия происходили в восточном Приазовье.

Эти события относительно подробно описаны римским историком Корнелием Тацитом (56—117 гг.). Не вдаваясь в подробности, отметим лишь то, что коалиция Котиса оказалась победительницей, Митридат со своими союзниками был разгромлен. Сначала союзник Митридата царь сираков Зорсин «простерся ниц перед изображением Цезаря», затем и сам мятежный Митридат предпочел сдаться аорсам, «припав к коленям Эвнона», их царя. Интересны размышления императора Клавдия, изложенные Тацитом, о судьбе Митридата. Аорский царь Эвнон дипломатично изложил императору свою просьбу сохранить жизнь пленному Митридату, и надо было понимать, что только на этих условиях аорсы передадут его римлянам. С одной стороны, Клавдий жаждал мести за нанесенные ему оскорбления, но в этом случае, чтобы казнить Митридата, его у аорсов можно было отобрать только силой оружия. Решиться на такой шаг Клавдий все же не смог по той причине, что «придется вести войну в труднодоступной местности и вдали от морских путей; к тому же цари в тех краях воинственны, народы — кочевые, земля — бесплодна; медлительность будет тягостна, а торопливость чревата опасностями; победа обещает мало славы, а возможное поражение — большой позор» (Тацит. XII, 20). Поэтому Клавдий вынужден был принять предложение Эвнона, который после этого и передал Митридата римлянам. Клавдий сдержал свое слово, Митридату была сохранена жизнь, он даже пережил самого императора. Правда, Митридат все же был казнен в 68 г., но уже за другие грехи — участие в заговоре.

В научной литературе, посвященной этой теме, часто дискутируется вопрос о том, какую территорию занимали аорсы на момент этой так называемой «сирако-аорской войны». Существует мнение, что аорсы в это время уже продвинулись на запад и занимали земли где-то в северном Приазовье, между Доном и Днепром. Именно отсюда они через Крымский перешеек попадают в пределы Боспорского царства, где и соединяются со сторонниками Котиса. Затем они переправляются на Таманский полуостров и начинают военные действия против Митридата и его союзников. Сейчас, по состоянию наших источников, трудно ответить на этот вопрос однозначно. Возможно, какие-то изменения в этнической карте Северного Кавказа и сопредельных территорий, данной ранее Страбоном, и произошли. Однако неоспоримым фактом является то, что аорсы и сираки, судя по вышеописанным событиям, в то время продолжали оставаться в этих местах значимой политической силой. И все же, видимо, после сирако-аорской войны аорсы уходят на запад. Так, Плиний Старший, погибший, как известно, при извержении Везувия в 79 г. н. э., фиксирует аорсов уже к северу от Истра (Дунай). Уход аорсов из волго-донских степей был вызван, по всей вероятности, давлением на них других кочевнических группировок, продвинувшихся с востока в восточноевропейские степи.

Аланы. Это один из последних народов раннего железного века, оставивший заметный след в истории нашего края. В первые века нашей эры им принадлежала ведущая роль в восточноевропейских степях. Они принимали участие в закавказских походах, проявляли активность в военно-политических событиях на дунайских границах Римской империи. В союзе с вандалами аланы прошли через всю Европу, переправились через Гибралтар в Африку и образовали там в первой половине V в. вандало-аланское королевство на том месте, где некогда находился Карфаген. Затем они объявились в Италии и участвовали в разгроме Рима. Аланы оставили заметный след и в средневековой истории. Они являлись одним из основных народов в составе Хазарского каганата. На Кавказе сформировалось государство, объединившее аланов и некоторые другие народы, получившее название «Алания». Современные осетины ведут свою родословную от аланов (Кузнецов, 1992).

Многие вопросы ранней истории аланов изучены еще не достаточно полно, их рассмотрение находится на уровне научных гипотез. К таковым относятся проблема их происхождения, время появления в Восточной Европе, этнополитическое содержание самого этнонима, отождествление археологических памятников с аланами.

В настоящее время нет единой стройной и непротиворечивой концепции происхождения аланской народности. Об этой проблеме можно говорить только в общих чертах, с целым рядом вероятных допущений. Ранние предки аланов, скорее всего, обитали в среде кочевых народов Центральной Азии, известных в китайских источниках под именем юечжей и усуней. В конце III в. до н. э. к северу от Китая образуется достаточно мощная кочевая держава хунну, агрессивная политика которых заставила сперва юечжей, а затем и усуней уйти с прежних территорий, граничащих с Китаем, на запад, в пределы Средней Азии, где они появляются во время близкое к середине II в. до н. э. Эти события достаточно подробно воспроизведены в сочинениях известных китайских историков Сыма Цяня (145—86 гг. до н. э.) и Бань Гу (32—92 гг. н. э.). Сообщения о появлении в то же время новых кочевнических объединений в Средней Азии имеются и в трудах некоторых античных авторов. Дело в том, что это событие получило большой резонанс в связи с падением Греко-Бактрийского царства под ударами этих кочевников. Так, Страбон отмечал: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактрияну, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы...» (Страбон, XI, 8, 2). Римский историк Помпей Трог, в передаче Юстина, рассказывая о тех же событиях, упоминает асианов и сарауков. Китайская и античная этнические номенклатуры различны, но это не значит, что речь в данном случае идет о совершенно разных народах. Исследователями предпринимались попытки их отождествления. Существует мнение, что юечжи китайских источников — это тохары, упоминаемые у античных авторов, а усунь — это асии-асианы по Страбону и Трогу. В последних, асиях и асианах, ряд исследователей предполагает раннее упоминание аланов, поскольку этнонимы «аланы» и «асы» в источниках средневековой эпохи фигурируют постоянно рядом, подчеркивая их родство или даже идентичность (Габуев, 1999, с. 83, 127, 128; Туаллагов, 2001, с. 69, 70).

Дальнейшее формирование аланского этноса, по всей видимости, проходило в рамках государственного образования Кангюй (другая транскрипция — Канцзюй). Кангюй появляется на политической карте Средней Азии, видимо, после падения Греко-Бактрии. Первые краткие сведения о нем имеются в «Исторических записках» Сыма Цяня. Он следующим образом характеризует Кангюй: «Это кочевое ... владение; в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90000 войска. Кангюй смежен с Даванью (Ферганой. — А. С.), и по малосилию своему признает над собой на юге власть юечжысцев, на востоке власть хуннов» (Бичурин, с. 1950, 150). В дальнейшем происходит усиление Кангюя. Из сочинения другого китайского историка Бань Гу известно, что в начале I в. н.э. на его территорию переселяются 80 тыс. усуней вместе со своим царевичем (Бичурин, 1950, с. 198). На базе смешанного кочевого населения Кангюя, юэчжей, усуней, возможно, других этнических компонентов, скорее всего, и происходит оформление ядра аланской народности. Кочевые подразделения Кангюя являлись основной его ударной силой, активизация которой привела к захвату им соседних территорий.

Для нашей темы интересен такой факт. В ранних китайских источниках владение Яньцай, располагавшееся к северо-западу от Кангюя, характеризуется как независимое, а в более позднем сочинении Фань Е, посвященном истории Младшей династии Хань (25—220 гг.), о нем говорится следующее: «Владение Яньцай переименовалось Аланья; состоит в зависимости от Кангюя» (Бичурин, 1950, с. 229). В этом фрагменте сочинения Фань Е впервые в китайской исторической литературе появляется наименование в форме «Аланья», имеющее непосредственное отношение к этнониму «аланы» античных письменных источников. Это событие, переименование Яньцай в Аланья и зависимость его от Кангюя, обычно интерпретируется как подчинение Яньцай аланами в русле завоевательной политики Кангюя. Государство Кангюй, по мнению большинства исследователей, занимало территорию по среднему течению Сыр-Дарьи и степные пространства к востоку от нее. Яньцай китайские авторы помещают к северо-западу от Кангюя, у озера с пологими берегами, которое, кроме того, называют еще северным морем. У исследователей нет единого мнения, с каким современным водоемом следует отождествлять это озеро. Пологие берега

имеют и Аральское, и Каспийское моря. По этой причине трудно определить и саму территорию, занимаемую Яньцай-Аланьей. Возможно, она была достаточно значительной, включала не только полупустыни и степи, прилежащие к выше-названным морям, но и более северные районы, поскольку в китайских источниках упоминается, что на территории Яньцай растет много сосны.

Проблематичным является вопрос и о точном времени появления аланов в Восточной Европе. Можно более уверенно говорить только о достаточно широкой дате этого события, в рамках I в. н. э. Наиболее ранние упоминания об аланах на новом месте содержатся у таких античных авторов, как Луций Анней Сенека, Марк Анней Лукан, Гай Валерий Флакк, Плиний Старший, Иосиф Флавий. Причем диапазон их обитания, указываемый названными авторами, достаточно широк — от Кавказа и Танаиса (Дона) до Истра (Дуная).

Для нас особый интерес представляет сообщение об аланах иудейского историка Иосифа Флавия, имеющее привязку к определенному времени и месту. Рассказывая об опустошительном набеге аланов в Закавказье, произошедшем в 72 г. н. э., он называет их скифским племенем, «живущим на берегах Танаиса и Меотийского озера» (Флавий, 1991, с. 510). Из этого сообщения Флавия следует, что, по крайней мере к указанному времени, аланы уже занимали территории, прилежащие к Дону и Азовскому морю. Спорным является мнение некоторых исследователей об участии аланов в более раннем закавказском походе, датируемом 35 г. н. э. Оно основывается на данных другого сочинения Иосифа Флавия «Иудейские древности», в его греческой редакции в этих событиях упоминаются аланы. Однако в латинском переводе аланов фигурируют скифы. Кроме того, в «Анналах» римского историка Корнелия Тацита, где речь идет о том же походе 35 г., его участниками названы сарматы. Таким образом, разночтения в источниках не позволяют с уверенностью утверждать, что уже в первой половине I в. аланы обитали к северу от Кавказа и принимали активное участие в политических событиях этого региона, хотя и не исключают такую возможность (Скрипкин, 2001, с. 21, 22).

О том, что в волго-донских степях в I в. н.э. утверждается новая группировка кочевников, в определенной мере свидетельствуют и археологические материалы. Во-первых, появ-

ляется целая серия индивидуальных курганов с богатыми захоронениями: Хохлач, Садовый, Александровка, Дачи и другие — в Ростовской области; Жутово, Октябрьский — в Волгоградской области и Косика — в Астраханской. Последнее погребение было произведено в естественной возвышенности, в одном из беровских бугров. Во-вторых, многие вещи из них, зачастую представляющие собой уникальные памятники искусства, обнаруживают ближайшие аналогии в древностях Средней и Центральной Азии. Все это предполагает возможность отождествления названных курганов с погребениями аланской знати. Таким образом, археологические данные с определенной долей вероятности подтверждают данные письменных источников о приходе аланов в европейские степи с востока. Представление о восточном происхождении аланов нашло отражение и в трудах античных авторов, отождествлявших их с массагетами, жившими в Средней Азии (Дион Кассий, Аммиан Марцеллин).

Обнаруженные в упомянутых курганах богатства, представленные пекторальями, гривнами, браслетами, диадемами, выполненными из золота и украшенными бирюзой и сердоликом, различными другими украшениями (рис. 33), дорогим оружием, серебряной посудой (рис. 34, 35), бронзовыми котлами (рис. 36), являлись материализованным воплощением силы и власти предводителей кочевников в начале нашей эры, которая должна была опираться на значительные людские ресурсы. В таком случае курганные могильники и отдельные рядовые погребальные комплексы начала нашей эры на Дону и Нижней Волге, в том числе и в пределах Волгоградской области, счет которым идет на сотни, принадлежали кочевому населению, входившему в состав аланского племенного объединения.

Собственно ранний аланский этнос археологически выделить достаточно сложно. Письменные источники точно не очерчивают территорию расселения аланов, а только указывают отдельные места, где они появлялись. Кроме того, аланы, по всей видимости, стояли во главе крупного племенного союза, в который входили подчиненные ими и отличные от них племена и народы, скрывавшиеся под именем племен-гегемона. Это подтверждают и письменные источники. Римский историк греческого происхождения, живший в IV в. н. э., Аммиан Марцеллин по этому поводу писал об аланах следующее: «Мало-помалу они подчинили себе в многочис-

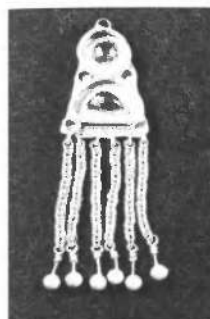

Рис. 33.
Золотая серьга
из сарматского
погребения

Рис. 34. Серебряная посуда,
детали конской упряжи,
железный кинжал и золотые
нашивные бляшки
из сарматских курганов
у ст. Жутово

Рис. 36. Бронзовый сарматский
котел

Рис. 35. Серебряная чаша
с позолотой из сарматского
погребения I в. н. э.
у р. Октябрьский

Рис. 37.
Сарматский
воин.
Реконструкция

ленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как это сделали персы» (XXXI, 2, 13).

Появление аланов в восточноевропейских степях основательно изменило этнополитическую географию не только в Волго-Донском регионе, но во всем Причерноморье, от Северного Кавказа до Дуная. Часть предыдущего сарматского населения Поволжья и Дона, по-видимому, вошла в состав нового племенного объединения, другая вынуждена была уйти на запад, к границам Римской империи, где и начинает фиксироваться письменными и археологическими источниками.

Аланы были весьма активны в военном отношении, с детства их юноши обучались военному искусству. Очень

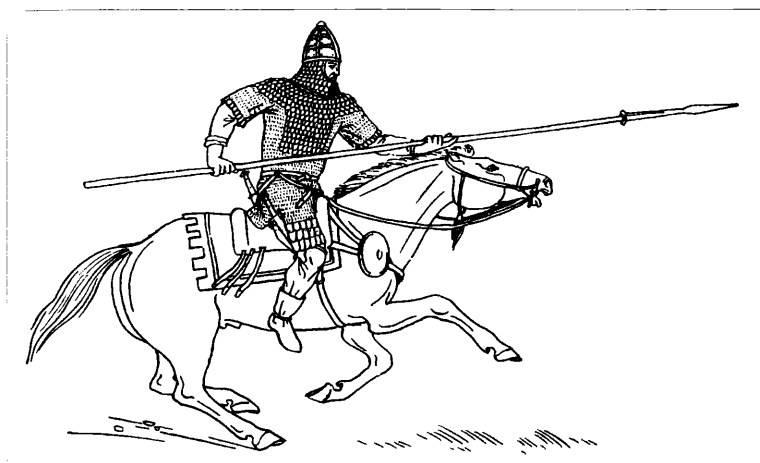

Рис. 38. Сарматский тяжеловооруженный конный воин

интересна в этом отношении этнографическая характеристика, данная аланам Аммианом Марцеллином. «Почти все аланы высоки ростом и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы» (рис. 37) (XXXI, 2, 21, 22). Далее Марцеллин говорит, что у них нет ни храмов, ни святилищ, а поклоняются они мечу, воткнутому в землю.

Аланы периодически совершали походы в Закавказье, что приводило к политической дестабилизации в этом районе и затрагивало интересы Рима в Азии. Известно, что римский император Нерон в 60-е гг. I в. н. э. готовил поход против аланов, который по ряду причин не состоялся (Лысенко, 2002, с. 95—114). А наместник римской провинции Каппадокии Флавий Арриан, опытный военачальник, написал специальный

труд под названием «Диспозиция против аланов», в котором, опираясь на собственный опыт, приобретенный во время вторжения в ряд закавказских государств в 135 г. аланов, описывал способы ведения боя против них.

Основным видом аланского войска была конница, ударной частью которой были катафрактары — тяжеловооруженные конники, защищенные доспехами, защитное снаряжение предусматривалось и для лошади. Катафрактары были вооружены копьями, достигавшими длины 4,5 м, и длинными мечами (рис. 38). Этот вид войска сложился в среде древневосточных народов — парфян, персов, жителей Средней Азии, параллельно он формировался и у сарматов, находившихся в близких, а зачастую и родственных отношениях с вышеперечисленными народами. Тяжелая конница аланов наносила лобовой удар по противнику с целью прорыва его боевых порядков, затем в бой вступала легкая конница, выполнявшая вспомогательные функции (Перевалов, 1997, с. 129—134). Эффективность использования в сражениях тяжеловооруженной конницы была причиной широкого распространения этого вида войска и у других народов, в том числе в Римской империи. Собственно катафрактары древности можно считать предшественниками средневекового рыцарства.

Появление ранних аланов в Восточной Европе и их преемственная связь со Средней Азией способствовала установлению более регулярных экономических и, вероятно, политических отношений между этими регионами. Интересные данные дает сопоставление сведений Страбона о Доне и Нижнем Поволжье, относящихся к доаланскому времени, и Клавдия Птолемея, когда аланы уже основательно освоились в этих местах. Представления Страбона о географии этих мест были достаточно поверхностны. Самую крупную реку в Европе — Волгу Страбон не знал. Он считал, что Каспийское море соединяется с Северным океаном проливом. Дон (Танаис), по его словам, был известен ему только на небольшом расстоянии от устья. Страбон говорит и о причине неосведомленности его современников об этих местах: «...кочевники, не вступающие в общение с другими народностями и более многочисленные и могущественные, преградили доступ во все удобнопроходимые места страны и в судоходные части реки» (XI, II, 2). Такими кочевниками могли быть аорсы, которых сам Страбон помещал по Дону и Северному Прикаспию.

пию. Существует мнение, что уточнения в свой труд Страбон вносил до конца жизни (23/24 г. н. э.). Кардинальной новизной отличаются сведения о рассматриваемом районе другого известного географа античности Клавдия Птолемея (90—160 гг.), приведенные в его труде «География» по прошествии более ста лет после Страбона. Птолемей впервые упоминает о Волге, называя ее Ра. Он указывает точное расстояние между наибольшим сближением Волги и Дона в том месте, где сейчас располагается Волгоград. У Птолемея это расстояние дано в градусах одной и той же широты, если их перевести в меры длины, то в зависимости от того, какая мера им использовалась (эратосфеновский, обычный или царский стадий), это расстояние будет колебаться от 64,5 до 87 км. Оно соответствует действительному расстоянию от Волги до Дона, колеблющемуся на широте Волгограда в пределах 60—80 км (Медведев, 1989, с. 149—155). Кроме Волги, Птолемей называет другие реки Северного Прикаспия: Урал (Даикс), Эмбу (Иаст) и некоторые более мелкие реки. Он приводит названия ряда населенных пунктов на Дону и множество названий народов, обитавших на территории Северного Прикаспия.

Резонно возникает вопрос, из каких источников Птолемей получал столь точную информацию о районе, удаленном на несколько тысяч километров от Александрии Египетской, в предместье которой он практически безвыездно жил и трудился? Такими информаторами могли быть купцы, они во многих случаях в древности были первопроходцами, прокладывая пути в малоизвестные страны. Для купцов, по их же сведениям, составлялись «подорожники» — своеобразные путеводители с указанием географических объектов, населенных пунктов, народов, проживающих в тех или иных местах. Птолемей, скорее всего, в описании Северного Прикаспия и пользовался таким «подорожником». В Александрию тогда стекалась со всех концов света самая разнообразная информация. Во II в. Александрия была крупным торговым городом, связанным морскими путями с другими центрами Средиземноморья, многими странами Востока: Персией, Сирией, Индией. Кроме того, Александрия являлась центром научной мысли античного мира. В ней находилась самая крупная библиотека, которая еще в I в. до н. э. насчитывала 700 тыс. папирусных свитков, содержащих сведения по самым разнообразным отраслям знаний.

Таким образом, можно утверждать, что во времена Птолемея существовал уже устоявшийся торговый путь между Средней Азией и Восточной Европой, проходивший через Северный Прикаспий. Его налаживанию, по всей видимости, способствовал контроль над этой территорией аланов, которые сломали негативное отношение прежних кочевников к установлению экономических контактов в районе, о котором говорил Страбон. В письменных источниках имеются сведения о том, что аланы контролировали значительную территорию к востоку от Дона. Основным наш информатор об аланах Аммиан Марцеллин говорит о том, что они занимали к востоку от Дона бесконечные степные пространства и что их владения простирались до индийской реки Ганг (XXXI, 2, 13, 16).

Кочевники, обитавшие в нашем крае на рубеже эр, сыграли важную роль в установлении культурных и экономических контактов двух ведущих цивилизаций древнего мира — китайской и античной, во многом определявших общественный прогресс в то время. Долгое время античная и китайская цивилизации развивались изолированно. Их движение навстречу друг другу было длительным. Значительные успехи в продвижении западного мира на восток были связаны с победоносным походом Александра Македонского против Персидской державы. Ему удалось достичь Средней Азии, где на берегу Яксарта (Сыр-Дарьи) был заложен в 329 г. до н. э. город Александрия-Эсхата (Дальняя), ставший самым восточным форпостом продвижения античного мира на восток. Впоследствии в этих местах в середине III в. до н. э. появится Греко-Бактрийское царство, просуществовавшее немногим более века и сохранявшее традиции античной культуры.

В это время Китай не мог сделать сколько-нибудь решительных шагов навстречу западному миру, причиной чему являлись внутренние проблемы, связанные с раздробленностью страны и междоусобными войнами. Китай активно начал продвигаться на запад тогда, когда от величия содеянного Александром Македонским остались одни воспоминания, а Греко-Бактрийское царство уже не существовало. В 221 г. до н. э. происходит объединение Китая в империю, после чего он начинает активизировать свою внешнеполитическую деятельность. Во время правления императора Уди (144—87 гг. до н. э.) Китай, ведший упорную борьбу со своим извечным противником хунну, начинает искать союзников на

западе. В Средней Азии появляется его дипломатическая миссия во главе с Чжан Цянем, который стал одним из первых информаторов в Китае об этом крае. Если бы миссия Чжан Цяня состоялась несколькими годами раньше, когда еще существовало Греко-Бактрийское царство, то имелась бы возможность установления прямых контактов Китая с одним из эллинистических государств, но этого не произошло. Китай нашел себе союзников в Западном крае в лице усуней, предводителям которых они постоянно отправляли караваны с подарками, начиная от принцесс и кончая бамбуковыми посохами. Эти события послужили прологом к установлению более устойчивых связей между Востоком и Западом, к развитию торгового обмена по трассам так называемого Великого шелкового пути.

Немаловажную роль в налаживании связей по Великому шелковому пути играли кочевники евразийских степей, протянувшихся от Великой китайской стены до Центральной Европы. Периоды конфронтации кочевников с древними земледельческими государствами перемежались периодами мирного сосуществования, когда между ними устанавливались торговые связи. Более высокий экономический и культурный уровень древних цивилизаций оказывал значительное влияние на кочевников. В кочевом мире, отличавшемся большой подвижностью, заимствования быстро распространялись на большие расстояния, особенно во время миграций, которые периодически охватывали значительные степные пространства. Кочевники, заимствовав элементы культуры одной цивилизации, могли донести их до другой, иногда далеко отстоящей от первой. К сожалению, письменные источники весьма слабо освещают события степной истории раннего железного века и исследователям при изучении этой темы больше приходится обращаться к археологическим материалам.

Многолетние исследования сарматских памятников в Поволжье и на Дону показали, что этот район при посредстве кочевников являлся своеобразной зоной контактов достижений китайской и античной цивилизаций. Здесь открыта целая серия сарматских погребальных комплексов, в которых вместе встречаются вещи китайского и античного (греческого или римского) производства.

Что касается вещей, изготовленных в античных центрах и обнаруженных в сарматских курганах, то здесь более или

менее все понятно. Сарматы соседствовали с греческими колониями Северного Причерноморья и границами Римской империи, что и обеспечивало попадание к ним разного рода античного импорта, особенно металлической посуды. Но какими путями в восточноевропейские степи попадали вещи, изготовленные в самом Китае или в сопредельных территориях? Все ли они появлялись здесь в результате торговли или существовали и иные пути их поступления? Ведь от Китая до Волги и Дона достаточно далеко. На эти вопросы однозначно ответить достаточно трудно, хотя с определенной долей вероятности можно выделить некоторые периоды поступления отдельных категорий вещей с далекого Востока к сарматам, отличающиеся способами их доставки.

В сарматских памятниках II—I вв. до н. э. появляются, например, мечи, до деталей повторяющие известные типы китайского клинкового оружия; бронзовые поясные ажурные, решетчатые и гагатовые пряжки, находящие аналогии на территории Южной Сибири и Северного Китая. Вряд ли эти категории находок попали в степи Восточной Европы в результате торговли. Во-первых, Китай в древности не торговал оружием с другими народами. Наоборот, его власти не однажды издавали указы о запрете торговли им. Во-вторых, поясные пряжки, являясь деталями одежды, несли определенную этническую нагрузку и, скорее всего, перемещались вместе со своими владельцами. В-третьих, письменные источники относительно рассматриваемого времени более уверенно позволяют говорить об усилении миграционных процессов в кочевом мире к западу от Китая в связи с активизацией хунну, направленной на расширение ими своего жизненного пространства. Ряд кочевых народов, обитавших у северо-западных границ Китая, под давлением хунну вынужден был уйти в Среднюю Азию, например, юечжи и усунь. Но, вероятно, эти события были более крупномасштабными, охватившими и значительную часть евразийской степи. В кочевом мире отдельные подвижки населения в одном месте могут иметь серьезные последствия для других зачастую довольно отдаленных районов. Срабатывает эффект домино, когда падение одной фишки приводит к падению всей цепочки. Так и переселение одной группировки кочевников часто заканчивалось подвижкой других кочевых объединений. Все это приводило к перекройке этнополитической карты довольно больших территорий. Близкую картину мы ви-

дим в период не раньше II в. до н. э. на значительном евразийском степном пространстве. В Средней Азии появляются новые названия кочевых объединений — юечжи и усунь китайских источников; тохары, асии-асианы, сакаравлы — античных. В восточноевропейских степях письменными источниками начинают фиксироваться ранее неизвестные здесь аорсы, сираки, роксаланы.

В первые века нашей эры в сарматских комплексах ассортимент вещей, своим происхождением связанных с вышеуказанными районами Востока, возрастает. Наряду с некоторыми категориями оружия (длинные мечи с круглыми навершиями из камня и нефритовыми скобами, сложные луки «гуннского типа», некоторые типы наконечников стрел) появляются бронзовые зеркала собственно китайского производства, которых здесь известно около полутора десятков, причем два найдено на территории Волгоградской области (в курганах в районе с. Бережновка и Старая Полтавка) (Гугуев, Трейстер, 1995), в ряде случаев известны находки шелковой ткани. Отдельные из этих находок попадают в сарматские степи, видимо, с приходом аланов, другие, не исключено, в результате торговых операций. В волго-донских курганах сарматской знати этого времени, отличающихся богатством, найден целый ряд ювелирных вещей, выполненных в так называемом «золотобирюзовом» стиле, обнаруживающих сходство в оформлении с вещами из известных погребений Тилля-Тепе в Северном Афганистане (Baktrisches Gold, 1985). Это еще раз подтверждает направленность связей этого района в первые века нашей эры.

По всей вероятности, со второй половины I в. н. э. начинает функционировать северное ответвление Великого шелкового пути, чему в немалой степени способствовало установление контроля аланов над Северным Прикаспием. С этого времени о данном районе стали накапливаться сведения, использованные затем в труде Клавдием Птолемеем. Великий шелковый путь, соединивший Китай с античной цивилизацией, не следует рассматривать как какой-то накатанный маршрут, по которому с определенной периодичностью двигались караваны с грузами. Путь этот был сложен и неоднозначен, здесь переплетались экономические и политические интересы, происходили миграции населения, торговые операции могли совершаться на дальние расстояния и быть многоступенчатыми, осуществлялась приграничная торгов-

ля. За отдельными народами закреплялась слава торговцев как, например, в Средиземноморье за финикийцами, на трассах Великого шелкового пути такими были согдийцы. Политические коллизии часто меняли направления торговых путей. Однако развитие торговых отношений входило в интересы многих народов. Торговля укрепляла экономические, культурные и политические связи между ними, что определило долгую жизнь Великого шелкового пути. Вплоть до Великих географических открытий он являлся одним из наиболее значимых факторов межконтинентальной связи, охватывавшей в древности и средневековье Азию, Европу и Африку. В рассматриваемое время Великий шелковый путь имел два направления. Одно из них, южное, шедшее от границ Китая, огибало Каспийское море с юга и достигало границ Римского государства в Восточном Средиземноморье. Другое, северное ответвление, огибало Каспийское море с противоположной стороны, проходило через Среднюю Азию, Южное Приуралье к Волге и Дону, достигая греческих городов Северного Причерноморья. Вероятно, существенную роль на этом пути играло место наибольшего сближения Волги и Дона в районе Волгограда, где купцы со своими товарами переправлялись с одной реки на другую в зависимости от направления своего движения.

Во II в. н. э. происходят какие-то изменения этнической ситуации в Волго-Донском регионе. Об этом можно судить по достаточно резким изменениям погребального обряда кочевого населения этих мест. Южная ориентировка погребенных, являвшаяся ведущей у сарматов на протяжении нескольких веков, меняется на северную. Широкое распространение получают узкие продолговатые ямы с подбоем в западной стенке под небольшой курганной насыпью. Интересной антропологической деталью многих погребенных в этих курганах является искусственная деформация черепа. Она отмечена примерно у 70% населения от общего числа исследованных погребений с сохранившимися черепами. Как полагают исследователи, использовался следующий способ деформации черепа — ребенку еще в младенческом возрасте на голову накладывалась плотная круговая повязка, что со временем приводило к изменению формы черепной коробки (Балабанова, 2001, с. 108). В материальной культуре этого времени появляется ряд категорий вещей, неизвестных в более ранних сарматских погребениях: бронзовые зер-

кала-подвески, железные пружинные ножницы, железные мечи и кинжалы без металлических наконечников и перекрестия, квадратные глиняные сосудики-курильницы. В археологии памятника этого типа именуются позднесарматскими и датируются II—IV вв. (Скрипкин, 1984).

Мнение о том, что отмеченные новые явления в погребальном обряде и материальной культуре связаны с какой-то новой группировкой кочевников, появившейся во II в. в Поволжье и Подонье, в определенной мере подтверждается материалами Нижнего Дона. В некрополе Танаиса со второй половины II в. появляется значительная группа погребений с набором признаков, характерных для позднесарматской культуры, в том числе с северной ориентировкой погребенных и искусственно деформированными черепами. Исследователь Танаиса Д. Б. Шелов в танаисских надписях выявил серию имен иранского происхождения, ранее здесь неизвестных. Данные ономастики он сопоставил с археологическими инновациями, отмеченными по материалам некрополя, и пришел к выводу о переселении на Нижний Дон из Поволжья нового населения, которое произошло не ранее третьей четверти II в. (Шелов, 1972, с. 238, 239, 249).

Из сказанного следует, что кочевники, использующие новые элементы погребального обряда, типичные для позднесарматской культуры, были иранского происхождения, также как и их предшественники в этих местах. Откуда был привнесен на территорию Поволжья и Дона новый погребальный обряд и кто являлся его носителем, пока остается дискуссионной проблемой. Высказывавшееся ранее мнение о том, что начало позднесарматской культуре в нашем регионе было положено кочевниками, переместившимися из Средней Азии, требует в настоящее время более обоснованного доказательства.

К настоящему времени на территории Волгоградской области раскопаны сотни сарматских курганов разного времени. Первые научные раскопки были произведены еще в 1895 г. известным археологом А. А. Спицыным у с. Лебяжье на Иловле в Камышинском районе. Значительное количество сарматских курганов было исследовано в 50-е гг. отрядами Сталинградской археологической экспедиции и в 70-е гг. XX в. экспедицией Волгоградского педагогического института под руководством автора в Заволжье, на территории Быковского и Николаевского районов. Длительное время, в 60—

70-е гг. прошлого века сарматские курганные могильники исследовались в Октябрьском районе, по обоим берегам Аксая Есауловского, экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством В. П. Шилова. Был раскопан ряд курганных групп у ст. Жutowo, хут. Чиков, Аксеновский, Дорофеев. Дальнейшие раскопки в этом районе были продолжены экспедицией Волгоградского государственного университета, исследовавшей курганные могильники в районе с. Абганерово, Аксай, Перегрузное. Значительное количество сарматских погребений было открыто при раскопках курганных групп в районе хут. Первомайский в Калачевском районе экспедицией под руководством В. И. Мамонтова (Мамонтов, 2000). Сарматские памятники были исследованы и в других районах области, здесь указаны только места, может быть, наибольшего их скопления.

Наиболее часто встречаемой находкой в сарматских курганах является глиняная посуда: кувшины разнообразных форм, горшки, миски, кружки, зачастую изготовленные в различных ремесленных центрах Северного Кавказа, в меотских поселениях Кубани и городищах Нижнего Дона, в античных колониях Северного Причерноморья. Довольно часто попадаются предметы вооружения: железные мечи и кинжалы, преимущественно железные наконечники стрел, реже копий. В женских погребениях часто встречаются бусы из стекла, гагата, сердолика, янтаря. В одном из курганов Жutowского могильника в 1964 г. был обнаружен прекрасно сохранившийся набор серебряной посуды: канфар, чаши с ручками в виде фигурок птиц, тарелка. Здесь же найдены фалары, украшавшие конскую упряжь, лицевая сторона которых изготовлена из золотых пластин. На двух фаларах большего размера изображены сцена борьбы животных, на двенадцати малых фаларах — фигура свернувшегося хищника кошачьей породы.

Большое количество сарматских курганов было раскопано на южных окраинах Волгограда в пределах Красноармейского района, занимаемых теперь промышленной зоной. Археологи здесь начали работать с 60-х гг. прошлого века и проводили раскопки с перерывами вплоть до 90-х гг. Особенно много здесь сосредоточено сарматских погребений первых веков нашей эры, в которых были найдены железные мечи с кольцевыми навершиями, глиняная гончарная посу-

да, бронзовые зеркала, в женских погребениях особенно часто встречались различные бусы. Были здесь раскопаны и погребения сарматской знати, но они оказались ограбленными. К сожалению, практика ограбления курганов существовала с древних времен, особенно часто этой участи подвергались богатые захоронения. Однако в уже ограбленных погребениях археологи нередко встречают интересные находки. Так было и в данном случае. В одном из них были обнаружены бусы из жемчуга, кристалликов пирита, коралла, стекла и золота, большое количество золотых нашивных бляшек, золотая ременная пряжка, вставка в перстень из фиолетового стекла, на котором высокохудожественно изображена голова мужчины. В другом ограбленном погребении были найдены уникальные золотые серьги, основу которых составляли сосудики, ко дну которых прикреплялись десять плетеных цепочек. На конце каждой из них были подвешены золотой и серебряный шарики. По бокам сосудиков прикреплялись стилизованные фигурки, видимо, грифонов. Скорее всего, эти серьги были изготовлены в мастерской одного из причерноморских городов (Мамонтов, 1969, с. 127).

Сарматские погребения были обнаружены и в курганах на Ергенинской возвышенности, тянувшейся вдоль города от Красноармейского к Центральному району. В одном из них было открыто погребение молодого воина, с которым находились короткий железный кинжал, железный нож, глиняный сосуд, бронзовая фибула-застежка для плаща. В качестве жертвенной пищи в могилу была положена нога барана (Мамонтов, 1989). Много сарматских погребений было исследовано в районах, непосредственно прилегающих к городу. В зоне строительства Городищенской оросительной системы в 70-е гг. прошлого века были раскопаны несколько десятков сарматских погребений, датируемых с IV—III вв. до н.э. по III в. н.э., в районе Ерзовки, Котлубани, Россошек. В них были найдены самые разнообразные находки: лепная и круговая посуда, отдельные экземпляры которой происходили из мастерских Северного Кавказа, Кубани, Нижнего Дона; железные мечи и кинжалы; наконечники копий и стрел (Глухов, Скрипкин, 1999, с. 118—155). Сарматский курганный могильник был раскопан в 1975 г. за городским аэропортом в районе пос. Красный Пахарь, он датируется началом нашей эры, там были найдены бронзовые фибулы, зеркало, глиняные кувшины (Глухов, 2001, с. 208—219).

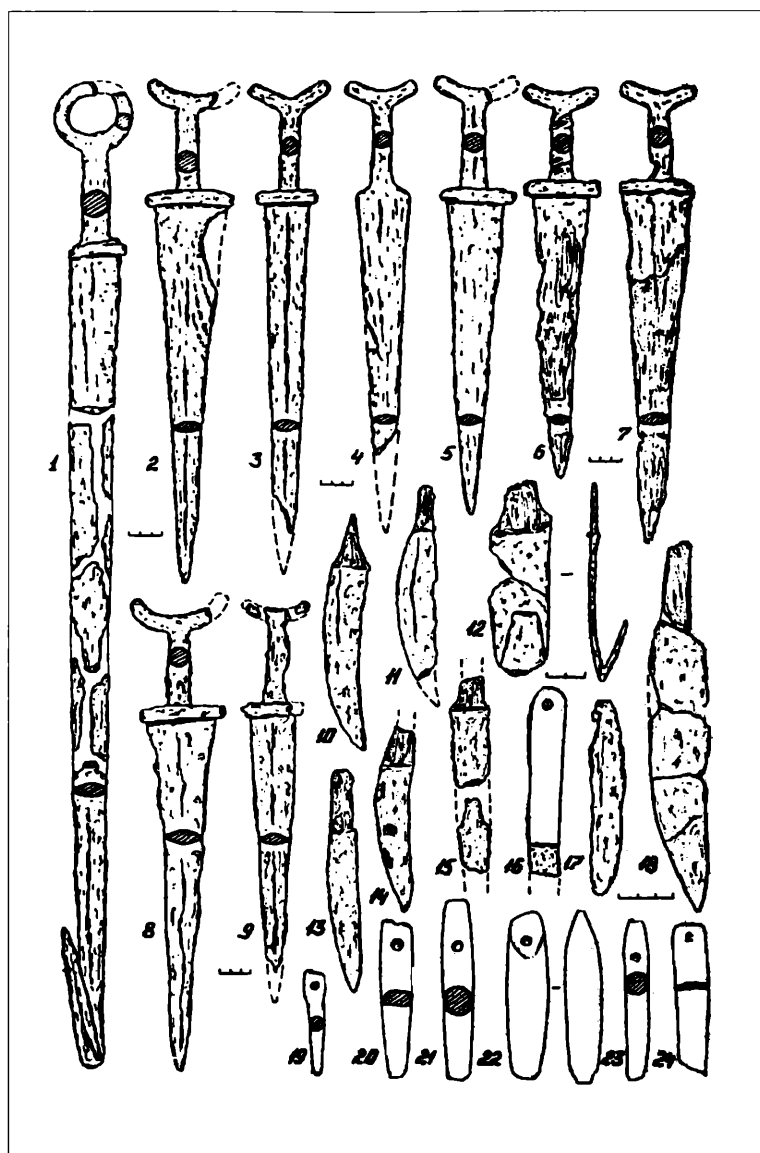

Рис. 39. Вещи из сарматских погребений у г. Волжского: 1—9 — мечи и кинжалы; 1—18 — железные ножи; 19—24 — каменные оселки

Сарматские курганы были исследованы и в районе Волжского. Так, в 1983—1985 гг. экспедицией Волгоградского пединститута было раскопано три кургана, располагавшихся на надпойменной террасе Ахтубы, справа от дороги, при въезде в Волжский со стороны Волгограда, и несколько курганов с противоположной стороны Волжского в районе с. Киляковка. В них была обнаружена целая серия раннесарматских погребений II—I вв. до н.э., в которых найдено около десятка железных мечей и кинжалов, железные наконечники стрел, фрагменты бронзовых зеркал, каменные оселки, железные ножи, костяные ложечки, стеклянные бусы, лепные в основном горшки, гончарные кувшины, бронзовый котел (рис. 39) (Мыськов, 1992а, с. 118—138).

Все это свидетельствует о достаточно активном использовании территории современного Волгограда кочевыми сарматскими группировками в эпоху раннего железного века. Подтверждением этому является и то, что за более чем столетние археологические раскопки в нынешних пределах нашей области открыты многие сотни сарматских погребальных комплексов.

Глава IV

СРЕДНИЕ ВЕКА

Начало эпохи средневековья в восточноевропейских степях, в том числе на территории Нижнего Поволжья, обычно связывают с установлением здесь господства новых народов, значительно отличающихся от населения раннего железного века по своему происхождению, а также в культурном и языковом отношении. Эти народы в большинстве своем были тюркского происхождения, предки их обитали в глубинных районах Центральной Азии. Прологом этой эпохи были события, связанные с вторжением гуннов в конце IV в. н. э. с востока в Европу. Ираноязычные сарматы утрачивают свою ведущую роль в восточноевропейских степях. Им на смену приходят другие народы, наиболее известными из которых, кроме упомянутых гуннов, являются хазары, печенеги, огузы, половцы. Они, также как и ранее сарматы, вели кочевой образ жизни, и Нижнее Поволжье входило в зону их кочевий, о чем, в частности, свидетельствуют археологические памятники, принадлежащие им. В первой половине XIII в. здесь появляются монголы, наследники великого Чингизхана, и включают европейские степи, вплоть до Дуная, в состав своей бескрайней империи.

В средневековую эпоху Нижнее Поволжье несколько раз входило в состав крупных государств, сперва Западно-Тюркского каганата, а затем Хазарского каганата и Золотой Орды. В разное время эти государства, достигнув своего могущества, играли важную роль в международных делах, в развитии экономических и культурных контактов между народами Европейского и Азиатского континентов. В сложных взаимоотношениях со степью происходит становление русской государственности.

В эту эпоху впервые в истории нашего края зарождается и развивается городская культура. Первые попытки основания городов относятся к времени Хазарского каганата, но особенно большого размаха строительство городов дости-

гает в золотоордынское время. Только по Волге за весьма короткий срок было заново построено несколько десятков больших и малых городов.

В этом разделе мы будем касаться основных событий в истории нашего края с IV по XV в. Все это время можно разделить на несколько периодов, которые, как правило, связаны с появлением и установлением здесь господства различных народов:

1. Гуннский (вторая половина IV — середина V вв.).
2. Послегуннский (середина V — первая половина VIII вв.).
3. Хазарский (середина VIII — конец X вв.).
4. Огузско-печенежский (IX — середина XI вв.).
5. Половецкий (вторая половина XI — первая треть XIII вв.).
6. Золотоордынский (вторая треть XIII — середина XV вв.).

Гунны. Письменные источники весьма скудно освещают обстоятельства появления гуннов в Европе. Кто такие гунны и откуда они пришли, является проблемой, окончательно не решенной в исторической науке. В определенной мере дискуссионным является распространенное мнение о возможности отождествления гуннов европейских и хунну, или сюнну современной транскрипции, обитавших в Азии, к северу от Китая.

Из древней истории Китая известно, что с самого начала правления Старшей династии Хань (206 г. до н. э. — 25 г. н. э.) ему пришлось вести постоянные войны с мощной державой, созданной кочевниками хунну. О перипетиях этой борьбы известно в первую очередь из сочинений китайских историков Сыма Цяня и Бань Гу, современников описанных ими событий.

В 221 г. до н. э., после длительного периода раздробленности и междоусобиц, происходит объединение Китая и превращение его в единую централизованную империю. Это событие сыграло, видимо, решающую роль и в объединении кочевого мира к северу от Великой китайской стены, поскольку теперь кочевникам противостояли не отдельные китайские княжества, а мощная империя. Усиление хунну и начало их активной внешнеполитической деятельности традиционно связывается с приходом к власти в 209 г. до н. э. Маодуня. Став шаньюем (такой титул носил верховный правитель хунну), Маодунь начал расширять территорию за счет соседних народов. В период своего расцвета хунну контролировали земли от плато Ордос на Хуанхэ до Байкала и от Маньчжу-

рии до Енисея. Не однажды хунну наносили крупные поражения китайским армиям, многократно превосходившим их по численности. В I в. до н. э. происходит ослабление хунну, причиной тому были не внешние враги, а, как это часто бывает в объединениях такого рода, междоусобная борьба за власть. К середине этого века ситуация в хуннском обществе значительно обострилась в связи с соперничеством двух родных братьев, Хуханье и Чжичжи, за верховную власть. Это соперничество привело к расколу хунну. Чжичжи со своими сторонниками вынужден был покинуть родные земли и уйти на запад в страну Кангюй (Канцзюй), располагавшуюся на территории Средней Азии. Это было одно из первых проникновений хунну далеко на запад. Однако закрепиться в то время здесь хунну не смогли. Они были разгромлены китайской армией, а их шаньюй был убит.

В I в. н. э. в результате продолжавшихся усобиц единство и силы хунну были окончательно подорваны. В 90-е гг. они терпят сокрушительное поражение от своих соседей — племенного объединения сяньби. Сяньби начинают занимать земли хунну, часть хунну вошла в состав сяньби, другая часть вынуждена была уйти на запад по уже известному пути. Все это, как уже отмечалось выше, известно по китайским источникам. Однако о судьбе ушедших на запад хунну они ничего не сообщают. Существует мнение, что, уходя от преследований сяньбийцев, хунну к середине II в. достигли берегов Волги (Гумилев, 1993, с. 201).

Вслед за этими событиями, но уже в сообщениях античных авторов начинает упоминаться народ, близкий по названию восточным хунну и локализуемый в Восточной Европе. Одним из первых о них упоминает Дионисий Периегет, деятельность которого приходится на время правления римского императора Адриана (117—138 гг.). В его поэтическом сочинении имеется сообщение об уннах, обитавших у Каспийского моря. Исследователи полагают, что данные Дионисия позволяют помещать уннов на западной стороне Каспийского моря, предположительно в районе рек Кумы и Терека (Засецкая, 1994, с. 136). К середине II в. н. э. относится упоминание о племени хунов александрийского географа Клавдия Птолемея. Он помещал их где-то в пределах Европейской Сарматии, между бастарнами и роксаланами, примерно между Днепром и Доном.

Косвенно о раннем появлении гуннов в пределах Восточной Европы свидетельствует готский историк Иордан, который, повествуя о событиях середины III в. н. э., связанных с перемещением готов из Скандинавии в Северное Причерноморье, поселяет гуннов около Каспийского моря.

В пользу раннего появления гуннов в восточноевропейских степях может свидетельствовать ряд археологических находок в Нижнем Поволжье. В частности, в одном из курганов I — начала II вв. у с. Суслы Саратовской области были найдены типично хуннские наконечники стрел, встречаемые в Монголии и Забайкалье, костяные обкладки лука, близкие хуннским, и железный меч с бронзовым перекрестием, в оформлении которого прослеживается китайская традиция (Скрипкин, 1998, с. 107, рис. 10, 9—18, 11, 1—7). В другом богатом погребении I в. н. э. у с. Косика в Астраханской области был найден серебряный сосуд, на котором изображен всадник, стреляющий из лука. Наконечник стрелы, направленной в лук, имел форму типичную для хуннских стрел (Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, с. 149, рис. 5).

Авторы той эпохи имели весьма скудное представление о времени и месте происхождения гуннов. Так, упомянутый историк Иордан передает рассказ о том, что у переселившихся из Скандинавии в Северное Причерноморье готов завелись какие-то ведьмы, которые по приказу короля Филимера были изгнаны из лагеря готов. «Когда их, бродящих по бескрайним пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепое племя, которое жило сначала среди болот, — малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаружило подобие человеческой речи» (Иордан, 122). Аммиан Марцеллин, достаточно подробно описавший внешний вид гуннов, о их происхождении ничего определенного не говорит, он указывает только территорию, где, по его мнению, первоначально обитали гунны: «Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру» (Амм. Марцеллин, XXXI, 2, 1). Описание Аммиана Марцеллина допускает возможность обитания гуннов в Нижнем Поволжье до их вторжения в Северное Причерноморье.

Скудость письменных и археологических свидетельств не позволяет убедительно отождествить уннов и хуннов антич-

ных авторов непосредственно с хунну китайских источников и определить, какую роль они играли в то время в политической истории Восточной Европы. В научной литературе высказывались различные мнения на этот счет. Некоторые исследователи сомневались в достоверности раннего появления хунну в Восточной Европе. Другие отмечали, что массовой миграции хунну на запад и освоения ими земель в районе Прикаспия или Северного Причерноморья в начале нашей эры произойти не могло. Скорее всего, имели место отдельные проникновения в среду местного населения, которые ими впоследствии были ассимилированы. Остается до конца неясной и связь между позднейшими гуннами и хунну. Можно предположить, что ушедшие от границ Китая на запад в конце I в. н. э. хунну явились основой формирования крупного племенного союза, в который, кроме самих хунну, вошли кочевники, занимавшие земли Южного Урала, степи современного Казахстана и Южной Сибири в позднесарматское время. Считается, что в состав гуннского объединения могли войти отдельные группы финно-угорского населения. Л. Н. Гумилев даже полагал, что угры, обитавшие на Нижней Волге и Урале, составляли основную боевую силу гуннов (Гумилев, 1993, с. 201). Однако вряд ли можно согласиться с таким суждением. По крайней мере, угры в догуннское время на Нижней Волге неизвестны, здесь обитало кочевое население, являвшееся носителями позднесарматской археологической культуры, которое, судя по материалам Танаиса, в том числе и эпиграфическим, было ираноязычным (Шеллов, 1972, с. 249, 250). Не исключено, что это позднесарматское нижневолжское население могло войти в состав гуннского союза. Об этом, возможно, свидетельствует тот факт, что с продвижением гуннов на запад, к границам Римской империи, практически исчезают в Нижнем Поволжье позднесарматские могильники. Таким образом, гунны с самого начала представляли собой полиэтническое объединение, которое пополнялось в последующее время за счет побежденных народов.

Крупное вторжение гуннов в Европу происходит в 70-е гг. IV в. С этого времени появляются и более полные сведения о них в античной литературе. Современник этих событий Аммиан Марцеллин приводит некоторые подробности этого вторжения. Он писал, что гунны первоначально напали на земли тех аланов, которые называются танаитами, «произ-

вели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» (Амм. Марцеллин, XXXI, 3, 1). Аланы-танаиты — это та часть местного населения, которая обитала вблизи Дона (Танаиса). Возможно, им принадлежали подкурганые захоронения в катакомбах с низовий Дона, датируемых с середины III по IV в. включительно (Безуглов, 1990, с. 80—87).

Гунны произвели страшные опустошения от Меотиды до Дуная, многие города Северного Причерноморья превратились в груды развалин. Разные народы под давлением гуннов вынуждены были бросать свои земли, бежать на запад к Дунаю и просить убежища у римлян на его правобережье. Людей охватили паника и ужас. Вот как описывает Аммиан Марцеллин переправу беглецов через Дунай: «Получив от императора разрешение перейти через Дунай и занять местности во Фракии, переправлялись они целыми толпами днем и ночью на кораблях, лодках, выдолбленных стволах деревьев. А так как река эта — самая опасная из всех и уровень воды был выше обычного вследствие частых дождей, то много народа утонуло, как те, кто при крайней переполненности судов слишком решительно плыли против течения, так и те, кто бросался вплавь» (Амм. Марцеллин, XXXI, 4, 5). Видимо, народная молва легла в основу описания Аммианом Марцеллином внешнего вида и образа жизни гуннов. «Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного погреть» (Амм. Марцеллин, XXXI, 2, 2—3). Возможно, такое негативное, по сравнению, например, с аланами, описание гуннов вызвано тем, что европейцы, в том числе и римляне, впервые столкнулись с представителями монголоидной расы, которые входили в состав гуннского союза. Об этом, в частности, говорит и то, что Аммиан Марцеллин отмечал слабую волосную растительность на лице гуннов, а также то, что они доживают до старости не имея бород. Этот же автор характеризует гуннов как чистых кочевников, они как бы срос-

лись со своими конями: на них проводят день и ночь, едят и пьют, занимаются куплей и продажей, проводят совещания о серьезных делах и даже спят и видят сны. Они слабы в пеших битвах, но им нет равных в конных сражениях. Их жизнь — это кочевая стихия. «Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше» (Амм. Марцеллин, XXXI, 2, 10).

В V в. гунны образуют в Паннонии мощную державу, которая достигает наивысшего могущества при правлении Аттілы. После смерти Аттілы в 454 г. происходит распад его державы, гунны практически сходят с исторической арены.

Какой же след оставили гунны в Нижнем Поволжье и, в частности, на территории Волгоградской области? Вообще археологических памятников гуннского времени на достаточно обширном пространстве от Волги до Дуная известно немного, причем большинство из них было открыто случайно. На начало 90-х гг. прошлого века исследователям в южнорусских степях было известно 54 погребальных комплекса и 10 отдельных находок, относящихся к гуннской эпохе (Засецкая, 1994, с. 6). Такая ситуация может объясняться рядом причин: бурными событиями эпохи, связанными с частыми перемещениями населения, что не способствовало образованию относительно крупных могильников в одном месте; изменениями в погребальном обряде, появлением тайных захоронений, без каких-либо визуальных признаков определения. Известно, например, о сооружении в то время так называемых речных погребений, когда могила сооружалась на дне степной речки. На время вода реки отводилась в сторону, а затем, после завершения погребения, она пускалась по прежнему руслу.

В Нижнем Поволжье известно несколько типов памятников этого времени: курганы с кострищами; подкурганные захоронения человека, сопровождаемые «шкурой коня»; подкурганные погребения без останков коня. Курганы с кострищами были открыты археологами еще в довоенное время около г. Покровска (теперь Энгельс), а также на бывшей территории республики Немцев Поволжья, в основном в Заволжье, в пограничных районах современных Саратовской и Волгоградской областей. В курганах с кострищами среди остатков поминальной тризны не были обнаружены человеческие останки, что позволяет говорить либо о символическом погребении, либо о поминальном характере этого вида памят-

Рис. 40.
Золотой кулон
из погребения
гуннского
времени V в.
Курганная группа
у г. Ленинска

ников. В 1956 г. экспедицией под руководством В. П. Шилова у г. Ленинска Волгоградской области в кургане № 3 было открыто довольно богатое женское захоронение гуннской эпохи. Оно было сооружено в прямоугольной яме, в которой вместе с женщиной, ориентированной головой на север, находился череп и кости ног быка. Кроме этого, в погребении были найдены остатки деревянного сосуда; золотая узкая пластина на черепе погребенной; под ее черепом железный кинжальчик с деревянной ручкой и обломок металлического китайского зеркала; на шейных позвонках лежали два обломка от золотого кулона со вставками сердолика и янтаря (рис. 40); на тазовых костях и крестце найдены две железные пряжки;

на кисти левой руки находился серебряный проволочный браслет с несомкнутыми концами; на среднем пальце левой руки — золотой пластинчатый перстень со вставками из красного стекла; около левой стопы лежал овальный медальон из синего стекла в золотой оправе, украшенной по краю зернью. Той же экспедицией несколько раньше, в 1954 г., у с. Верхнепогромное Волгоградской области в кургане № 4 было открыто еще одно женское захоронение той же эпохи. Костяк был ориентирован головой также на север. Вместе с погребенной был положен череп и кости ног коня. Из вещей были найдены золотая серьга, три фрагмента золотой диадемы со вставками, бусина из опала, две бронзовые пряжки (Засецкая, 1994, с. 180, 185, 186).

Еще в 1902 г. у хут. Верхнеяблочный теперешней Волгоградской области при неизвестных обстоятельствах была найдена золотая диадема с бронзовой основой, поверхность которой украшена вставками из граната, и две золотые височные подвески, также украшенные вставками из граната. В 1914 г. кладоискателями у дер. Нижняя Добринка бывшего Камышинского уезда было раскопано погребение с сожжением. Ими были найдены два обломка железного однолезвийного меча (?), железные трехперые наконечники стрел, детали конской упряжи. Обе эти находки также относятся к гуннскому времени (Засецкая, 1994, с. 178, 183).

Хотя на территории Волгоградской области найдено немного памятников гуннского времени, тем не менее события той эпохи не прошли мимо этих мест, об этом, в частности, свидетельствуют вышеупомянутые археологические находки. Не исключено, что Нижнее Поволжье могло входить в состав той территории, с которой гунны готовили свой решающий бросок на запад, по крайней мере, они должны были здесь пройти, готовя свой первый удар по аланам-танаитам. После завоевания Северного Причерноморья гунны контролировали в течение более полувека большую территорию от Волги до Днестра, с частью оставшегося местного населения гото-сарматского происхождения. С переносом гуннами своего политического центра на запад, в Паннонию, они, видимо, не утратили контроля над восточными территориями, используя их население как военный резерв в борьбе со своими противниками в приграничных с Римом областях.

Послегуннский период. Гунны сыграли значительную роль в истории, время их активных действий вошло в научную литературу под названием «Эпоха великого переселения народов». Римская империя, в течение нескольких веков определявшая политическое и экономическое развитие Европы, в определенной мере Переднего Востока и Северной Африки, в это время переживала не лучшие свои времена. К моменту появления гуннов у ее границ она разделилась на Западную и Восточную. Гуннское вторжение всколыхнуло весь варварский мир Европы, что способствовало ускорению падения Западной Римской империи и положило начало новой эпохе в европейской истории.

Гуннская держава просуществовала недолго, распад ее начался сразу же после смерти в 454 г. выдающегося правителя и полководца Аттилы. Как это неоднократно случалось до Аттилы и после него, централизация аналогичных этнополитических образований осуществлялась за счет авторитета предводителя, междоусобицы же в высших эшелонах власти приводили к их распаду. Такая же участь постигла и гуннскую державу, сыновья Аттилы не сумели обеспечить ее единства. Многочисленные народы, ранее скрывавшиеся под общим названием «гунны», стали выходить из гуннского объединения и вести независимое существование.

Этот период очень слабо освещен источниками. Из византийских и закавказских исторических хроник до нашего времени дошли имена отдельных народов, обитавших в сте-

Рис. 41. Западно-Тюркский каганат:
 1 — граница каганата; 2 — граница Ирана; 3 — наступление каганата на Иран (по С. А. Плетнёвой). Начало VIII в.

пях Восточной Европы, и некоторые весьма отрывочные сведения о них. Наиболее известные из них хазары, болгары, барсилы, савиры, авары, утигуры, кутригуры, которые в большинстве своем были тюркского происхождения.

Во второй половине VI в. на степных пространствах от Оби до Дона, включая и всю территорию современной Волгоградской области, складывается новое государственное образование, получившее название «Западно-Тюркский каганат». Многие из упомянутых выше народов вошли в состав этого каганата (рис. 41). Западно-Тюркский каганат был достаточно сильным государством, с ним приходилось считаться Византии, Ирану, Китаю. Каганат вел затяжную войну с Ираном. Одним из важных стратегических плацдармов в этой войне был Северный Кавказ, отсюда через Дербентский проход удобно было наносить удары по Ирану и его союзникам. В связи с этим народы, обитавшие в северо-кавказских и прикаспийских районах, использовались каганатом как одна из важных ударных сил. Однако успешная война против Ирана была неожиданно прервана в 630 г. вспыхнувшей в каганате междоусобной войной, которая привела его к распаду. На его бывшей территории стали возникать новые государства.

Хазарский каганат. В послегуннское время хазары, видимо, не представляли из себя какой-либо значимой военно-политической силы. Относительно регулярные сообщения о них появляются с начала VI в. н. э. Хазары вторгаются в Закавказье, на территорию Албании, Грузии и Армении, что привело к конфликту их с Ираном. Персы вынуждены были перекрыть Дербентский проход каменной стеной, чтобы предотвратить набеги хазар и их союзников.

Древнейшей территорией проживания хазар были районы Северо-Восточного Кавказа и прикаспийские степи. Со временем хазары создают довольно большое и сильное государство на территории юго-восточной Европы, активно включившееся в военно-политические и экономические отношения с окружающим миром. С VIII в. в состав государства, получившего название «Хазарский каганат», вошла и большая часть Нижнего Поволжья, а также правобережье современной Волгоградской области.

Сам этноним «хазары» с течением времени претерпел определенное качественное изменение. На раннем этапе своего существования хазары в этническом отношении представляли собой однообразную родственную группировку кочевников тюркского происхождения. С образованием каганата название «хазары» стало распространяться и на другие народы не только тюркского происхождения, но, например, и на ираноязычных алан.

Собственно, начало образования хазарского государства относится к времени непосредственно после распада Западно-Тюркского каганата (630 г.). Хазарские правители вели свою родословную от могущественного тюркского рода Ашина, из которого вышли правители Тюркского каганата, по этой причине они считали себя наследниками этого великого в прошлом государства. В подражание ему хазары называли свое государство каганатом, а правителя — каганом.

На развалинах Западно-Тюркского каганата, на его бывших западных окраинах, кроме Хазарского, возникло еще одно государство — Великая Болгария, создателями которого были болгарские племена, также тюркского происхождения, близкородственные хазарам. Болгары занимали территорию от низовий Дона до Таманского полуострова, то есть практически все Восточное Приазовье. Великая Болгария ведет свое начало от объединения болгарских племен в 635 г. выдающимся вождем Кубратом. Столицей Великой Бол-

гории стал город Фанагория, основанный еще в античную эпоху. Основательно разрушенная гуннами, Фанагория стала отстраиваться заново. Болгария была признана Византией, заключившей с ней союз. После смерти Кубрата произошел распад единого Болгарского государства на две орды, возглавляемые ханами Аспарухом и Батбаем.

Ослабление болгар привело к захвату их земель хазарами. Болгарские правители принадлежали к знатному роду Дуло, который еще в составе Тюркского каганата соперничал с родом Ашина, к которому причисляли себя хазары, за власть. Соппротивление хазарам оказал только Аспарух, но и тот вынужден был отступить и в конечном счете уйти со своими сторонниками на Дунай, где основал новое государство — Великую Болгарию. Другая часть болгар, подчинявшаяся Батбаю, была присоединена к хазарам. Хазары преследовали Аспаруха почти до Дуная. После этих событий территория, которую стали контролировать хазары, значительно возросла. Кроме земель, принадлежащих ранее болгарам, в состав Хазарского государства вошла часть Северного Причерноморья. Этническая и языковая близость народов, обитавших на новой территории Хазарского государства, способствовала возникновению своеобразной «федерации равных» во главе с правителем из рода Ашина (Плетнева, 1976, с. 22).

Превратившись в заметную политическую силу, хазары вынуждены были вступать в контакты с другими государствами. В то время интересы Хазарского государства стали сталкиваться с интересами наиболее могущественных государств, таких как Византия и Арабский халифат. Молодое арабское государство вело агрессивные завоевательные войны, в том числе и в Закавказье, что затрагивало интересы хазар. Византия, опасавшаяся арабов, хотела видеть в хазарах своих союзников в противостоянии арабской агрессии.

Вторая половина VII и значительная часть первой половины VIII вв. были насыщены событиями противостояния хазар и арабов на Кавказе. Так, в 654 г. арабы через Дербент вторглись в земли хазар и осадили их город Беленджер. Хазары сумели отстоять свой город и разгромить армию арабов. В 684 г. состоялось крупное вторжение хазар в Закавказье. Пострадали Армения, Грузия, а Албания принуждена была платить дань хазарам. Между арабами и хазарами шли постоянные войны за контроль над Дербентским проходом. В 721 г. хазары вторглись в Армению и разгромили находив-

шееся там войско арабов. После этого события арабы активизировали свои действия против хазар. Ими была создана большая армия во главе с наместником Армении Джеррахом. Вторгшись на территорию хазар через Дербент, арабы разгромили превосходящую их хазарскую армию и захватили города Семендер и Беленджер, подвергли разграблению захваченную хазарскую территорию. В 730 г. хазары совершают ответное вторжение в Закавказье, особенно жестоко они относятся к мусульманам, истребляя их повсеместно и не без основания считая сторонниками арабов. При городе Ардебиль в двухдневном сражении они наголову разбили арабскую армию. В этом сражении погиб арабский полководец Джеррах, его семья попала в плен. Хазары захватили огромную добычу.

После этих событий арабы, пытаясь перехватить инициативу в борьбе против хазар, несколько лет вели войны за контроль над Дербентом. Добившись желаемого, арабы, сформировав огромную армию, состоящую из 150 тыс. человек, двумя маршрутами, через Дербент и Дарьяльское ущелье, устремились на хазар. Каган, не ожидавший такого развития событий, бежал на Волгу. Армия арабов, возглавляемая Мерваном, родственником халифа, не останавливаясь, двигалась вслед за каганом. Она подошла к Волге и направилась вдоль ее правого берега на север. Армия хазарского кагана расположилась с противоположного берега Волги. Некоторое время армии двигались параллельно друг другу. Затем, в одну из ночей, арабы, соорудив наплавной мост, перешли на левый берег Волги и неожиданно напали на хазарскую армию. Не исключено, что переход арабами Волги мог состояться севернее нынешнего Волгограда (Плетнева, 1997, с. 21). В заволжской степи хазары были разбиты. Мерван потребовал от хазарского кагана обращения в мусульманство. Кагану ничего не оставалось делать, как только принять требование Мервана. Расчет арабов был, видимо, связан с надеждой на распространение ислама в Хазарии, чтобы подчинить ее идеологически, связать с основными религиозными центрами ислама, располагавшимися на территории халифата.

Однако арабам не удалось не только подчинить Хазарский каганат, но и поставить его в вассальную зависимость. Арабы, видимо, не планировали включение территорий каганата непосредственно в состав своей державы по причинам

значительной удаленности и резко отличных экологических и климатических особенностей этой страны.

Произошедшие события все же внесли существенные изменения в дальнейшую историю Хазарского каганата. Политический центр его, по причине постоянной опасности со стороны арабов, переместился с Северного Кавказа в Нижнее Поволжье. Хазары называли Волгу Итиль, на ее берегу возник одноименный город Итиль, ставший столицей каганата. В период арабо-хазарских войн предгорья Северного Кавказа покинули аланы и обосновались в верховьях Северского Донца и прилежащих к нему территориях, часть болгар ушла на Среднюю Волгу и Прикамье, образовав там Волжскую Болгарию. После поражения от арабов хазары достаточно быстро упрочили свою государственность. Вопреки желанию арабов ислам у них не получил широкого распространения.

На новых территориях, видимо, в результате социальной дифференциации, приводившей к обеднению части кочевого населения и его неспособности вести кочевой образ жизни, начинает развиваться оседлость. По берегам рек появляются поселения, жители которых занимаются земледелием и ремеслом. Впервые в степи сооружаются крупные укрепленные поселения и города. Так, город Итиль, столица каганата, возник на месте зимней ставки кагана. Рядом с его дворцом стали обустраиваться усадьбы хазарской знати со своей челядью. Здесь же селились купцы, ремесленники. Создавались базары. Население города было достаточно пестрым, о чем говорит, в частности, наличие в нем синагог, мечетей, церквей. Это был по тем меркам достаточно большой город, который занимал волжский берег на расстоянии примерно 6 км (Плетнева, 1976, с. 49). Все что известно об Итиле, получено из письменных источников, местонахождение его до сих пор неизвестно. Ученые полагают, что он находился в низовьях Волги, но в результате изменения ее русла, трансгрессии Каспийского моря остатки его, вероятно, были окончательно уничтожены (Гумилев, 1966).

В 30-е гг. IX в. хазарами на Дону был построен город-крепость Саркел, что в переводе обозначает «Белая крепость». Саркел располагался недалеко от ст-цы Цимлянской, сохранившиеся его остатки в археологии получили название «Левобережное Цимлянское городище». В его строительстве принимали участие византийские специалисты. Саркел яв-

ляется одним из наиболее исследованных хазарских городов в археологическом отношении. В 1949—1951 гг. в связи со строительством Цимлянской ГЭС и созданием водохранилища была создана Волго-Донская экспедиция во главе с профессором М. И. Артамоновым, которой было исследовано больше половины городища. Несмотря на то, что город пострадал в результате разбора местным населением и использования кирпича для современных построек, экспедицией были получены ценные данные по характеру градостроительства той эпохи, этническому составу населения города и роду его занятий.

Крепостные стены Саркела достигали толщины 3,75 м, они имели квадратные башни. Были возведены валы и рвы, отделяющие мыс, на котором находилась крепость, от основного берега Дона. В крепости располагался военный гарнизон, состоящий, видимо, из хазар и гузов. Кроме сугубо военных функций, этот гарнизон занимался таможенными делами, взимая пошлины с купцов. В городе, кроме купеческого люда, жили ремесленники: кузнецы, гончары, ювелиры и др. Судя по археологическим данным, в городе проживали болгары и какое-то славянское население (Артамонов, 1958, с. 27—45; Плетнева, 2003, с. 67—71).

Ниже по течению Дона, у ст-цы Семикаракорской располагалась еще одна крепость, имевшая квадратную планировку. Ее сырцовые стены были укреплены башнями. По характеру планировки и строительства эта крепость весьма близка строительным традициям хазарских городов на Северном Кавказе (Плетнева, 1976, с. 50).

На территории Хазарского каганата возрождались старые города, особенно на побережье Черного и Азовского морей, возникшие еще в эпоху греческой колонизации этих мест. Это Фанагория, Керчь на месте бывшей столицы Боспорского царства Пантикапея, Таматарха (русское название Тмутаракань) на Таманском полуострове, предположительно на месте греческой колонии Гермонассы.

Оживление городской жизни свидетельствовало о развитии экономики и торговых связей Хазарского государства с окружающим миром. Через земли каганата проходили торговые пути, связывающие Византию и другие страны Востока с северными народами: славянами, балтами, финно-уграми. Кроме собственной торговли, хазары взимали подати с караванов, проходивших по водным и наземным путям через

Рис. 42. Хазарский каганат в VIII—IX вв.:
 1 — граница леса и степи;
 2 — хазарские крепости и города;
 3 — русские города;
 4 — путь печенегов по южнорусским степям в IX в.;
 5 — направление экспансии Хазарского каганата;
 6 — столица Волжской Болгарии;
 7 — расстояние от летней ставки кагана до границ личного домена
 (по С. А. Плетнёвой)

Рис. 43. Хазарский конный воин
 (рис. О. Федорова)

их земли. Имеются сведения о том, что, например, корабли руссов по Волге спускались до Итиля и также, вероятно, платили пошлину хазарам (Плетнева, 1976, с. 55). По данным Ибн Хордадбега, славяно-русские купцы в то время плавали не только по Черному, но и Каспийскому морям, со своими товарами на верблюдах достигали Багдада (Толочко, 1999, с. 35). Естественно, они должны были пересекать владения хазар.

Укрепление Хазарского каганата привело к установлению контроля над рядом других народов, не входивших официально в его состав. Из летописи «Повесть временных лет» известно, что во второй половине VIII в. славянские племена — поляне, северяне и вятичи платили хазарам дань. Киев также находился в зависимости от хазар. Арабские авторы сообщают, что славяне входили в состав хазарского войска и выполняли обязанности прислуги хазарских царей (Толочко, 1999, с. 47).

Хазары взимали дань и с других народов: буртасов, черемисов (мордовско-мерянские племена), сувар, болгар. Волжская Болгария длительное время находилась в вассальной зависимости от Хазарского каганата (рис. 42) (Плетнева, 1976, с. 56).

Хазарский каганат являлся многоэтническим государством, основу его населения составляли болгары, аланы и собственно хазары (рис. 43). Бывшая территория каганата практически совпадает с ареалом распространения археологических памятников, объединенных исследователями в одну культуру, получившую название салтово-маяцкой. Эта культура, датирующаяся концом VIII — первой половиной X вв., представлена поселениями, укрепленными городищами, грунтовыми и курганными могильниками, распространенными от верховий Северского Донца и Дона до Нижней Волги и Северного Кавказа. В материальном плане эта культура обладала определенным единством, так как складывалась и развивалась в рамках одного государства, формирующего некие общие традиции. В погребальных памятниках салтово-маяцкой культуры имеется ряд различий. Погребальный обряд в значительной мере отличается консервативностью, поэтому археологи довольно часто используют его данные в реконструкции этнического состава той или иной культуры, особенно в тех случаях, когда молчат письменные источники или их сведения маловразумительны. Что касается сал-

тово-маячной культуры, то, например, погребения в катакомбах с верховьев Северского Донца и Дона обычно отождествляют с аланами, переселившимися сюда с Северного Кавказа. И именно на Северном Кавказе, древней территории обитания алан, погребения в катакомбах были широко распространены. Погребения в простых грунтовых ямах на Нижнем Дону и в Приазовье относят к болгарам. Что касается соотношения собственно хазар с тем или иным обрядом погребения, то эта проблема положительно стала решаться относительно недавно. Вообще считается, что хазары не являлись количественно преобладающим этносом в собственном государстве (Плетнева, 2003, с. 81), по этой причине их погребальных памятников должно быть меньше по сравнению с аналогичными памятниками, принадлежавшими другим народам, входившим в состав каганата. Существует мнение, что хазарам должны принадлежать погребения с квадратными, реже круглыми, ровиками под курганными насыпями, впервые открытые в 60—70-е гг. прошлого века на Нижнем Дону и получившие распространение в волго-донских степях (Иванов, 1999, с. 213—226; Плетнева, 2003, с. 81—88). Следует отметить, что в настоящее время погребальные памятники, которые бы принадлежали этническим хазарам, убедительно не выделены. Эта проблема остается одной из наиболее актуальных в хазарской археологии.

Фактором, укрепляющим устои государственности, особенно в ранние эпохи, являлась религия. В процессе становления государств на смену язычеству приходили монорелигии с единым культом или по крайней мере определенным пантеоном божеств, обеспечивающих единую идеологию общества. Изначально у хазар, также как и других ранних кочевых сообществ, было распространено язычество. Они поклонялись стихиям природы и луне, широкое распространение среди них получил культ бога-героя Тенгри-хана, ему посвящались могучие дубы, у которых приносились жертвоприношения. У священного дуба убивали коня, кровью которого поливали землю вокруг дерева, а череп и кожу развешивали на ветвях. Однако развитие Хазарского государства и общества ставило вопрос о необходимости смены многочисленных языческих верований единой религией. В данном случае особого новаторства от хазар не требовалось, такие религии, названные впоследствии мировыми, уже существовали, причем в тех государствах, с которыми хазары давно кон-

тактировали. Например, в Византии — христианство, в арабском мире — ислам. Обе религии в разные периоды проникали на территорию каганата, в его городах жили люди, исповедующие и христианство и ислам, но эти религии не были возведены в ранг государственных. Хотя Византия, например, предпринимала усилия, направленные на распространение христианства на территории Хазарского каганата, а арабы предпочитали видеть в хазарах мусульман. Но хазарские правители решили продемонстрировать свою независимость и приняли иудаизм — религию, неугодную ни византийцам, ни арабам. Иудаизм стал официальной религией Хазарского каганата.

В источниках сохранилось интересное предание о том, что хазарский каган в 860 г., в период усложнившихся отношений с Византией, устроил диспут между представителями трех религий: христианства, ислама и иудаизма, пообещав, что если победит христианский представитель, то хазары примут его религию. В диспуте принял участие один из создателей славянской письменности Кирилл. Если допустить, что этот диспут состоялся в столице Хазарии, то можно считать, что Кирилл побывал на берегах Волги. В этом диспуте победу одержал раввин (Артамонов, 1962, с. 262—282; Плетнева, 1976, с. 67, 68).

Иудаизм в Хазарии получил распространение в основном только в ближайшем окружении кагана. Хотя эта религия и стала государственной, она не смогла сыграть существенной роли в сплочении хазарского общества, поскольку большая часть простого населения продолжала поклоняться своим древним языческим культам, в юго-западных районах каганата достаточно широко было распространено христианство, в юго-восточных — ислам. Иудаизм в силу своей догматики не мог широко распространиться в Хазарском каганате, поскольку по одному из основных положений этой религии иноплеменник не мог стать истинным иудеем. Раввины же сумели обосновать иудейское происхождение только кагана и ближайших к нему аристократических кругов.

Однако, поскольку каган и высшая знать исповедовали иудаизм, на международном уровне Хазария считалась иудейским государством. Молва об иудейском государстве в далеком степном крае в то время была распространена широко. В середине X в. дошла она и до территории современной Испании, о чем сохранился весьма интересный документ,

являющийся одним из наиболее исчерпывающих по истории хазар. Это письмо кагана Иосифа, являющееся ответом на послание из Испании сановника кордовского халифа Абдурахмана III еврея Хасдая Ибн-Шафрута (Коковцев, 1932). Хасдай, как единоведец, обращался к Иосифу с просьбой дать ему ответы на целый ряд вопросов, касающихся происхождения хазар и устройства их государства, территории, которую они занимали, причин принятия иудаизма.

В своем ответе Иосиф рассказывает о предыдущей истории хазар, очерчивает территорию своего государства, называет соседей. Интересны его сведения о государственном устройстве Хазарии. Несмотря на ее многоэтничность, должность кагана занимали только представители одного тюркского рода, причем передавалась она от отца к сыну. Каждый род имел свой наследственный удел, самый большой удел принадлежал кагану, который располагался в междуречье Волги и Дона. Судя по тому, что в описании границ собственного владения кагана упоминается место наибольшего сближения Волги и Дона, в него входила часть современной территории Волгоградской области, в том числе и та, которую сейчас занимает Волгоград. Летом каган вместе со своим двором кочевал по своему владению, а зиму проводил во дворце, в городе Итиль на Волге. Каган описывает свою страну богатой и самодостаточной, с множеством садов и виноградников, с орошаемым земледелием, с обилием рыбы в реках. Значительный доход государства составляет дань, которую хазары собирают с соседних зависимых народов.

Справедливости ради следует отметить, что несколько хвастливый тон письма Иосифа уже вряд ли мог соответствовать действительным реалиям, поскольку лучшие времена для его государства были уже позади. Собственно, письмо Иосифа было написано за несколько лет до трагических событий, постигших каганат.

Могущество Хазарского каганата было подорвано не столько его противниками, сколько междоусобными войнами. Этому в немалой степени способствовал установившийся характер верховной власти у хазар. Сакрализация верховной власти, известная у многих народов, превратила в конечном счете кагана в символ этой власти, которой он фактически не владел. Он был обожествленным ее олицетворением. Каган также считался олицетворением силы власти и государства. Арабский географ и путешественник Истахри

(849—934 гг.) описал обычай, который сопровождал процедуру восхождения кагана на престол. Претендента душили шелковым шнуром, при этом спрашивая, как долго он желает царствовать. В полусознательном состоянии будущий каган должен был определить этот срок, который должен был соответствовать времени обладания им божественной силой власти. Всякие беды в государстве воспринимались как потеря божественной силы кагана, и он мог быть убит (Плетнева, 1976, с. 32). Фактическая же власть находилась в руках царя (хакан-бека), который, видимо, принадлежал к другому роду, нежели каган. Наличие двоевластия часто приводило к интригам в высших кругах хазарского общества. Часть аристократии, не принявшая иудаизм, выступала против центральной власти. Вражда между столичной и провинциальной знатью переросла в жестокую междоусобную войну, в которой погибли многие представители знатных родов.

Воспользовавшись ослаблением каганата, на его территорию с востока стали проникать новые объединения кочевников, наиболее активными среди которых были печенеги. К середине X в. владения каганата сократились до размеров собственных владений его правителя. Другим фактором дестабилизации Хазарского каганата было укрепление могущества Киевской Руси, которая была заинтересована в восточных рынках, в выходе к Черному и Каспийскому морям. Сокрушительный удар хазарам был нанесен киевским князем Святославом в 965 г. (рис. 44). Хазарская армия была разбита. Святослав взял Итиль, сжег Саркел, восстановленный впоследствии, он стал именоваться по-славянски Белой Вежей. Через двадцать лет, в 985 г. сын Святослава Владимир, выйдя по Оке на Волгу, разбил болгар, затем на ладьях спустился вниз по Волге до Итиля. Таким образом, дружина Владимира проплывала мимо той территории, где сейчас располагается Волгоград, а возможно, и останавливалась здесь. Эта местность достаточно хорошо должна была быть известна руссам, еще до походов Святослава и Владимира они пользовались находящейся здесь переволокой, перетаскивая свои ладьи из Дона в Волгу и достигая Каспия. Владимир взял и разграбил Итиль, заставив хазар платить ему дань. После этих событий Хазарский каганат практически прекратил свое существование.

Население каганата частью было поглощено другими народами, близкими по языку и происхождению, занявшими

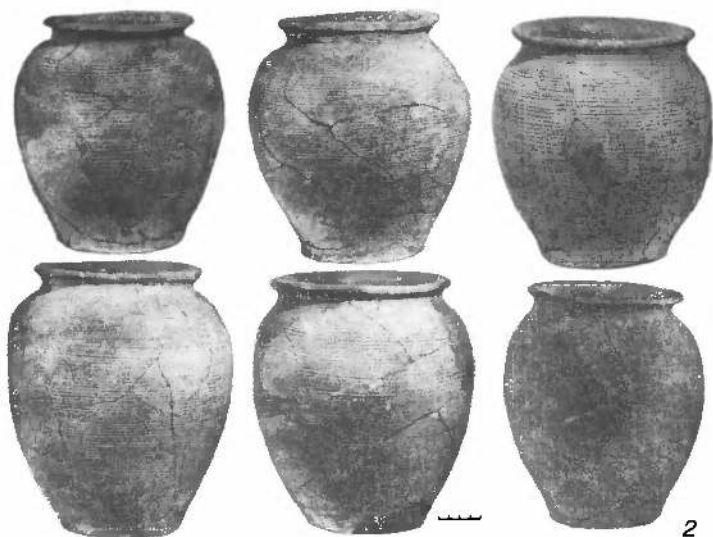
Рис. 44. Битва руссов с хазарами
(рис. О. Федорова)

степи, такими как печенеги, огузы, половцы. Часть населения оставалась в городах в Крыму и на Тамани и еще не однажды упоминалась в письменных источниках.

Большая группа памятников салтово-маяцкой культуры была открыта во время, предшествующее строительству Цимлянской ГЭС и образованию одноименного водохранилища по правобережью Дона в пределах Волгоградской области. В первую очередь обследовались места, подлежащие затоплению. Скопление селищ времени Хазарского каганата было выявлено в районе р. п. Нижний Чир и ст-цы Суворовская Суровикинского района (Ляпушкин, 1958а, с. 85—150; 1958б, с. 255—259). На одном из них, в районе ст-цы Суво-

1

2

Рис. 45. 1 — Монеты из погребений хазарского времени на Иловле, 2 — глиняные горшки с поселения у ст-цы Суворовской

ровской были произведены частичные раскопки, в результате которых были выявлены два жилища полужемляночного типа, хозяйственная яма и гончарные печи для обжига глиняной посуды. Размеры землянок: 3,4—3,8 x 3 м и 5,3—5,5 x 4 м. На полу землянок сохранились следы от очагов, здесь же были обнаружены фрагменты битой посуды. Из таких фрагментов, собранных в одной из землянок, было восстановлено шесть сосудов, все они были изготовлены на гончарном круге и относились к разряду обыкновенной для этого времени кухонной посуды (рис. 45). Хозяйственная яма была заполнена костями животных и обломками глиняной посуды, среди которой встречались кувшинные формы. Раскопками были выявлены три обжигательные печи, расположенные на краю балки. Каждая из них состояла из двух частей: топки и обжигательной камеры, располагавшейся над топкой. Печи были оборудованы в земле таким образом, чтобы вход в топку выходил на край обрыва. В перегородке между топкой и камерой имелось около восьми отверстий диаметром 10—12 см для доступа горячего воздуха в камеру (Ляпушкин, 1958в, с. 323—333).

На территории Волгоградской области были обнаружены погребальные памятники времени Хазарского каганата. Несколько погребений под небольшими курганными насыпями были исследованы археологами на Иловле около с. Барановка и Петрунино Камышинского района и между пос. Ольховка и с. Гусевка в Ольховском районе. У Барановки было раскопано два кургана этого времени. В одном кургане погребение было разрушено более ранними грабительскими раскопками. В нем найдены фигурные накладные бляшки от пояса из бронзы, украшенные позолотой, а также глиняный сосуд с ручкой. Во втором кургане в подбойной яме в не потревоженном состоянии на дне входа лежал череп лошади с уздой, от которой сохранились железные удила. Здесь же находились кости ног лошади, а также железное стремя. В подбое с погребенным находились лепной горшок и фрагменты железного ножа. В кургане у с. Петрунино, также в подбойной яме с погребенным были обнаружены деревянный остов седла, железное стремя, железные удила, костяные накладки на лук, бронзовая пряжка, железный кинжал (Круглов, 1992, с. 176—183).

Еще в одном погребении, открытом в одном из курганов могильника, располагавшегося на высоком правом берегу

Иловли между Ольховкой и Гусевкой, оказавшегося ограбленным, были найдены кости лошади и овцы. В этом кургане, вне погребения, обнаружен великолепный кувшин, орнаментированный по тулову заштрихованными ромбами и расположенными между ними вдавленными окружностями (Сергацков и др., 2006, с. 231).

Одной из наиболее интересных находок в погребениях хазарского времени являются монеты. Так, в погребении из кургана, располагавшегося у с. Барановка, был найден золотой солид с изображением византийских императоров: на лицевой стороне Константина V и Льва IV, на оборотной — Льва III. Такие монеты чеканились в Константинополе в 751—754 гг. В одном из петрунинских погребений был обнаружен серебряный дирхем, на котором имелась надпись на арабском языке. Дирхем был отчеканен в г. Эль-Гашемии (Хашемии) во время правления халифа Абу-Джафар ал-Мансура Аббасида в 756—757 гг. (рис. 45). Монеты являются прекрасным историческим источником, они уточняют время создания археологических памятников, свидетельствуют об экономических и политических связях.

Кроме упомянутых, погребальные памятники хазарского времени известны в районе хут. Вертячий Городищенского района, Дорофеев Котельниковского района и Чиков Октябрьского района. У ст-цы Верхняя Бузиновка Клетского района было открыто несколько погребений этого же времени, являвшихся, видимо, частью грунтового могильника.

Памятники хазарского времени были обнаружены и на территории Волгограда. В Советском районе, например, при прокладке траншеи на территории завода «Волгопромтара» было разрушено погребение, в котором находилась керамическая фляга, находящая аналогии в памятниках салтовомаяцкой культуры VIII—X вв. В Кировском районе в 1 км к западу от пос. Отрада на мысу Бирючей балки было обнаружено большое количество фрагментов сосудов салтовомаяцкой культуры, что свидетельствует о нахождении здесь поселения хазарского времени (Гуренко, 2004, с. 171, 173).

О том, что и в это время нынешняя территория города была обитаема, свидетельствует и находка в 2004 г. амфоры, типичной для хазарской керамической тары, в районе третьего шлюза Волго-Донского судоходного канала, во время хозяйственных работ в одном из подворий пос. им. Киро-

Рис. 46. Хазарская амфора. Место находки — район 3-го шлюза канала Волго-Дон, пос. им. Кирова

ва (рис. 46). Предварительные сведения позволяют предполагать наличие в этом месте культурного слоя, что может говорить о существовании здесь еще одного поселения хазарского времени.

Печенеги, огузы, половцы. С потерей ведущей роли Хазарского каганата восточноевропейские степи переходят под власть других народов, ранее обитавших к востоку от него. Ближайшими его соседями с востока были печенеги, занимавшие заволжские степи, которые, видимо, уже с IX в. серьезно тревожили каганат. В приаральских степях обосновались огузы, впоследствии в русских летописях именуемые торками. Их появление на указанных территориях явилось итогом некой общей закономерности, обозначившейся еще в раннем

железном веке и связанной с движением народов из глубин Центральной Азии на запад.

Происхождение печенегов многие исследователи связывают со Средней Азией, с владением Кангуй, известным еще по источникам ханьского Китая и населенным кочевниками, но знавшим и городскую культуру. Кангуй охватывал территории среднего и нижнего течения Сыр-Дарьи и степные районы к востоку от нее. Эта область, ранее заселенная племенами преимущественно иранского происхождения, в раннем средневековье подверглась сильному влиянию различных групп населения тюркского происхождения. Сложение печенежского этноса, скорее всего, является результатом симбиоза иранского и древнетюркского населения этих мест.

Эта точка зрения разделялась В. В. Бартольдом, С. П. Толстовым, П. Б. Голденем (Гарустович, Иванов, 2001, с. 51). О связи печенегов с Кангюем, возможно, свидетельствует и известное по сочинению византийского императора Константина Багрянородного наименование трех наиболее выдающихся своим мужеством и благородством печенежских орд «кангар» (Плетнева, 2003, с. 51, 52). В качестве гипотезы

С. А. Плетнева высказала предположение о том, что на завершающей стадии в Заволжье возможным было участие сарматов в этногенезе печенегов (Плетнева, 2003, с. 128).

История печенегов с IX в. тесно связана с огузами. Древнейшей территорией обитания предков огузов были районы современной Монголии, откуда они, как полагал В. В. Бартольд, в 745 г. были изгнаны уйгурами (Бартольд, 1968, с. 50). К началу IX в. огузы появляются в Средней Азии и входят в соприкосновение с печенегами. Соседство это оказалось отнюдь не мирным, начавшиеся между ними войны, в которых приняли участие и другие народы, привели к вытеснению печенегов из Средней Азии в волго-уральские степи. Вслед за печенегами в эти же места уходят и огузы, в свою очередь испытывающие давление со стороны кыпчаков. Из имеющихся источников не совсем ясно, существовал ли какой-то относительно длительный период стабилизации между печенегами и огузами на вновь занятых территориях, с закреплением за ними определенных территорий. Наиболее распространено мнение о некотором периоде самостоятельного существования печенегов в Заволжье.

Так, С. А. Плетнева полагает, что некоторое время печенеги удерживались в Заволжье, окруженные со всех сторон сильными соседями: кыпчаками с востока, огузами с юго-востока, с севера болгарами. В определении времени ухода печенегов на запад она опирается на сообщение Константина Багрянородного о том, что Хазарский каганат, испытывавший частые нападения на свою территорию печенегов, заключил против них союз с огузами, которые разгромили печенегов. Это событие произошло примерно на рубеже IX—X вв., только после этого печенеги вынуждены были переправиться через Волгу, с боями пройти по территории Хазарского каганата и захватить земли в западных районах Северного Причерноморья, на которых незадолго до этого обосновались венгры. Эта местность именовалась Леvedия, она была названа по имени предводителя венгров, приведшего их сюда из Волго-Камского региона. Трудно точно определить, где эта область располагалась, скорее всего, это места в районе рек Ингульца, Днепра или Южного Буга (Плетнева, 2003, с. 104). В последующее время печенеги осваивают значительные территории по обе стороны Днепра, к середине X в. их владения простираются от Волги до Дуная (Плетнева, 2003, 103—120).

Г. Н. Гарустович и В. А. Иванов, привлекая археологические материалы, считают возможным говорить о более длительном самостоятельном существовании печенегов в Заволжье. По их мнению, к востоку от Волги в X—XI вв. существовали два территориально-этнических образования: Дешт-и-Огуз и Заволжская Печенегия. Последнее образование ими выделено условно, сугубо по археологическим данным (Гарустович, Иванов, 2001, с. 124).

Однако существует ряд других источников, в которых печенеги упоминаются в Северном Причерноморье в гораздо более раннее время. Так, например, в византийских источниках под 833 г. они были известны на Дунае, по данным баварского географа, печенеги изгоняют венгров в крайние пределы Северо-Западного Причерноморья в 839 г., а по Никоновской летописи первые военные столкновения печенегов с русскими князьями Аскольдом и Диром приходятся на 864 и 875 гг. Эти ранние упоминания печенегов далеко на западе от Заволжья позволяют предполагать, что они в основном были вытеснены огузами в Поднепровье уже к середине IX в., не позволив им надолго закрепиться в Заволжье. Сведения же Константина Багрянородного, вероятно, имеют отношение не к началу переселения печенегов в Причерноморье, а к его завершению. По этой причине печенеги не могли играть какой-либо самостоятельной роли в истории Нижнего Поволжья (Круглов, 2001, с. 423).

Определение роли каждого из народов, печенегов или огузов, в истории Нижнего Поволжья остается на сей день достаточно сложной задачей. Можно ли что-нибудь на этот счет извлечь из археологических памятников? На сегодняшний день на территории Северного Прикаспия открыто более двухсот погребений рассматриваемого времени, причем большинство их приходится на Нижнее Поволжье (Круглов, 2001 с. 395, 396). Печенеги и огузы, являясь кочевниками, оставили в основном погребальные памятники, которые, включая в себе культовые традиции и религиозные воззрения конкретного народа, казалось бы, должны быть легко разделены на собственно печенежские и огузские. Но, как оказывается, дело обстоит не так просто. До недавнего времени кочевнические погребальные памятники X—XI вв. Нижнего Поволжья и Южного Приуралья именовали огузско-печенежскими, без деления на собственно печенежские и огузские. Погребальные обряды на всей этой территории в рас-

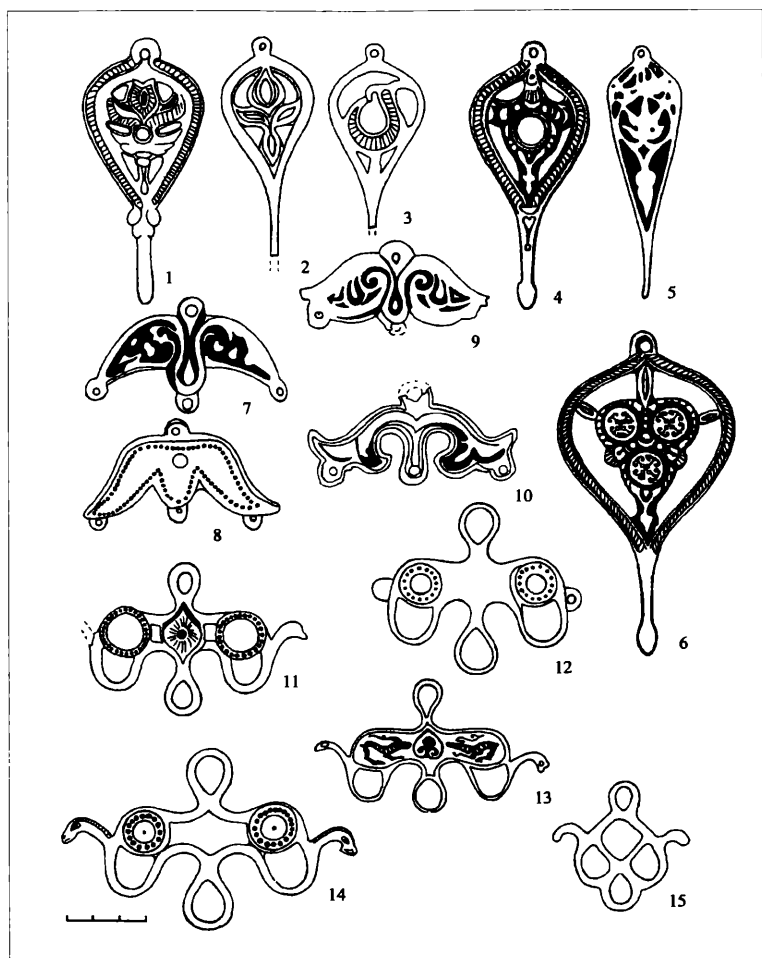

Рис. 47. Бронзовые предметы из огузских погребений:
1—6 — копоушки; 7—10 — крыловидные нашивки;
11—15 — птицевидные нашивки

смаатриваемое время были достаточно схожи, что, видимо, объясняется длительным взаимодействием двух народов, а также общетюркскими традициями. Только накопление материала и его тщательная статистическая обработка позво-

лили наметить различия между печенежскими и огузскими погребальными комплексами. Отличительными признаками огузского погребального обряда считается: преимущественно впускной характер погребений в более ранние курганные насыпи; сооружение простых прямоугольных ям; ориентировка погребенных головой в западный сектор, расположение останков коня (черепа и костей ног) непосредственно над погребенным; наличие среди вещевого материала так называемых копоушек, птицевидных или крыловидных нашивок, изготовленных из бронзы (рис. 47). Для печенежского обряда характерно: сочетание основных и впускных погребений; ориентировка погребенных головой на запад; шкура коня с черепом и костями ног помещается на дне могилы слева от человека; вместе с конем обычно находится сбруя с удилами без перегиба; встречаются кости ног овцы, иногда луки со срединными костяными накладками, поясные пряжки.

Однако не всегда тот или иной погребальный комплекс можно уверенно идентифицировать с огузами или печенегами, так как не все они имеют диагностирующие признаки или, наоборот, содержат смешанные признаки. На территории Волгоградской области, в том числе и в непосредственной близости от Волгограда и даже в черте самого города, памятников огузско-печенежского времени открыто достаточно много. Большинство из них принадлежало огузам (Круглов, 2001, с. 395—440), но какая-то часть, видимо, была оставлена и печенегами. Наличие памятников с печенежскими традициями может объясняться тем, что после разгрома печенегов огузами в Заволжье не все они ушли в Поднепровье, часть из них вошла в состав огузского объединения и уже совместно с огузами осваивала Нижнее Поволжье (Плетнева, 2003, с. 132). Огузы после изгнания печенегов стали непосредственными соседями ослабленного Хазарского каганата, граница между ними стала проходить по Нижней Волге. По данным арабского историка и географа ал-Масуди, писавшего во время близкое к середине X в. (умер в 956 г.), в зимние периоды огузы по льду переходили Волгу и совершали набеги на хазарские земли, видимо, закрепляя за собой правобережную территорию Волги. Об этом может свидетельствовать компактная группа огузских погребений, располагавшаяся вдоль Волги от с. Никольского в Астраханской области до южных окраин Волгограда (Гарустович, Иванов, 2001, с. 107, 108; Круглов, 2001, 396).

Походы киевских князей Святослава и Владимира против хазар оказались успешными не без участия огузов, которые оказывали им помощь на основе заключаемых союзов. После ухода армий киевских князей огузы подвергали грабежу хазарские города и поселения и в конечном счете окончательно закрепились за собой территорию по правую сторону от Волги, но произошло это несколько позже, вероятно, в 30-е гг. XI в. Именно с этого времени начинается общее огузское движение на запад по двум направлениям: одно огибало Каспийское море с севера, другое с юга. Первое завершилось захватом земель к западу от Волги, второе — образованием государства сельджуков в Передней Азии (Плетнева, 2003, с. 119).

Огузы, закрепившись на территории Северного Прикаспия, частично начинают вести оседлый образ жизни. Видимо, главную роль в этом играла социальная дифференциация огузского общества. Также как и в случае с хазарами, беднота теряла возможность вести кочевое хозяйство и вынуждена была заниматься земледелием или ремеслом. В арабских источниках X в. имеются сведения о наличии у огузов городов и крепостей (Агаджанов, 1989, с. 87—99). Правда, на территории Нижнего Поволжья они пока неизвестны. Однако вдоль Волги, к югу от Волгограда, в отдельных местах обнаружены стоянки, которые по характеру найденной на них керамики принадлежали огузам.

Хозяевами вновь обретенной земли огузы были недолго, не более двух десятков лет. В середине XI в. в восточноевропейских степях появляются новые кочевники, именуемые в русских летописях половцами. Впервые они были зафиксированы у границ русских княжеств в 1055 г., когда переяславский князь Всеволод заключил с ними мирный договор. Лояльность поведения половцев на первых порах может объясняться тем, что они только начали закреплять за собой степи и пока не хотели вступать в серьезные конфликты со своими соседями (Толочко, 1999, с. 128, 129). Через небольшой промежуток времени в летописи «Повесть временных лет» под 1068 годом уже сообщается «Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество». В 70-е гг. XI в. половцы уже были известны между Днепром и Дунаем. В Нижнем Поволжье они должны были появиться несколько ранее 1055 г. Предыдущие население степи — печенеги и

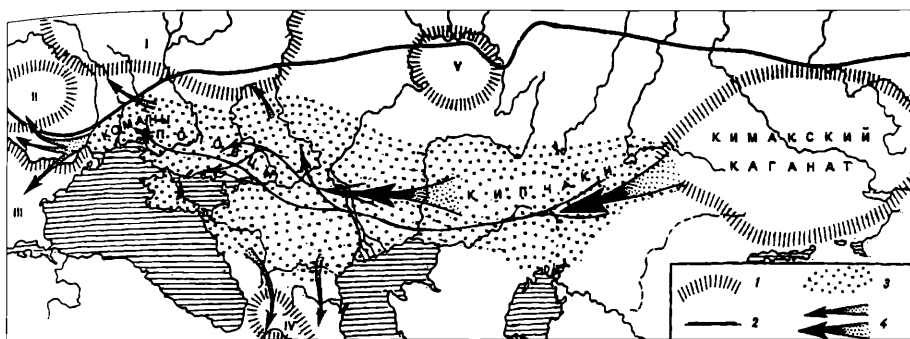

Рис. 48. Продвижение половцев и кипчаков по степям в X—XI вв.:
 1 — граница государств (I — Русь; II — Венгрия; III — Дунайская Болгария; IV — Алания; V — Волжская Болгария);
 2 — граница леса и степи; 3 — земли, занятые половцами и кипчаками;
 4 — направление движения (по С. А. Плетневой)

огузы частью были подчинены половцами, некоторые их подразделения ушли под защиту Византии и Руси (рис. 48).

Этноним «половцы» не являлся самоназванием новых кочевников, так их называли русские летописцы. Византийские и западные авторы именовали их «куманами» или «команами», арабские и персидские писатели — «кимаками» или «кипчаками». Широко распространено мнение, что русское название «половцы» происходит от слова «половый», что обозначает соломенно-желтый. С. А. Плетнева считала, что такое название в русских источниках появилось не без основания. Подтверждением тому является упоминание в одном из армянских источников «рыжеволосых», потеснивших огузов и печенегов. Многие половцы могли быть светлыми и рыжими, «что считалось среди тюркских и монгольских этносов знаком особого отличия человека-воина (напомним, что Чингизхан был рыжим)» (Плетнева, 2003, с. 152). Существует и иная версия происхождения названия «половцы». В летописях зафиксирован термин «онополовец» в значении живущий по ту сторону реки, в данном случае Днепра. Некоторое время половцы занимали земли по левобережью Днепра и далее на восток, правобережье считалось русской территорией. Для русских летописцев половцы считались жителями другой стороны или «оного пола», то есть «онополов-

цами». Это название трансформировалось в этноним «половцы» (Толочко, 1999, с. 109, 110).

Что касается происхождения самих половцев, то известно, что ранее они входили в Кимакский каганат, занимавший территории Припутья и современного Восточного Казахстана, и назывались кипчаками. На рубеже X—XI вв., освободившись от кимакской зависимости, они начинают продвигаться на запад. В первой половине XI в. кипчаки появляются в приаральских степях.

Обладая достаточно высокой мобильностью и подвижностью, половцы и некоторые другие народы, вошедшие в состав их союза, в том же веке начинают активно осваивать восточноевропейские степи. Известный специалист в данной области С. А. Плетнева по этому поводу писала следующее: «Вся эта лавина двигалась по дорогам, еще пылившимся от прошедших по ним гузским войскам и стадам: дорога в плодородные донские и днепровские степи была протоптана» (Плетнева, 1990, с. 36). В XII в. ситуация в степи стабилизируется, половцы становятся полноправными ее хозяевами, что нашло отражение и в русской летописи: «Вся половецкая земля, что меж Волгой и Днепром». Они не представляли собой единого этнополитического объединения, а распались на несколько орд, порядка 12—15. Отдельные из них могли насчитывать до 40 тыс. человек. Количество же населения всех половецких орд могло составлять 500—600 тыс. человек (Плетнева, 1990, с. 115). Вся степная территория между Волгой и Дунаем была распределена между всеми этими ордами. В XII — начале XIII в. наиболее заселенными половцами областями были Поднепровье, Северский Донец, степи Северного Кавказа. Обитали половцы и в Нижнем Поволжье, о чем, в частности, говорит организованный в начале XIII в. против них поход рязанских князей. Территория современной Волгоградской области входила в зону кочевий поволжских и, вероятно, нижнедонских группировок половцев (рис. 49). На всей этой огромной территории продолжали жить и другие народы: аланы, хазары, огузы и пр. Как полагают, именно они составляли основную часть населения городов, контролируемых половцами, — Корсуня и Сурожа в Крыму, Тмутаракани на Тамани, Саксина на Волге, Шаруканя и ряда других городов на Донце (Толочко, 1999, с. 111). Место расположения Саксина, единственного города в половецкое время на Нижней Волге, неизвестно, есть предполо-

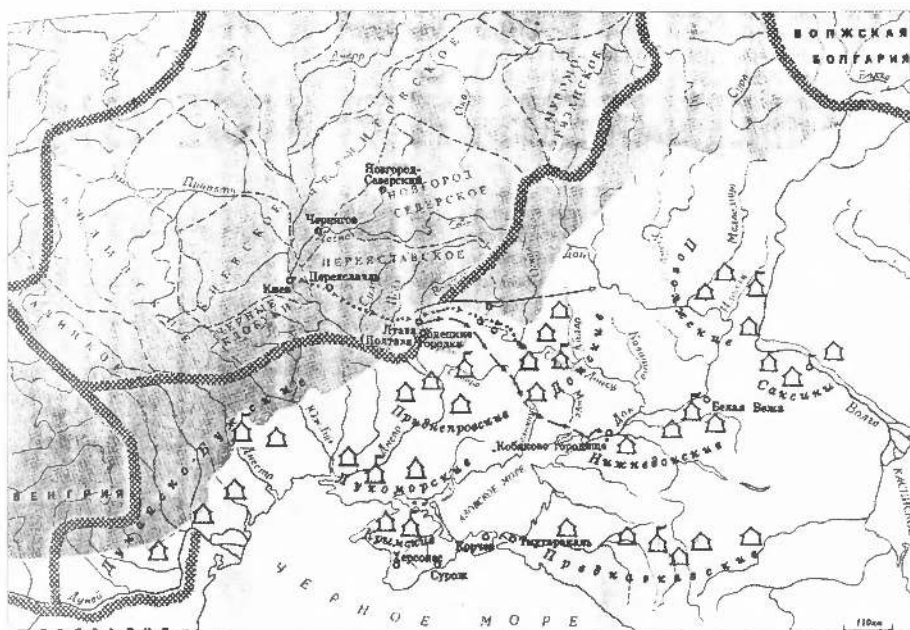

Рис. 49. Карта расселения половецких племенных объединений (по С. А. Плетневой)

жение, что он является восстановленным Итилем — бывшей столицей Хазарского каганата. Однако из письменных источников известно, что он был заселен преимущественно огузами (Федоров-Давыдов, 1966, с. 208). Кроме того, там обитали хазары, хорезмийцы и половцы, потерявшие связь с кочевой жизнью. Население города, занимаясь торговлей и ремеслом, осуществляло, видимо, постоянную связь со степью, в чем в немалой степени было заинтересовано кочевое половецкое население и его предводители. В последнее время высказывается мнение о том, что Саксин располагался на месте исследуемого в настоящее время в дельте Волги Самосдельского городища, материалы из которого датируются X—XIII вв. (Васильев, 2004, с. 25—29)

В южнорусских степях половцы были господствующей силой около двух веков, гораздо больше, чем жившие здесь ранее печенеги и огузы. Как и их предшественники, они всту-

Рис. 50. Половцы в захваченном русском городе

пали с Русью в сложные военные и политические отношения, усугубляемые ее раздробленностью. Эти отношения характеризовались, с одной стороны, частыми набегами половцев на русские земли, разорением городов и деревень, уничтожением посевов, захватом пленников; с другой — походами дружин русских князей в степи, занятые половцами, при сопутствии успеха приводившими к разорению становищ и городов половцев, захвату добычи и пленников (рис. 50, 51). Зачастую половецкие войска использовались русскими князьями в междоусобных войнах, что также приводило к грабежам русского населения. В отдельных случаях русские и половцы выступали союзниками против общего врага, как это было, например, в битве на р. Калке против монголов. В период раздробленности довольно часто отдельные русские князья заключали с половецкими ханами договоры, закрепляемые междинастическими браками. Так что в жилах многих русских князей текла и половецкая кровь.

Длительное противостояние русских княжеств и половцев, часто сопровождаемое кровавыми побоищами, не привело Русь ни к вассальной зависимости от половцев, ни к установлению постоянного контроля над половецкой степью Руси. В обоих случаях причина была одна и та же — раздробленность Руси и отсутствие единства среди половцев. Половцы не смогли создать единой кочевой империи, отдельные их подразделения были самостоятельны в политическом отношении. То, что не могли создать половцы в восточно-европейских степях, создали монголы. Их организация и взаимоотношения с соседями носили уже иной характер. Перед лицом монгольского нашествия разьединенные половцы и раздробленная Русь были в одинаковой мере обречены.

За относительно длительный срок своего пребывания в восточноевропейских степях половцы оставили достаточно много археологических памятников, среди которых ведущее место занимают, как и в прошлом, подкурганные захоронения, что является типичным для кочевых обществ. Воинские погребения половцев сопровождались захоронением коня со сбруей, саблями, берестяными и кожаными колчанами со стрелами, копьями. В социально престижных погребениях обнаруживают витые серебряные, иногда золотые распрямленные гривны, видимо, являвшиеся символами власти. Интересной находкой в богатых половецких погребениях являются клепаные бронзовые котлы. Исследователи интерпретируют такие котлы как символ объединения, связанный с представлением об общем кормлении. Их владельцы, вероятно, были главами таких объединений (Плетнева, 2003, с. 163, 164).

Рис. 51. Половчанин
(рис. О. Федорова)

Рис. 52. Половецкие каменные изваяния

Другим специфическим и достаточно распространенным памятником половецкого времени являются «каменные бабы». Название это весьма условно, поскольку изваяния изображали не только женщин, но и мужчин. В настоящее время в музеях городов юга России, Украины, Москвы, Санкт-Петербурга их хранится около двух тысяч (рис. 52). Есть они и в Волгоградском краеведческом музее (рис. 53). В прошлом их было во много раз больше. Как установлено, датируются эти каменные статуи преимущественно XII — началом XIII вв., прекращение изготовления их связано с утверждением на прежних половецких землях монголов (Федоров-Давыдов, 1966, с. 166—193; Плетнева, 1974).

Половецкие мастера изготавливали статуи мужчин и женщин с соблюдением определенных канонов. Они изображались в стоячей или сидячей позе с руками на животе, в которых находился сосуд. Путешественник XIII в. Вильгельм Рубрук писал, что половцы «насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руках перед пупком чашу». На статуях изображались детали одежды и ее украшения, головные уборы, оружие. В отдельных случаях, как полагают, передавалось портретное сходство с умершим (рис. 46) (Плетнева, 2003, с. 154). Статуи водружались на вершины древних курганов или естественные холмы. Существуют различные версии о их назначении. Наиболее приемлемой представляется связь каменных изваяний с культом предков. Они представляли собой основной объект святилища, рядом с ними сооружались прямоугольной формы площадки, окаймленные каменными плитами. У подножья статуй находили кости животных и однажды даже человека. Проезжающие мимо половцы должны были приносить жертвы своим предкам. Традиция сооружать каменные изваяния была принесена половцами со своей далекой тюркской прародины, наиболее ранние их прототипы известны в Монголии, на Алтае, Семиречье и в Казахстане.

Рис. 53. Каменное изваяние конца XII — начала XIII вв. из ст-цы Кременской Клетского района

Какой же след оставили вышеназванные народы средневековья на волгоградской земле? Археологических свидетельств на этот счет немного, но они есть. Так, например, имеются сведения о том, что в 20-е гг. прошлого века на территории завода «Электролес» при прокладке водопровода было обнаружено древнее кладбище и вскрыто несколько могил. В одной из них погребенного сопровождал скелет лошади. В связи с отсутствием точных данных о погребальном обряде сейчас трудно определить время сооружения этого комплекса и его этническую принадлежность, однако, как нам теперь известно, обычай погребать вместе с умершим лошадь был широко распространен среди печенегов, огузов и половцев. Вероятно, это кладбище (возможно, здесь ранее был курганный могильник) принадлежало одному из названных выше народов, жившему в средние века на территории современного Волгограда.

Значительное количество погребальных памятников огузско-печенежского времени на территориях, непосредственно прилежащих к Волгограду, было исследовано в течение второй половины XX в. целым рядом археологических экспедиций, организованных Академией наук, волгоградскими педагогическим и государственным университетами. К ним относятся погребения, открытые на южной окраине Красноармейского района Волгограда, в зоне строительства химкомбината; в городской черте Волжского и у бывшего с. Калиновка, несколько севернее Волжского; в Калачевском районе у пос. Новый Рогачик и Ильевка. Особенно много памятников этого времени исследовано вдоль левого берега Ахтубы на территории Среднеахтубинского и Ленинского районов. Это подкурганные погребения у с. Кияковка, Верхнепогромное, Бахтияровка, Маляевка, Царев, Солодовка, Колобовка, Зубовка и др. В них обнаружен разнообразный материал: клинковое оружие, железные наконечники стрел и детали луков, наконечники копий, детали конской упряжи, изготовленные из бронзы копоушки, крыловидные и птицевидные нашивки (Круглов, 2001, с. 395—445).

В этих же местах открыты и половецкие погребальные памятники, большинство их относится к золотоордынскому времени, хотя известны и погребения домонгольского периода. Исследователи отмечают сложность выделения ранних половецких погребальных комплексов, поскольку по погребальному обряду они, с одной стороны, очень сходны с ана-

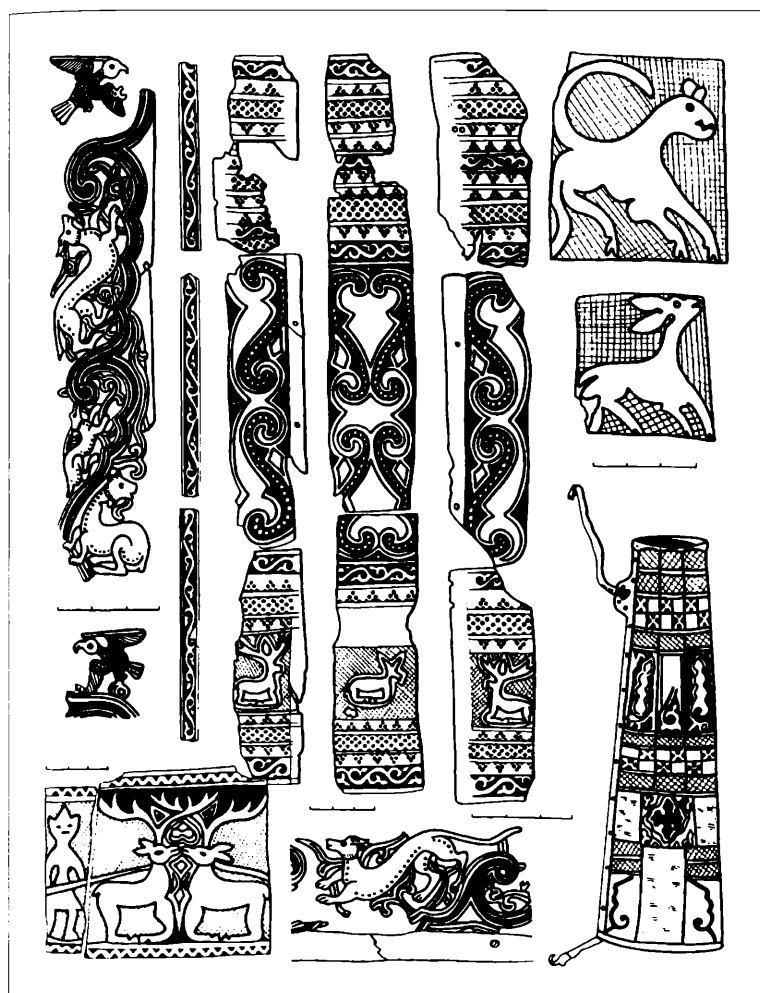

Рис. 54. Костяные накладки на колчан и половецкий колчан XIII—XIV вв.

логичными памятниками огузско-печенежского времени, а с другой, при отсутствии хорошо датирующихся вещей, неотличимы от более поздних половецких погребений. В половецких погребениях часто обнаруживают предметы конской

упряжи, железные наконечники стрел, колчаны, украшенные костяными накладками (рис. 54), бронзовые зеркала (рис. 55).

Сохранилось также интересное упоминание о находке в 1903 г. на берегу реки Царицы каменной бабы. По данным А. Н. Минха, составителя историко-географического словаря Саратовской губернии (1902), на курганах, находящихся около Сарепты, были найдены три каменные бабы. Можно с большой долей вероятности считать, что эти находки имеют прямое отношение к половцам. Вероятно, половецким был курган, раскопанный в 1925 г. на Мамаевых буграх, в погребении которого, оказавшемся ранее ограбленным, была найдена серьга и несколько обломков железных наконечников стрел.

Приведенные данные свидетельствуют о достаточно плотном заселении кочевниками территории Волгоградской области в домонгольское время. Это связано с географической спецификой данного района, объясняющейся наличием двух крупнейших рек Европы — Волги и Дона, обеспечивающих стабильный запас воды, а их обширные поймы давали возможность запасать корма на зимние периоды. Непосредственное соседство Волги, Дона, Ахтубы со степью создавало прекрасные возможности для ведения кочевого хозяйства. Кроме того, эти реки являлись торговыми артериями, что позволяло кочевникам иметь дополнительный доход от взимания пошлин.

Золотая Орда. Период, связанный с Золотой Ордой, является одним из наиболее ярких в средневековой истории нашего края. На территории Волгоградской области и самого города сосредоточено большое количество зачастую уникальных памятников этого времени: городов, поселений, погребальных сооружений, оставленных различными народами.

Рис. 55. Бронзовые зеркала из погребений кочевников XIII—XIV вв.

Образование Золотой Орды связано с историей монголов, которые первоначально жили в Центральной Азии. Их кочевья простирались от Байкала до Великой китайской стены. В X—XI вв. они подразделялись на многочисленные племена и не имели еще собственного общего имени. Первоначально монголами называли только одно из этих племен; южную их группировку, соприкасающуюся с границами Китая, китайцы называли татарами. Общее название «монголы» для всех этих племен появляется только с XIII в., после их объединения. Часто для них используется и название «монголо-татары». Однако составной этноним не обозначает союза равных. Монголы и татары значительно отличались в этническом отношении. Есть основания относить татар к тюркоязычным народам, которые на первых порах соперничали с монголами за гегемонию на востоке евразийского степного пространства, но в конечном счете были разгромлены и покорены монголами. Сами монголы затем и другие покоренные народы стали называть татарами, отличая их от себя и подчеркивая их зависимость. Название «татары» было закреплено практически за всеми подчиненными народами, в том числе и половцами. Из этих народов монголы создавали военные подразделения, которые первыми бросали в сражения (Сафаргалиев, 1996, с. 303—306).

Объединил все монгольские племена Темучин, будущий Чингизхан. Он происходил из знатного рода. Темучин родился в феврале 1155 г. Монгольское предание гласит, что он появился на свет с крепко зажатым в руке комком крови, подобным красному камню. В девятилетнем возрасте он потерял отца. Его детство и юность были достаточно тяжелыми, что наложило определенный отпечаток на формирование его характера. Большое влияние на Темучина оказала мать, она воспитывала своих детей на примерах монгольского богатырского эпоса, великих подвигов, совершенных предками. Вот как на основании источников характеризует возмужавшего Темучина Э. Хаара-Даван: «Темучин вырос в юношу высокого роста, крепкого телосложения, с большими блестящими глазами; в нем уже развились черты характера: выдержка; он умел ждать и терпеть, и настойчиво стремиться к достижению поставленной себе цели, что уже показал в свои молодые годы. Черта властности также выявилась ярко в нем. Нрав у него был крутой, но эта черта уравнивалась обаятельностью личности, создавшей преданных ему людей. При

всем том он не был словоохотлив и начинал говорить не иначе, как после зрелого размышления» (Хаара-Даван, 1996, с. 101).

Завершение объединения монгольских племен и территорий Темучином пришлось на начало XIII в. В 1206 г. на съезде (курултае) высшей монгольской знати он был избран великим ханом (каганом) — повелителем всех монголо-татарских племен. Став великим каганом, он принимает другое имя — Чингизхан, под которым и стал широко известен в истории (рис. 56).

При Чингизхане были заложены основы монгольской государственности, базирующиеся на строгих военных принципах. Характерной ее чертой была улусная система. Улус — это часть территории, которая отдавалась, на условиях несения военной службы, во владение представителям правящей династии Чингизидов с их ближайшим окружением.

Сразу же после избрания великим каганом Чингизхан начинает проводить политику широких завоеваний. Уже к 20-м гг. XIII в. монголы завоевывают земли вплоть до Каспийского моря, а их передовые войска доходят до Днепра. В результате этих завоеваний образовалась гигантская Монгольская держава. Для более оперативного управления Чингизхан поделил ее территорию между сыновьями на улусы. Столицей всей Монгольской державы стал город Каракорум на реке Орхон в Монголии, основанный позже. Там находилась ставка великого кагана.

Старшему сыну Чингизхана Джучи достались земли от Иртыша до Каспийского моря, получившие название «улус Джучи». Джучи умер в 1227 г., за шесть месяцев до кончины своего отца. Чингизхан передал владение улусом своему внуку Бату (Батью), одному из старших сыновей Джучи. Есть основания считать, что восточная часть улуса была уступ-

Рис. 56. Чингизхан.
Бронзовый барельеф. Монголия

лена новому великому кагану Угедю, в виде компенсации Батыю разрешалось завоевание земель, располагавшихся западнее его улуса. К этому времени монголы находились уже вблизи реки Яик (Урал) и в пяти днях пути от границ Волжской Болгарии (Сафаргалиев, 1996, с. 293, 294). Завоевание монголами Восточной Европы было принято на курултае в 1235 г., состоявшемся в общемонгольской столице Каракоруме. Возглавить этот поход должен был Бату, ему были приданы дополнительные войска, возглавляемые знатными монголами, представителями правящего рода.

До этих событий монголы уже совершали в Восточную Европу поход разведывательного характера. В 1220 г. Чингизхан отправил армию в 30 тыс. воинов во главе с Джебе и Субедеем из Средней Азии через южное побережье Каспийского моря в Закавказье и Северный Кавказ. Эта армия, разбив грузин, через Дербент вышла в северокавказские степи. В первом сражении с объединенным войском народов Северного Кавказа, включавшим аланов, черкесов, половцев, монголы не добились успеха. Однако при помощи дипломатических ухищрений им удалось отделить от этого союза половцев, затем разгромить бывших союзников половцев, а потом в 1222 г. на Дону нанести сокрушительное поражение и самим половцам. Потери половцев были значительны, погибло два их хана. Монголы гнали половцев почти до Днепра.

Русские князья, обеспокоенные появлением у своих границ неведомого ранее противника, собравшись в Киеве, приняли решение перед лицом общей опасности совместно с половцами выдворить монголов из южнорусских степей. Было собрано большое войско, состоящее из киевских, смоленских, галицких, волынских, чернигово-северских, курских и владими́ро-суздальских полков (Толочко, 1999, с. 164, 165). Когда объединенная русская рать уже переправилась через Днепр, прибыли монгольские послы, которые стали убеждать великого киевского князя не выступать против них, утверждая, что их целью является подчинение только половцев. Они даже предлагали заключить союз с русскими князьями против половцев и отомстить им за все прошлые обиды. Русские князья не поддались на эти уговоры, однако поступили весьма опрометчиво, убив монгольских послов. В этом походе монголы, видимо, не ставили перед собой задачи непосредственного столкновения с русскими княжествами, к тому

их вынудили обстоятельства: убийство послов и активность русских князей.

Монголы избрали часто принимаемую ими в то время тактику военных действий. Поскольку русская армия в несколько раз превосходила монгольскую, Джебе и Субедей стали отступать в глубь степей, ограничиваясь мелкими стычками, создавая иллюзию бегства. Растянув на большом расстоянии русские полки, они неожиданно остановились у реки Калка и основными своими силами обрушились на русские войска. Известная в истории битва на реке Калке, состоявшаяся 31 мая 1223 г., закончилась жестоким поражением русских дружин. Армия монголов насчитывала примерно 25 тыс. человек, из которых 5 тыс. были кавказцы, присоединенные к монголам. В русской армии было 80 тыс. воинов (Хаара-Даван, 1996, с. 188). Разумная тактика и дисциплинированность монгольского войска и несогласованность действий русских полков, бегство с поля боя половцев решили исход этой битвы. На Калке было убито шесть русских князей, киевский полк потерял 10 тыс. человек убитыми, по данным летописей, из русского войска домой вернулся только каждый десятый (Толочко, 1999, с. 165).

После этой битвы монголы, ведомые Джебе и Субедеем, обогнув с севера Каспийское море, пройдя через земли волжских болгар, вернулись в Среднюю Азию, где тогда находилась ставка Чингизхана. Собранные сведения о народах и странах, их военном потенциале были переданы верховному правителю монголов. Субедей по несколько часов несколько дней информировал Чингизхана о своем походе, об увиденном и услышанном. Видимо, уже тогда у Чингизхана и его окружения сложилось убеждение в необходимости завоевания Восточной Европы. Было очевидным, что серьезной силы, способной остановить монголо-татар, там не существовало. Русь была раздроблена и не могла организованно мобилизовать все свои ресурсы для борьбы с ними, не было единства и в кочевом мире восточноевропейской степи.

Хроника событий завоевания монголо-татарами Восточной Европы выглядит следующим образом. Их поход начался с завоевания Волжской Болгарии осенью 1236 г. Затем зимой 1237 г. удар монголов приняла Северо-Восточная Русь, была взята и сожжена Рязань. В начале 1238 г. они разгромили Москву. По сообщению персидского историка, находившегося на службе у монгол, Джувайни, в течение нескольких

дней ничего от города не осталось, кроме его имени. Были взяты Суздаль, Владимир, затем пали Ростов, Углич, Ярославль, другие русские города. Монгольская армия двинулась на Новгород, но, не дойдя примерно 100 верст, повернула назад. Сказались, видимо, накопившаяся усталость и начавшаяся весенняя распутица. Северным русским городам удалось избежать разгрома. Летом 1238 г. армия Бату вышла на Дон и Нижнюю Волгу, где был дан отдых и восстановлена ее боеспособность.

Весной 1239 г. Бату начал новый поход на Русь, были разгромлены Переяславльское и Черниговское княжества. В том же году монгольский отряд во главе с ханом Менгу подошел к Киеву. Менгу направил в Киев послов с предложением сдать город монголам. Но киевляне отвергли это предложение, а послов убили. Менгу не решился на штурм Киева, видимо, в его распоряжении не было достаточно сил, к тому же Киев был довольно хорошо укреплен. Однако судьба Киева была уже предreshена. В ноябре 1240 г. армия Бату осадила Киев. Стенобитными машинами в крепостной стене Киева были пробиты бреши. Несмотря на ожесточенное сопротивление жителей, город был взят монголами. Последние его защитники погибли под развалинами Десятинной церкви. Собственно, в 1240 г. было завершено завоевание монголо-татарами русских княжеств.

К этому же времени монголами была полностью подчинена и половецкая степь. Часть половцев, во главе с ханом Котяном, в 1239 г. вынуждена была уйти в Венгрию. Другая их часть, оказавшая сопротивление монголам, во главе с Бачманом была разгромлена армией двоюродного брата Батыя Менгу. Достаточно подробные сведения о действиях отряда Бачмана сохранились в рассказе у Джувейни. Бачман вел партизанскую войну против монголов на Нижней Волге. Он нападал на их отряды и быстро скрывался в пойменных лесах Волги. Монголы долго не могли обнаружить его отряд и уничтожить. Наконец действия Бачмана заставили Менгу принять решительные меры. Он приказал построить 200 судов, на которые посадил по сто вооруженных воинов. Оставшихся воинов Менгу разделил на две части, одна из них во главе с его братом Бучеком пошла облавой по одному берегу Волги, другая во главе с самим Менгу — по другому берегу. В результате таких действий монголов Бачман был загнан на один из островов Волги, отряд его был разбит, сам

он попал в плен. Когда Бачмана привели к Менгу, он приказал Бучеку разрубить его пополам (Мыськов, 2003, с. 26, 27).

В 1241—1242 гг. монголы ведут завоевательные войны на территории Центральной Европы. Они выходят на побережье Адриатического моря, достигают современных территорий Австрии и Германии. За два года монголы не проиграли здесь практически ни одного сколько-нибудь значимого сражения. О силе монгольской армии, ее превосходстве в военном искусстве над европейскими армиями свидетельствует такой факт. В 1241 г. 9 апреля в сражении под Легнице монголы нанесли сокрушительное поражение объединенному войску польских, немецких, моравских и французских рыцарей. Через два дня на реке Шайло они громят 60-тысячную армию венгерского короля. Причем эти победы были одержаны разными подразделениями монгольской армии.

В конце 1241 г. монголы неожиданно прекращают западный поход. Бату собирает свою армию в низовьях Дуная, а затем возвращается в половецкие степи. Существует много версий о причинах, приостановивших завоевания монголов на западе. Высказывавшиеся ранее соображения об ослаблении монгольской армии в период завоевания Восточной Европы, о необходимости постоянно подавлять вспышки народного сопротивления в уже завоеванных странах в контексте общих событий не выглядят убедительными. Источники свидетельствуют, что монголы в Центральной Европе осуществляли завоевания отнюдь не на пределе своих сил. Начавшаяся в Европе паника является свидетельством того, что там не было силы, способной остановить войско Бату. Он мог достичь берегов Атлантического океана.

Более убедительным является предположение о том, что к тому времени в среде монгольской аристократии складываются две точки зрения на дальнейшую судьбу своего гигантского государства. Одни придерживались мнения о необходимости дальнейших завоеваний, другие считали, что завоевания необходимо прекратить и заняться государственным устройством. Бату, скорее всего, придерживался второй точки зрения, полагая, что эффективно управлять огромными территориями невозможно. Повинуясь общему решению, утвержденному великим каганом Угедеем, вести завоевания на западе, он приостанавливает их сразу же после его смерти, вероятно, считая себя уже не связанным приказом верховного главнокомандующего о необходимости продолжения

военных действий в западном направлении (Мыськов, 2003, с. 31—41).

В чем заключался успех монголов, создавших империю неведомых дотоле размеров — от Тихого океана до Средиземного моря? Причем, кроме завоеваний в Европе, ими были подчинены Китай, Иран, Афганистан, государства Средней Азии. Одним из наиболее распространенных мнений о причинах успехов монголов является представление о неисчерпаемых людских ресурсах их державы. В этом есть определенная доля правды, но не вся она. В целом ряде исследований предпринимались попытки вычислить количественный состав армии Бату. В некоторых из них указывается число от 150 до 300 тыс. человек (Толочко, 1999, с. 167) и даже 50—60 тыс. (Мыськов, 2003, с. 25). Много это или мало? Подавляли ли монголы другие народы численностью своей армии? В этом отношении интересны подсчеты демографического потенциала Руси накануне монгольского нашествия, по всем княжествам, который равнялся примерно 12 млн человек (Толочко, 1999, с. 167). Если исходить из принятой нормы соотношения пригодных к несению воинской службы как один на каждые пять человек, то русские княжества могли выставить общую армию более чем в 2 млн человек. Следовательно, не все здесь сводилось только к количественным факторам. Монголов на момент их завоеваний отличали высочайшая дисциплина, продуманная военная тактика, использование ресурсов подчиненных народов для дальнейших завоеваний. Все эти слагаемые, да еще пассионарный дух победителей обеспечивали монголам победы над многими армиями, иногда значительно превосходящими их по численности, как это было в битве при Калке и в ряде других случаев (рис. 57). Из среды монголов вышла целая плеяда выдающихся полководцев средневековья. В исторической литературе основателя Монгольской империи Чингизхана часто сравнивают с такими великими полководцами и государственными деятелями, как Наполеон или Александр Македонский, и даже ставят выше их, поскольку империя Наполеона пала еще при его жизни, а держава Александра — сразу же после его смерти. Империя же Чингизхана пережила своего создателя, и когда она распалась на ряд государств, в них долгое время правили его потомки.

Бесспорным является и то, что ни в Восточной, ни в Центральной и Западной Европе не нашлось силы, способной

объединить значительные военные ресурсы в борьбе против монголов. Их раздробленность во многом облегчала достижение успеха завоевателями.

История образования Золотой Орды очень слабо отражена в письменных источниках. После окончания завоевательных походов территория улуса Джучи значительно увеличилась. Улус был разделен между Бату и его братом Ордой. Восточные его земли отошли к Орде и стали именоваться Кок Орда (Синяя Орда), а западные — к Бату, они назывались Ак Орда (Белая или Золотая Орда). Арабские географы, определяя территорию Золотой Орды при хане Узбеке (первая половина XIV в.), восточной ее границей называли реку Иртыш, а на западе — Черное море. Это расстояние равнялось 800 фарсахам (4800 км). С севера на юг ее владения простирались от Волжской Болгарии до Дербента на Кавказе, протяженностью 600 фарсахов (3600 км) (Сафаргалиев, 1996, с. 299). Примерно таковой территория была и при Бату, поскольку золотоордынские ханы не вели каких-либо широкомасштабных войн с целью расширения своих владений. Все эти земли, с момента их завоеваний, входили в состав Монгольской империи во главе с верховным каганом.

Но уже при первом хане Бату Золотая Орда во многом проводила независимую от центральной монгольской власти политику, хотя считалась частью общей Монгольской империи. У Бату были весьма напряженные отношения с великим каганом Гуюком. Распри начались еще во время похода Батыя на Русь, в котором участвовал и Гуюк, бывший тогда царевичем. Великий каган Угедей, отец Гуюка, не желая обострения отношений между Бату и Гуюком, вынужден был отозвать последнего с его людьми в свое распоряжение. Исследователи рассматривают враждебные отношения между Бату и Гуюком как борьбу двух чингизидских кланов, Угедея и Джучи, за влияние в империи (Сафаргалиев, 1996, с. 296). После воцарения Гуюка дело чуть не дошло до военного столкновения между ним и Бату.

После смерти Гуюка на курултае пост великого кагана был предложен Бату как старшему и наиболее авторитетному в роде Чингизидов, но он отказался от предложения, заявив: «Мне и моему брату Берке принадлежит уже в этом крае столько государств и владений, что распоряжаться им, да вместе с тем управлять областями Китая, Туркестана и Ирана невозможно». Бату выдвинул кандидатуру Менгу, другого

Рис. 57. Воины монгольской армии

внука Чингизхана, который при активной поддержке Бату и стал великим каганом (Сафаргалиев, 1996, с. 298). В дальнейшем Бату вел себя как равный с великим каганом. Накапливающиеся в огромной Монгольской империи противоречия, причиной которых часто была борьба элиты за власть, неминуемо вели к ее распаду и превращению отдельных частей в самостоятельные государства. С значительной долей вероятности можно утверждать, что уже при хане Берке, брате Бату, Золотая Орда практически вышла из состава общемон-

гольского государства. Существует предположение, что это событие произошло сразу же после окончательного утверждения великим каганом Хубилая (после затянувшейся борьбы за власть с его братом Ариг-Бугой, которого активно поддерживал Берке). Хубилай стал великим каганом в 1264 г. (Мысков, 2003, с. 85).

Вся территория Золотой Орды, вероятно, делилась на левое (восточное) и правое (западное) крыло, а также центр, что характерно для раннегосударственных образований тюркско-монгольских народов. Центром являлся ханский домен, в который входило Поволжье — от дельты Волги до Камы. Западной его границей, скорее всего, был Дон, а восточной — река Урал. Таким образом, вся территория современной Волгоградской области входила в состав домена золотоордынских ханов. Кроме того, источниками отмечено деление территории Золотой Орды на более мелкие улусы, в пределах которых кочевали другие представители рода Джучидов. На время основания Золотой Орды вся вновь образовавшаяся территория улуса Джучи была поделена на наследственные владения между 14 его сыновьями, которые в своих улусах считали себя самостоятельными правителями. «Следовательно, каждый из братьев Батыя, стоявший во главе улуса, считал себя государем своего улуса и не признавал над собой никакой власти» (Сафаргалиев, 1996, с. 313). В такой системе отчетливо просматриваются родовые традиции, когда каждый член высшего звена рода должен иметь равные права на собственность и власть. По такому же принципу первоначально была разделена и Монгольская империя. Из сочинения Рашид-ад-Дина, персидского автора второй половины XIII — начала XIV вв., следует, что Джучиды признавали своим верховным правителем представителей клана Бату. «...У них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их пишут сверху своих ярлыков» (Тизенгаузен, с. 410). Давняя монгольская традиция подчинения старшему члену рода младших была закреплена при Чингизхане и играла существенную роль при престолонаследии. В Золотой Орде на момент ее образования старшим из Чингизидов был Бату, к тому же огромный его авторитет способствовал выбору золотоордынских ханов из его клана. Ханская власть у монголов не обязательно передавалась по прямой линии, от отца к сыну. На нее могли претендовать и представители других

уровней родства — племянники или кузены. Прижизненное завещание трона обычно у монголов не практиковалось. В истории Золотой Орды не раз бывали случаи, когда претендентов на верховную власть было несколько, что приводило к созданию противоборствующих группировок и серьезным конфликтам, расшатывающим устои государства (Мыськов, 2003, с. 49). Цементирующая роль обычного права в государственной структуре Золотой Орды имела место в начальный период ее истории, впоследствии уступив «место феодальному праву, при котором сохранение единства Джучиева улуса сделалось невозможным» (Сафаргалиев, 1996, с. 315).

Новые завоеватели Восточной Европы заняли непосредственно степные пространства. Монголы и пришедшие с ними с востока другие народы были кочевниками, и степь для них была естественной экологической нишей. Поэтому с самого начала их отношение к народам, населявшим восточноевропейские степи, и народам, обитавшим в других географических зонах, было различным. По отношению к половцам, бывшим хозяевам степи, монголы проводили политику, связанную с ликвидацией их знати. Она или уничтожалась физически, или переселялась в другие районы империи. По крайней мере в золотоордынское время неизвестно ни одного имени половецкого хана, хотя, видимо, значительная часть половцев составляла кочевое население степи, что нашло отражение и в наименовании степного пространства, подвластного Золотой Орде «Дешт-и-кыпчак». Половецкая знать была заменена монгольской, рядовое половецкое население было распределено между представителями правящей династии Золотой Орды.

С русскими княжествами с традиционно оседлым образом жизни монголы выстраивали совершенно иные отношения. Княжеское управление там было сохранено, только теперь русские князья являлись вассалами золотоордынских ханов и право на княжение получали в их ставке. То же самое можно сказать об аланах, черкесах, мордве, башкирах, попавших в зависимость от монголов. Для контроля над местными правителями ханами Золотой Орды был введен институт баскачества. Хан через баскаков следил за своими вассалами, часто вмешиваясь в их внутренние дела, сталкивая их между собой, разрушая почву для возможных объединительных тенденций своих подчиненных.

Одним из вопросов, который неоднократно рассматривался в специальной литературе, является определение численности собственно монгольского населения в Золотой Орде. Сейчас процентное соотношение монголов к остальному населению установить невозможно, однако исследователи едины во мнении о том, что монголы не составляли большинства. Источники свидетельствуют, что в армии Бату монголов было гораздо меньше, чем других народов, попавших в ее состав после их завоевания (Сафаргалиев, 1996, с. 307). Рашид-ад-Дин, например, сообщает, что Чингизхан при выделении своему старшему сыну Джучи улуса передал ему четырех эмиров с четырьмя тысячами войска. Армии же золотоордынских ханов состояли из их потомков, а также «из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» (Тизенгаузен, 2003, с. 405). Основным языком в Золотой Орде был половецкий. Купцы, отправлявшиеся в Орду, нанимали переводчиков, знавших половецкий язык. В самом начале XIV в. в Италии для венецианских купцов был составлен специальный словарь половецкого языка (*Codex Cumanicus*). Бесспорно, монголы Золотой Орды знали свой язык и говорили на нем, но основным был тюркский половецкий язык. Постепенно монголы утрачивали многие черты своей культуры, сливаясь с местным населением. Яркую картину в этом отношении нарисовал арабский писатель середины XIV в. Ибн Фадлаллах ал-Омари: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары (монголы), то кипчаки сделались их подданными. Потом они (монголы) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монголов), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступили в брак с ними и остались жить в земле их (кипчаков)» (Тизенгаузен, 2003, с. 105).

Исследователи, ссылаясь на источники, не раз отмечали лояльное отношение монголов к религиям других народов и их священнослужителям. В самой Золотой Орде широкое распространение получил ислам. Еще в дозолотоордынское время ислам начал проникать на территорию, впоследствии вошедшую в ее состав. Мощным фактором исламского влияния был Арабский халифат. Через Среднюю Азию ислам вместе с перемещением населения проникал в Хазарский

каганат, где в городах Итиле, а затем и Саксине образовались мусульманские общины. В 922 г. ислам приняла Волжская Болгария. Распространение ислама в улусах бывшей империи Чингизхана объясняется тем, что монголы завоевали значительную часть мусульманского мира: государства Средней Азии, Волжскую Болгарию и саму территорию бывшего халифата, в 1258 г. пала его столица — Багдад (Малов и др., 1998, с. 95). Первым ханом Золотой Орды, принявшим ислам, был Берке, но этот факт не означал неременной исламизации всего населения. В то время, в 50—60-е гг. XIII в., вслед за ханом ислам приняло незначительное число монгольской знати. Основную же массу кочевого населения новая религия затронула весьма слабо. Тем не менее нахождение у власти хана-мусульманина имело определенное значение как для внутренней жизни, так и для внешнеполитических отношений Золотой Орды. Укрепляется ее международное положение, выразившееся, например, в установлении дипломатических отношений с мусульманским Египтом. В самой Орде усиливается влияние мусульман, выходцев из Хорезма и Волжской Болгарии, занимавших государственные должности. Особенно активную роль они начинают играть в создании административно-налоговой системы, занимаясь откупом дани. Их беспредел часто вызывает восстания в русских городах против «бесерменского насилия» (Малов и др., 1998, с. 98). Влияние ислама отразилось на облике золотоордынских городов, обнаруживавших ближайшее сходство с городами мусульманских стран, неременным атрибутом которых являлись мечети, медресе, караван-сарай.

Государственной религией в Золотой Орде ислам становится с времени правления хана Узбека, с приходом его к власти (1312) была подавлена имевшая оппозиция исламу. В историческом труде Ибн Халдуна есть упоминание о том, что Узбеком было убито несколько эмиров, не поддерживавших его протекционистской политики по отношению к исламу (Тизенгаузен, 2003, с. 173). Другой средневековый автор Ибн Батута называл Узбека «сокрушителем врагов Аллаха» и «борцом за веру в войне с ними». В описании города Сарая — столицы Золотой Орды времени правления Узбека, оставленном этим автором, отмечается, что «...в нем (Сарае) 13 мечетей для соборной службы ... Кроме того, еще чрезвычайно много (других) мечетей» (Тизенгаузен, 2003,

с. 142, 143). С принятием ислама в Золотой Орде он становится официальной идеологией, на которую опиралась ханская власть. Ислам меняет в государстве и правовые основы, вводя в практику законы шариата, которые приходят на смену старым правовым нормам монголов, зафиксированным в Ясе Чингизхана (Малов и др., 1998, с. 111).

В 1261 г. при правлении хана Берке, принявшего ислам, была открыта Сарайская православная епископия, и первым ее епископом был Митрофан. Всего их было около пятнадцати. Необходимость открытия епископии была вызвана наличием христианского населения в Золотой Орде, христиане были среди половцев, аланов, северопричерноморских греков. Были, видимо, христиане и среди монголов. Известно, что сын Бату Сартак был христианином, видимо, несторианского толка. В Орде было много русского населения: переселенцы, пленные, купечество. Орду часто посещали русские князья с сопровождающими людьми, которые иногда удерживались там по нескольку лет. Кроме того, как полагают, ханская власть была заинтересована в укреплении дипломатических отношений с Византией и православная епископия могла содействовать этим устремлениям (Полубояринова, 1978, с. 24).

Следует сказать об особом отношении золотоордынской власти к православному духовенству. Сохранились ханские ярлыки, в которых речь шла о различных льготах, оказываемых ему. Духовенство освобождалось от всех повинностей, за ним закреплялось все имущество: земля, воды, мельницы и пр. Церковные люди могли свободно передвигаться по территории Золотой Орды. За преступления по отношению к церковному имуществу или оскорбление веры полагалась смертная казнь. Однако все эти привилегии соблюдались обычно в мирное время. Во время же походов ханских армий против русских княжеств часто разрушались церкви и монастыри. Так произошло, например, во время нападения на Москву Тохтамыша в 1382 г., когда были убиты многие священники, в том числе и высшие иерархи (Полубояринова, 1978, 23).

Сарайская православная епископия, кроме прямых своих обязанностей, связанных с обеспечением духовных потребностей христианского населения Золотой Орды, выполняла еще одну важную миссию, сдерживая проникновение католицизма на ее территорию. Католическая церковь, пре-

следуя свои политические цели, была заинтересована в распространении влияния на земли, завоеванные монголами. С благословения римского папы туда направлялись монахи-миссионеры с посланиями монгольским ханам, в которых содержались предложения принять католицизм. Им же предписывалось собирать всю информацию о странах и народах, подчиненных монголам. Из числа таких миссионеров нам наиболее известны Плано Карпини, Гильом Рубрук, сочинения которых дошли до нашего времени и являются важными источниками.

Настойчивость папского двора позволила открыть в Сараяе католическое епископство. Это произошло при хане Узбеке в 1315 г., более чем через полвека после основания православной епископии. Оно просуществовало до конца XIV в., когда было ликвидировано Тимуром. Сарайская же православная епископия действовала до 1480 г. и, как полагают, была переведена в Москву (Полубояринова, 1978, с. 31). Деятельность православной церкви на территории Золотой Орды была намного успешнее, нежели католической. Письменные источники и археологические исследования свидетельствуют о наличии во многих золотоордынских городах церквей, что говорит о достаточно большом числе христиан среди их населения. Сарайские епископы, насколько это было возможным, пытались влиять на отношения хана с русскими князьями. Находясь в столице, они были осведомлены о складывающейся здесь политической конъюнктуре, о которой могли информировать как русскую церковь, так и светскую власть в русских княжествах.

Золотая Орда была многоэтничным государством, кроме монголов и половцев, на ее территории проживали болгары, русские, хазары, аланы, черкесы и другие народы. Особенно пестрым в этническом отношении было население развивающихся городов Золотой Орды, в которые ханской администрацией переселялся из Средней Азии, Кавказа, Крыма, Руси мастеровой люд, оседавший потом в этих городах.

Строительство городов, развитие городской культуры является одним из феноменальных явлений истории Золотой Орды. В домонгольское время население степи не имело прочных традиций оседлости. Так, в Поволжье источники упоминают только два города: Итиль и Саксин. Те скудные сведения, которые имеются о них (археологически они пока убедительно не идентифицированы), позволяют говорить о

слабо развитой городской инфраструктуре. К тому же они не оказали существенного влияния на традиционный кочевой уклад жизни населения региона. Картина в корне меняется после завоевания монголами восточноевропейских степей. Древняя традиционная культура монголов, кочевая в своей основе, также не знала городов, более того, враждебно к ним относилась. К сторонникам уничтожения городов относился сам основатель Монгольской империи Чингизхан. Что же привело монголов после завоевания к активной градостроительной деятельности? Объяснение этому феномену заключается в необходимости управлять огромными территориями из постоянных центров, в формировании чиновничьего аппарата, занимающегося общегосударственными делами, который должен был где-то располагаться. В города должны были стекаться поступления по налогам и дань, здесь принимались многочисленные дипломатические миссии, осуществлялась разнообразная канцелярская деятельность, хранились архивы. Кочующая ставка хана не была пригодной для всех этих целей. Империю можно было создать сидя на коне, но управлять ею, сидя на коне, было невозможно. Города становились экономическими центрами, в них поселялись купцы и ремесленники. С распространением в Золотой Орде ислама города превращались и в культовые центры.

В Орде уже при Бату начинается восстановление старых городов и строительство новых, при нем было начато строительство столицы государства, города Сарая, располагавшегося в низовьях Волги, в 150 км к северу от Астрахани. Одной из схем образования золотоордынских городов является заселение территории вокруг стационарной зимней ставки хана, где начинает постоянно проживать чиновничество, селятся купцы и ремесленники. Именно так закладывались основы столицы — Сарая, что в переводе означает «дворец». Некоторые населенные пункты создавались по распоряжению ханов, как, например, транзитные пункты на торговых путях, обеспечивающих перевозки через реки.

Золотоордынские города имели восточный облик. В значительной мере это объяснялось господством ислама в Золотой Орде, а также тем, что на строительство своих городов монголы вывезли из Средней Азии большое число ремесленников, которые принесли с собой свои градостроительные традиции. В городах возводились мечети с минаретами, медресе, мавзолеи, караван-сарай, бани. На территории Зо-

лотой Орды находилось около 80 городов, причем более половины из них располагались по берегам Нижней и Средней Волги (Федоров-Давыдов, 1981, карта). Большинство из этих городов было построено заново, наиболее известные из них Хаджи-Тархан, Сарай, Гюлистан, Увек.

Особо крупного размаха строительство городов достигает в первой половине XIV в. при ханах Узбеке и Джанибеке. В это время значительно расстраиваются существующие города и строятся новые. Так, например, население столицы Золотой Орды Сарая, по данным источников, составляло 75 тыс. человек, что по меркам того времени было показателем достаточно крупного города (Егоров, 1997, с. 74, 75). Появляются обширные зоны сплошного заселения. Один из таких районов возникает там, где сейчас находится Волгоград, в месте наибольшего сближения Волги и Дона. Другой — по левому берегу Ахтубы, практически от современного Волжского до Астрахани, где наряду с крупными городами располагались небольшие поселения, усадьбы золотоордынской знати, различного рода производственные комплексы, мавзолеи, обширные курганные могильники. Саратовский краевед А. Леопольдов, посетивший эти места еще в XIX в., писал, что вдоль Ахтубы «встречаются замечательные развалины каменных зданий. Начинаясь подле селения Безродного или Верхне-Ахтубинского, они тянутся верст на 70 ... Развалины сии то часты, то редки, то обширны и велики, то малы и незначительны, однако везде выказывают кирпич, глину, известь. Далее от с. Пришиб до деревни Колобовщины на 15 верст видны развалины почти сплошные и большею частью огромные» (Егоров, 1985, с. 111).

Одним из наиболее распространенных материалов для строительства был обожженный кирпич, который производился на месте. Он изготовлялся по определенному стандарту и имел квадратную форму. Для строительства нижеволжских городов чаще всего использовался кирпич следующего формата: 21—22 x 21—22 x 4—4,5 см. Он отличался достаточно хорошим качеством, что впоследствии сыграло негативную роль в сохранении запустевших городов Золотой Орды после ее падения. На их месте начиная с XVII в. образовывались каменоломни по добыче и вывозу кирпича для строительства Астрахани, Царицына, Саратова, использовался кирпич с городищ и людьми, селившимися по соседству. До современных археологов золотоордынские города дошли в

очень разрушенном состоянии, кирпич на многих постройках был выбран зачастую до основания, и требовалась кропотливая работа, чтобы разобраться в планировке и назначении того или иного помещения.

Особенностью городов Золотой Орды было отсутствие мощных оборонительных сооружений, которые являлись обязательными для большинства городов других средневековых государств. Безопасность собственных городов обеспечивала армия хана.

Расцвет золотоордынских городов хотя и был бурным, но недолгим. Известный исследователь Золотой Орды Г. А. Федоров-Давыдов писал по этому поводу: «Пока была сильна центральная власть, города процветали. Но стоило этой власти пошатнуться и ослабнуть — они сразу пришли в запустение. Их неспособность пережить ослабление политической власти было следствием того, что они строились на пустом месте, на привозных материалах и людских ресурсах, не были связаны с окружающими их кочевыми степями, искусственно поддерживались правительством. Золотоордынские города, пышно расцветшие в XIV в., оказались историческим «пустоцветом» и в XV в. не оставили после себя ничего, кроме величественных руин и воспоминаний» (Федоров-Давыдов, 1981, с. 231—235).

Наивысшего расцвета Золотая Орда достигает при хане Узбеке (1312—1342), правившем тридцать лет. Он принял ряд мер, направленных на усиление централизации управления государством. Практически ликвидируется такая форма коллективного органа управления, как курултай. Основная власть сосредоточивается в руках хана. Прежние улусы преобразованы в области во главе с эмирами, которые подчиняются государственному совету — «дивану». Значительно ограничена самостоятельность царевичей, со времен Батыя получивших в управление отдельные улусы. Они подчинены ханской администрации. Значительно возрос международный авторитет Золотой Орды, соседние государства стремились установить с ее правителем не только дипломатические, но и родственные связи. Известный арабский путешественник Ибн Батута так писал об Узбеке: «Этот султан обладатель огромного царства, силен могуществом, велик саном, высок достоинством... Владения его обширны и города велики. В числе их Кафа, Крым, Маджар, Азов, Судак, Хорезм и столица его Са-

рай. Он один из тех семи царей, которые величайшие могущественнейшие цари мира ...» (Тизенгаузен, 2003, с. 132).

Золотая Орда оставалась сильным государством и при следующем хане Джанибеке (1343—1357), который захватил власть, физически устранив своих соперников — родных братьев. Такие действия претендентов на власть были весьма характерными для политической борьбы в Золотой Орде. Сам Джанибек также пал жертвой заговора, в котором, видимо, принял участие его сын Бердибек. Придя к власти, Бердибек устроил бойню ближайшим родственникам, уничтожив всех своих братьев, одному из которых было 8 месяцев от роду (Сафаргалиев, 1996, с. 374, 375).

Бердибек продержался у власти всего два года, в 1359 г. он был убит со многими сторонниками в результате очередного заговора. После его убийства начинается длительный период дворцовых переворотов, непрерывно следующих друг за другом, получивший название «великой замяти». За двадцать лет между 1359 и 1379 гг., до восхождения на престол Тохтамыша, в Золотой Орде успело смениться 25 ханов. Золотая Орда теряет международный авторитет, утрачивает свой контроль над рядом территорий: Азербайджаном, Хорезмом. Чисто формальной становится зависимость от Золотой Орды северо-восточных русских княжеств, которые практически перестали выплачивать ей дань. Значительно усиливается тенденция распада Золотой Орды на самостоятельные княжества. В этот период в западных улусах Орды увеличивается влияние темника Мамай. Не будучи Чингизидом, он правил через подставных ханов, которым помогал прийти к власти. Ему удалось подчинить все улусы, располагавшиеся к западу от Волги. Его владения стали именоваться «Мамаевой ордой». Золотая Орда, таким образом, утратила свою территориальную и политическую целостность. Мамай предпринимает попытки вернуть к повиновению русские княжества, используя дипломатию, но она ожидаемого результата не дала. Татары усиливают грабеж русских земель, но сталкиваются с активным военным сопротивлением. Так, посланное Мамаем в 1378 г. войско во главе с князем Бегичем было разбито на территории Рязанского княжества московским князем Дмитрием Ивановичем. В этом сражении погибло много золотоордынских князей, в том числе и сам Бегич.

Для укрепления своего положения в Золотой Орде Мамаю необходима была победоносная война против русских княжеств. Мамай провел достаточно большую подготовку по сбору войска, кроме татар, в него входили ясы, черкесы, буртасы и даже венецианцы и генуэзцы из крымских городов. К Мамаю должен был присоединиться литовский князь Ягайло со своим войском. Мамай принудил выступить на его стороне и рязанского князя Олега.

Борьбу против Мамая возглавил московский князь Дмитрий Иванович, впоследствии названный Донским. Историки полагают, что Дмитрию Донскому удалось собрать войско в 100 или 150 тыс. воинов, силы Мамая превосходили русское войско, но вряд ли намного (Сафаргалиев, 1996, с. 395).

Произошедшее в 1380 г. известное сражение на Куликовом поле закончилось полным разгромом армии Мамаёя. Куликовская битва имела большое значение для дальнейшей консолидации русских сил в борьбе за окончательное освобождение от монголо-татарского ига. Концентрация сил происходила вокруг Москвы, которая заняла лидирующее положение в этой борьбе. Но до полного освобождения было еще далеко.

Поражение Мамая на Куликовом поле в определенной мере способствовало приходу к власти в Золотой Орде Тохтамыша, которому удалось на время приостановить междоусобицы и восстановить единство. Он захватил и казнил Мамаёя, раздав его имущество своим воинам. В 1382 г. армия Тохтамыша осадила и через три дня штурмом взяла Москву, подвергнув ее разграблению и сильному разорению. Победитель татар на Куликовом поле Дмитрий Донской признал свою зависимость от Тохтамыша, а его старший сын Василий был отправлен в Золотую Орду в качестве заложника.

На первых порах Тохтамыш опирался на поддержку могущественного среднеазиатского эмира Тимура (Тамерлана), который преследовал цель, используя послушного Тохтамыша, присоединить улус Джучи к своим владениям. Однако через несколько лет Тохтамыш начинает проводить независимую, более того — враждебную политику по отношению к Тимуру. Десятилетнее противостояние (1385—1395) Тохтамыша и Тимура закончилось победой последнего. В апреле 1395 г. в решающем сражении на реке Терек золотоордынская армия во главе с Тохтамышем потерпела сокрушительное поражение. Армия Тамерлана произвела невиданные до

того по своим масштабам разрушения на территории Золотой Орды. Особенно тяжелый удар был нанесен по ее городам, многие из которых уже не смогли возродиться. У правителей Золотой Орды не было уже ни сил, ни средств на их восстановление.

Вся последующая история Золотой Орды — это почти непрекращающаяся борьба различных группировок за сферы влияния не только в рамках всего государства, но и в отдельных его районах. В эту борьбу наряду с представителями, относившими себя к правящему роду, активно включилась и местная аристократия, выступавшая против верховной ханской власти. Все это приводило к ослаблению Золотой Орды и разрушению ее целостности. В XV в. набирает силу процесс распада Золотой Орды на отдельные ханства. Образуются Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства, Большая Орда. Во второй половине XV в. хан Большой Орды Ахмат еще пытался считать себя верховным главой всех ханств, образовавшихся на территории бывшей Золотой Орды, но фактически он правил только в пределах своей Орды, территория которой простиралась между Волгой и Днепром (Сафаргалиев, 1996, с. 514).

Одновременно с распадом Золотой Орды набирало силу Московское государство, особенно усилившееся при князе Иване III. Русские земли стали объединяться вокруг Москвы. Решающее событие, связанное с освобождением русских от монголо-татарского ига, произошло в 1480 г. и получило название «стояние на Угре». Две армии — русская во главе с Иваном III и татарская во главе с ханом Ахматом — долгое время стояли друг против друга, разделяемые рекой Угрой, не решаясь вступить в сражение. Ахмат уже не представлял всю Золотую Орду, более того, в оппозиции к нему находились Крымское и Сибирское ханства, а также Ногайская орда, поддерживающие московского князя. Видимо, сложная политическая ситуация не позволила Ахмату вступить в рискованное сражение с русской армией. В случае неудачи он мог потерять все свои владения, что и заставило Ахмата увести свою армию, так и не вступив в сражение.

С образованием после распада Золотой Орды целого ряда враждующих между собой государств создались благоприятные условия для устранения негативных последствий монголо-татарского господства на русской земле и формирования Российского государства.

До сих пор, говоря о государстве, основы которого были заложены Бату, мы называли его Золотой Ордой. Однако это название появилось гораздо позже, когда государство уже перестало существовать. А во время его существования не было какого-то общепринятого названия. В сочинениях арабских и персидских авторов употреблялся географический термин «Дешт-и-Кипчак» или оно именовалось по имени правящего хана с некоторыми уточнениями, например, «Токта, царь татарский». В русских летописях, когда речь заходила о поездках русских князей в Золотую Орду, первоначально говорилось ехать «в татары» или возвращаться «ис татар». С 80—90-х гг. XIII в. на смену наименованию «татары» приходит название «Орда», которое с XIV в. употребляется во всех русских летописях и официальных документах. Название же «Золотая Орда» в русских письменных источниках появляется только со второй половины XVI в. Его происхождение, как полагают, связано с рассказами о золотом шатре монгольских ханов, который не однажды упоминается в письменных источниках XIII—XIV вв. (Егоров, 1985, с. 151—153). Так, например, один из китайских послов сообщал, что когда он «прибыл в степи, (черные татары) установили золотой шатер. Думаю, это потому его поставили, чтобы показать величественное зрелище послу, которого лично отправил император нашей династии» (Тизенгаузен, 2003, с. 149). Такие шатры были и у золотоордынских ханов, что говорит об общемонгольской традиции. Ибн-Батута оставил описание «золотого шатра» хана Узбека. Говоря о порядках, введенных при дворе этого хана, он отметил: «Одна из привычек его (та), что в пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он (стоит) из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листьями; ножки его из серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями» (Тизенгаузен, 2003, с. 132).

Поскольку Нижнее Поволжье являлось центральной и даже столичной областью Золотой Орды, здесь сохранилось довольно большое количество археологических памятников этой эпохи, среди которых, безусловно, первое место занимают остатки больших и малых городов. В непосредственной близости от Волгограда, в Ленинском районе у с. Царев, некогда располагался большой золотоордынский город, ко-

торый в разное время исследовался археологическими экспедициями. В настоящее время это всхолмленная местность, вытянувшаяся вдоль реки Ахтубы, скрывающая остатки городских построек. В научной литературе этот памятник принято называть Царевским городищем. Существуют различные версии о его статусе и названии в прошлом. Распространенным является мнение, что это вторая столица Золотой Орды — Новый Сарай (Сарай ал-Джедид), начавшая строиться при хане Узбеке между 30-м и 40-м гг. XIV в. и разрушенная в 1395 г. Тимуром.

На сохранившихся планах, снятых еще в первой половине XIX в., достаточно хорошо прослеживается планировка города, на одном из них можно насчитать до 1550 отдельных домов. Хорошо просматривается центральная площадь, от которой к окраинам расходятся улицы. Окраины имели усадебную планировку. Первоначально город не имел оборонительных сооружений. Только в 1360-е гг., во время «великой замятии» в Золотой Орде, вокруг него были возведены вал и ров.

Город, располагавшийся на месте Царевского городища, сильно пострадал не только от тимуровского погрома. В XVII в. вывоз кирпича из сохранившихся его построек был поставлен на поток. Ломкой кирпича здесь занимались царицынские стрельцы. Особенно много его на лодках вывозилось в Астрахань для строительства крепостной стены, монастыря и церквей. Известный путешественник Адам Олеарий в 30-е гг. XVII в. видел такие лодки, груженные кирпичом, направлявшиеся в Астрахань. Золотоордынский кирпич использовался и для строительства царицынских церквей, в том числе, вероятно, и для Иоанно-Предтеченской приходской церкви (Материкин, 1998, с. 182—185).

Наиболее крупные археологические раскопки на территории городища производились в середине XIX в. и с 1959 по 1973 г., а также несколько последних лет. Полная научная информация существует только по последним двум периодам раскопок. Первым раскопки здесь начал А. В. Терещенко, они велись в течение 9 лет, с 1843 по 1851 г., и были вызваны следующими причинами. С этих мест все чаще стали поступать сведения об интересных и довольно ценных находках, обнаруженных в результате случайных раскопок местным населением. Особый резонанс получила находка в Царевском уезде золотой короны весом в полфунта, якобы при-

надлежавшей хану Джанибеку. Эта корона была приобретена сарептским пастором Цвиком в 1840 г. и затем вывезена в Германию. Длительное время она хранилась в музее университета города Иены (Жиромский, 1959, с. 115), но затем бесследно исчезла, и до сих пор не известно, как она выглядела. Эта находка привлекла внимание саратовского губернатора А. М. Фадеева, который обратился к министру внутренних дел Л. А. Перовскому с просьбой организовать раскопки в тех местах с целью обнаружения уникальных вещей. Министр дал согласие. Руководство раскопками было поручено титулярному советнику А. В. Терещенко, работавшему в Румянцевском музее, где он занимался описанием древних рукописей, монет и других вещей. Его перу принадлежал труд «Быт русского народа», то есть в отношении исторических знаний он был подготовлен основательно.

Надо отметить, что раскопки Царевского городища А. В. Терещенко проводились, так сказать, на заре российской археологической науки. В то время еще не существовало хорошо разработанных методик раскопок археологических памятников, способов фиксации и составления научной документации. Конечно, то, что известно о способах раскопок А. В. Терещенко, не соответствует современным требованиям. А. В. Терещенко вел дневники раскопок, в которых наиболее тщательное описание относилось к первым годам работ. Власти, организовавшие экспедицию, требовали от него сенсационных находок, что заставляло увеличивать объем раскопок в ущерб составлению тщательных отчетов. Из раскопок отбирались только наиболее ценные находки, которые отправлялись в Петербург в Министерство внутренних дел, от лица которого и велись работы. Часть этих находок сейчас хранится в Эрмитаже, но абсолютно неизвестно в каком археологическом контексте они найдены, частью какого комплекса являются. Все это значительно занижает их историческую ценность. До нашего времени не дошли дневники А. В. Терещенко с описанием раскопок и планы с указанием мест, где производились раскопки. В архиве А. В. Терещенко, который сейчас находится в Институте истории материальной культуры в Санкт-Петербурге, хранится только деловая переписка, связанная с организацией и производством работ, краткие отчеты с реестрами отправляемых в Петербург вещей.

Тем не менее следует отдать должное раскопкам А. В. Терещенко Царевского городища, они были первым крупномас-

штабным исследованием средневекового города в истории российской археологии. Кроме того, они способствовали пробуждению интереса к истории Золотой Орды не только в России, но за границей.

Многие находки, обнаруженные в ходе раскопок А. В. Терещенко, представляются уникальными и весьма редко попадают в поле зрения археологов. Вот как он описывает один из раскопок, на месте которого, по его мнению, находился городской базар с подсобными сооружениями: «На четырехугольном пространстве, имеющем окружность двести десять сажен и усаженном мелким кирпичом в ширину на пятнадцать с половиной сажен, находили во множестве: битую цветную и стеклянную посуду, чаши, чернильницы, куски кожи, кожу скроенную для сапог и башмаков, холст, шелковую материю, одежду — все это перегоревшее; ножи, ятаганы, шпажные клинки, топоры, заступы, сковороды, тазы, употребляемые при омовении, кочерги, трут, огнива, ножечки, чугунные котлы, медные чаши, медные кубки, медные подсвечники, костяные прутики, употребляемые при вязании, обломки от ножниц, мониста, пережатую бумагу, ножички, березовую кору, перегоревшие циновки, плетенные из травы «куга», гвозди, крючья, петли дверные, замки вставные и висячие, куски перегоревшего печеного хлеба, рожь, пшеницу, орехи грецкие и обыкновенные, лесные, чернильные орешки, желуди, миндаль, изюм, чернослив, сливы, винные ягоды, сладкие рожки, персики, фисташки, гвоздику, перец, бобы, сарацинское пшено и частью кофе. В трех каменных подвалах на этом месте лежали кучей: куски кристалла, краски — синяя, желтая, голубая, зеленая, красная и белая; кольцо от хомутов и уздечки, удила, цепи, железные подковы, железные втулки от колес, смола, листы меди, оселки, точильные бруски, грифельные дощечки. Камни для растирания красок, глиняные кегли, шары, медная проволока, мотыги, сера, квасцы, селитра, просо» (Федоров-Давыдов, 1968, с. 122, 123).

Кроме других интересных находок, раскопками А. В. Терещенко на Царевском городище был собран богатейший нумизматический материал. В отдельные годы раскопщики обнаруживали по несколько тысяч монет. По количеству найденных монет Царевское городище не знало себе равных среди других археологических памятников на территории бывшего СССР (Федоров-Давыдов, 1968, с. 126). Исследованием монет, поступавших из раскопок А. В. Терещенко,

Рис. 58. Раскопки на территории Царевского городища. 1965 г.

первым начал заниматься Х. М. Френ — известный востоковед и нумизмат, приехавший из Германии и оставшийся жить в России. Ему на основании изучения нумизматических находок удалось установить список золотоордынских ханов и определить многие центры изготовления монет.

Новые крупные раскопки Царевского городища были возобновлены только через более чем 100 лет. В 1959 г. его исследование начала Поволжская археологическая экспедиция (ПАЭ) под руководством Г. А. Федорова-Давыдова и завершила в 1973 г. (рис. 58). Были исследованы усадьбы знати и рядового населения, ремесленников и торговцев. Интересный материал был получен при исследовании усадьбы одного из монгольских феодалов. Он жил в большом доме с просторным залом и другими подсобными помещениями. Во дворе находились юрты, от которых остались кольцевые выкладки, что свидетельствует о сохранении в среде городской знати кочевых традиций. Недалеко от дома были сооружены две землянки, в которых жили, видимо, рабы, обслуживавшие знатного монгола. Обнаруженные в усадьбе находки говорят о богатстве ее владельца. Это дорогая поливная

посуда; фрагменты мозаики, украшавшие дом; фрагменты серебряных и золотых украшений. В той части, где жило ремесленное население, были открыты костерезные, керамические и золотолитейные мастерские.

Значительное внимание уделялось благоустройству города. Археологи выявили здесь наличие водопровода, а также ряд сложных гидротехнических сооружений, обеспечивающих пригодной водой жителей города. Также было установлено, что первоначальным ядром города являлись несколько аристократических усадеб. К началу образования города относится и большое количество обширных землянок, в которых, как полагают исследователи, селились непосредственные его строители, согнанные сюда с разных мест. Впоследствии они были перекрыты кварталами строящегося города (Федоров-Давыдов, 1994, с. 27—31; Егоров, 1985, с. 112—114).

Археологическими раскопками была восстановлена впечатляющая по масштабам и трагическая по содержанию картина гибели города во время тимуровского погрома в 1395 г. В одной из своих книг Г. А. Федоров-Давыдов писал: «Почти на каждом раскопе во время работ на Царевском городище можно найти следы этого погрома 1395 г. Около горна в мастерской изразцов под развалинами кирпича лежал скелет человека, которого не успели похоронить. У другого дома — скелет ребенка, его также не успели убрать. Закоченевший, в неестественной позе, детский труп остался среди развалин домов. Часто попадаются непогребенные останки людей, оставшихся лежать в тех положениях, в каких застала их смерть во время резни, грабежа и насилий, которые чинили тимуровские воины в разрушенном и горящем городе. Насколько раз обнаруживали костяки детей, забравшихся в печи и дымоходы. Можно представить очень живо, как напуганная девочка, видя, как ее мать тащит озверевший воин, а отец упал с рассеченной головой, ищет спасения в черной дыре печи, залазает туда, пытаясь протиснуться в дымоход, на там ее настигает смерть от сабли или копья солдата, а может быть, от удушья в тесной щели, забитой сажей и углем» (Федоров-Давыдов, 1968, с. 147). В одном из раскопов особенно много было обнаружено убитых людей, а также различных частей человеческих тел: рук, ног, частей черепов. В трагический для городов Золотой Орды год их жители испытали в полной мере тот ужас, который в свое время сами наводили

на русские города и города других народов во время погромов.

Свою историю в специальной литературе имеет тема, связанная с названием города, остатки которого сохранились у с. Царев. С XIX в. ведется спор о том, одна или две столицы были в Золотой Орде. Выше уже говорилось, что преобладающим было мнение о том, что Царевское городище — это город Сарай ал-Джедид — вторая столица Золотой Орды. Оно наиболее обоснованно было изложено Г. А. Федоровым-Давыдовым (1964, с. 270—271; 1994, с. 20—24). Г. А. Федоров-Давыдов пришел к выводу, что первой столицей был город Сарай, заложенный еще при Бату, в котором уже в 1254 г. побывал путешественник Рубрук. В настоящее время остатки этого города располагаются у с. Селитренного в Астраханской области. Второй столицей стал Новый Сарай (Сарай ал-Джедид), строительство которого началось при хане Узбеке в XIV в., именно он располагался на месте нынешнего Царевского городища. Доказательства основывались на письменных и археологических источниках. Из сообщения арабского писателя Ибн-Арабшаха следует, что «...между построением Сарая и разрушением тамошних мест (прошло) 63 года. Это был один из величайших городов по положению (своему) и населеннейший по количеству народа» (Тизенгаузен, 2003, с. 209). Под «разрушением тамошних мест» обычно подразумевают разгром золотоордынских городов Тимуром в 1395 г. Если от последней даты отнять 63, то получится, что Сарай был построен или начал строиться в 1332 г., во время правления хана Узбека. Эта дата совпадает с археологическими данными о начале строительства города у современного с. Царев. Первая столица, как известно, начала строиться еще при Бату и до разрушения ее Тимуром должно было пройти примерно полтора века. Таким образом, этот фрагмент из сочинения вышеназванного арабского писателя исследователи используют при доказательстве существования второй столицы Золотой Орды. Другим доказательством сторонников двух Сараев является средневековая итальянская карта Фра-Мауро 1459 г., на которой на Волге обозначено два города, один в низовье на левом берегу назван Сараем, другой на том же берегу, выше по течению, с названием Сарай Гранде. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, местонахождение двух Сараев на карте Фра-Мауро соответствует расположению двух самых круп-

ных городищ — Селитренного и Царевского (Федоров-Давыдов, 1994, с. 21).

В последнее время появились исследования, в которых активно доказывается существование все же одной столицы в Золотой Орде — города Сарая на месте Селитренного городища в Астраханской области. Сторонники этой точки зрения обратили внимание на противоречия, имеющиеся в труде Ибн-Арабшаха. Этот автор ничего не говорит о двух столицах, более того, в его сочинении речь идет об одном городе Сарае. Несколько строками выше того места, где говорится о 63 годах существования Сарая, он пишет о том, что «Султан Берке — да помилует его Аллах — приняв ислам, построил его (Сарай), избрал его столицей (своего) царства и возлюбил его» (Тизенгаузен, 2003, с. 208). Здесь постройка столицы Золотой Орды приписывается брату Бату хану Берке и, следовательно, до разрушения ее Тимуром должно было пройти гораздо больше времени, чем 63 года. Эти сведения из сочинения Ибн-Арабшаха должны иметь отношение к городу, располагавшемуся у современного с. Селитренного, который с основания Золотой Орды и был ее столицей. Таким образом, наличие в этом источнике существенных противоречий не позволяет однозначно толковать его данные.

Существенным моментом в доказательстве сторонников того, что развалины Царевского городища скрывают название другого города, является анализ нумизматического материала. Монеты традиционно использовались в золотоордынской археологии в отождествлении городищ с названиями городов, поскольку на них обычно указывалось место чеканки. Но монеты, чеканенные в одном городе, не обязательно все в нем и оседали, они, как правило, имели широкое хождение. Особенно это касается монет с высоким номиналом, например, серебряных дирхемов, которые в пределах Золотой Орды имели гораздо более широкое распространение, чем, например, разменные медные монеты какого-либо города, которые гораздо чаще оседали там, где выпускались. Используя специфику концентрации медных монет, а также монетных кладов, волгоградский краевед-нумизмат И. В. Евстратов пришел к выводу о том, столица в Золотой Орде была одна — это город Сарай, он же Сарай ал-Джедид и Сарай ал-Махруса, локализуемый на месте Селитренного городища. На месте же Царевского городища должен находиться

город, носивший имя Гюлистан, что в переводе обозначает «сад роз» (Евстратов, 1997, с. 88—103). Эта версия была поддержана и другими исследователями (Рудаков, 2000, с. 305—321). Споры о том, что собой представлял Гюлистан и где он располагался, идут давно. Еще в начале прошлого века известный русский археолог Н. И. Веселовский опубликовал статью под названием «Загадочный Гюлистан Золотой Орды». Высказывались самые разнообразные соображения на этот счет, что Гюлистан — это ханский дворец или пригород столицы и даже летняя ставка ханов Золотой Орды. Например, Н. И. Веселовский считал, что Гюлистан — это ханский дворец, который должен был располагаться у дер. Колобовка, рядом с Царевским городищем.

Вряд ли сейчас можно считать завершенной дискуссию о названии и статусе крупного города Золотой Орды, некогда располагавшегося у современного с. Царев Ленинского района нашей области. Существующие на этот счет мнения следует относить к разряду научных версий и гипотез. Эта весьма интересная тема, связанная с историей нашего края, еще ждет своего продолжения.

Остатки другого золотоордынского города расположены на берегу Волгоградского водохранилища в 2 км к северу от Дубовки и получили в археологической литературе название Водянского городища. Обычно это городище отождествляют с городом Бельджаменом, упоминаемым в письменных источниках. Это отождествление, предпринятое еще историками XIX в., попытался подкрепить В. Л. Егоров. Кроме сведений арабского географа Абульфеда, относящихся к 1321 г., о том, что Бельджамен находится несколько выше по течению поворота Волги на юго-восток, то есть немного севернее современного Волгограда, он ссылается на те источники, в которых упоминается разгром Бельджамена Тимуром. По его мнению, войска Тимура должны были пройти то место, в котором Волга и Дон ближе всего подходят друг к другу, где как раз и располагается Водянское городище. Он обратил внимание на то, что название города «Бельджамен» переводится как «город дубов» или «дубовый город». Это название сохранил и расположенный там же современный город Дубовка. В. Л. Егоров также полагал, что золотоордынский город Бездеж, упоминаемый в русских летописях, может быть отождествлен с Бельджаменом. В Бездеже было русское христианское население, которое, по сведениям источ-

ников, встретило гроб князя Михаила Тверского, убитого в Орде. Из археологических раскопок Водянского городища известно, что здесь также проживали русские люди, видимо, с самого начала его существования (Егоров, 1985, с. 109, 110; Егоров, Полубояринова, 1974, с. 41).

Однако отождествление Водянского городища с Бельджаменом не является общепринятым. По мнению ряда исследователей, имеющиеся на сей день источники не дают однозначного ответа на этот вопрос (Ильина, 2003, с. 112).

В прошлом Водянское городище подвергалось значительным разрушениям и кладоискательским раскопкам со стороны местного населения. Существуют сведения о том, что, например, в 1913 г. на городище одним из дубовских предпринимателей были организованы раскопки с целью добычи костей для костемельного завода и кирпича для построек. Только за один месяц с его территории было вывезено 16 тыс. пудов костей, 92 воза кирпича, а также 100 пудов медного лома, 150 пудов железа и 11 пудов свинца. Раскопки такого же размаха производились и в другие годы. В Дубовку периодически наведывались скупщики древностей, которые скупали вещи, найденные на городище. Есть сведения о покупке ими серебряной и глиняной статуэток, монет, в том числе и золотых (Баллод, 1923, с. 37). Во время же посещения Водянского городища профессором Баллодом (1921) большая часть территории городища находилась под пашней, усеянной черепками, кирпичом и изразцами.

Первые сведения о Водянском городище в научной литературе появляются со второй половины XIX в. Особое внимание к нему начинает проявляться с начала образования Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК), члены которой проводили здесь небольшие обследования и сбор находок. Особенно часто местные жители находили здесь монеты. В конце XIX в. на Водянском городище побывал известный российский археолог профессор Петербургского университета А. А. Спицын, который составил краткое его описание и историческую справку. Члену СУАК Б. В. Зайковскому через посредников удалось собрать большую коллекцию происходящих с городища золотоордынских монет, насчитывающую 2500 экземпляров, датируемых с 1317 по 1395 г. (Ильина, 2003, с. 112).

Археологами Водянское городище начало интенсивно исследоваться с 60-х гг. XX в. С 1967 по 1974 г. широкомасш-

Рис. 59. Фрагмент чаши XIV в.
с полихромной росписью:
Водянское городище

Рис. 60. Клад серебряных монет
XIV в. Водянское городище

табные раскопки здесь проводит ПАЗ под руководством Г. А. Федорова-Давыдова и В. Л. Егорова. В 1988—1990 гг. на городище проводит исследование экспедиция Казанского госуниверситета под руководством А. Г. Мухамадиева. С 1992 г. и по настоящее время раскопки здесь осуществляет экспедиция Волгоградского педуниверситета под руководством Е. П. Мыськова. Постоянные раскопки Водянского городища в последнее время вызваны активным его разрушением водами водохранилища. Значительная его часть уже безвозвратно потеряна, и каждый год площадь городища сокращается в результате подмыва и обрушения берега.

Раскопками на городище был открыт и исследован ряд интересных комплексов. Полностью раскопана мечеть площадью 900 м², относящаяся к середине XIV в. Открыта баня с подпольной системой отопления. Была исследована керамическая мастерская с большим кирпичным горном, в котором обжигалась глиняная посуда, раскопано три мавзолея. Открыто общественное здание с сохранившимися рисунками и надписями на штукатурке, покрывавшей ранее его стены. Собраны представительные коллекции керамики, в том числе богато оформленной (рис. 59), и монет (рис. 60).

Интересные материалы получены по этническому составу населения Водянского городища. Исследование жилых

кварталов и погребальных памятников выявило наличие здесь мусульманского и христианского населения. Анализ керамического материала показывает, что значительной прослойкой населения были русские. Жили здесь, вероятно, и болгары. В возведении города, как полагают исследователи, были в значительной мере задействованы русские, захваченные в плен, которые жили здесь в землянках. Затем, с разрастанием города, этот ранний русский квартал был ликвидирован и застроен жилыми постройками и зданиями общественного характера (Егоров, 1985, с. 110). Поволжской археологической экспедицией на городище были найдены нательные крестики, иконки, изготовленные из бронзы и стекла, паникадило, открыт ряд погребений, славянская принадлежность которых подтверждена антропологическими исследованиями (Полубояринова, 1978, с. 73—94).

Водянское городище имело с южной стороны укрепления в виде рва и вала, предположительно возведенные во время смутного времени в 60—70-е гг. XIV в. Его современные размеры: высота вала не превышает 1,5 м, протяженность — 450 м, наибольшая глубина рва — 1 м. Реконструируемая первоначальная высота этого оборонительного сооружения от дна рва до вершины вала составляла не менее 3 м (Ильина, 2003, с. 117). С запада и севера городище имело естественные «укрепления» в виде глубокого оврага и Водянской балки, по имени которой оно и названо. С востока границей городища был берег Волги.

Место для основания здесь города было выбрано золотоордынской администрацией, видимо, не случайно. Он располагался на удобном месте, где проходили торговые пути, связывающие различные районы Золотой Орды, а также и выходящие за ее пределы. В этом месте длительное время существовала переволока из Волги в Дон и обратно. Свидетельства о ее функционировании в письменных источниках сохранились с XIV по XIX в. (Егоров, 1985, с. 110). Здесь, видимо, была налажена переправа через Волгу, соединяя сухопутные пути. Через Водянское городище купцы с западных пределов Золотой Орды и соседних государств могли проводить свои караваны на Ахтубу, где располагались большие города, в том числе и столица государства. Волга соединяла Золотую Орду с Ираном и другими странами и районами Востока и с многочисленными северными народами, обитавшими в ее верховье. Сюда можно было попасть через

переволоку и с Черного моря. Таким образом, торговля и ее обслуживание, вероятно всего, были основным занятием жителей этого города, остатки которого до настоящего времени сохраняет Водянское городище.

Время существования города на месте Водянского городища в основном совпадает с временем жизни города у с. Царев. Основан он был в первые годы XIV в., во время начала правления хана Узбека, а прекратил в основном свое существование в 1395 г. в связи с разорением его войсками Тимура. По уточненным данным, полученным экспедицией Волгоградского педуниверситета, сначала на этом месте появился поселок с русским населением, в обязанности которого как раз и входило обеспечение переправы через Волгу. Затем через 10—15 лет его территория была застроена жилыми и хозяйственными постройками с традиционной золотоордынской планировкой. Новые исследования дают основание предполагать, что жизнь на этом городище продолжалась и после 1395 г., но уже не в тех масштабах, как прежде (Мыськов, 2001, с. 251—267; 2004, с. 296—298).

Другое золотоордынское поселение находилось на территории современного микрорайона Волгограда Спартановка и именуется в археологии Мечетным городищем. По площади оно сопоставимо с Водянским, но в отличие от него практически не подвергалось масштабным стационарным раскопкам. Сейчас это городище в значительной мере уничтожено кварталами Спартановки. Мечетное городище иногда отождествляют с городом Тартанлы, отмеченным на одной из итальянских средневековых карт XIV в. (Федоров-Давыдов, 1994, с. 34).

Побывавшие здесь раньше различные путешественники и исследователи отмечали достаточно хорошо сохранившиеся отдельные строения. Так, П. С. Паллас в 1772 г. видел здесь еще достаточно отчетливые остатки караван-сарая и мечети, а профессор Ф. Баллод, посетивший городище, в 1920 г. описал его планировку, отметив, что среди всхолмлений еще достаточно хорошо просматриваются улицы и отдельные дома. Вот как он изложил свои впечатления о Мечетном городище: «Необычайно величественную картину представляют все эти памятники древнего времени вечером, при лунном освещении. При слабом свете луны как-то более рельефно вырисовываются контуры бугров города-кладбища; все как-то оживает и фантазия зрителя невольно допол-

няет видимое воображаемым: рельефы разрушенных стен подлинными зданиями, мечетью с минаретом, а улицы — шумной толпой в пестрых кафтанах» (Баллод, 1923, с. 18).

Ф. Баллод упоминает и о том, что к западу от городища на возвышенности располагалось около 60 курганов и татарских мавзолеев, причем раньше их тут было гораздо больше, многие были разрушены в результате распашки. Экспедицией Ф. Баллода здесь было раскопано три кургана и один мавзолей. Один из курганов относился к более ранней эпохе, а два других оказались современными городищу. Было обнаружено по два погребения в каждом кургане — мужское и женское, причем в одном кургане мужчина был похоронен в сидячем положении. Никаких вещей не найдено. Мавзолей первоначально представлял собой возвышенность высотой около 3 м и диаметром более 20 м, насыщенную строительным мусором. Здесь оказался семейный склеп, в котором находилось семь погребений, два из них принадлежали взрослым, остальные — детские, в возрасте от 2 до 12 лет. Склеп оказался ограбленным, как полагает Ф. Баллод, это могло произойти не ранее XVII в., когда Мечетное городище было превращено в каменоломни и отсюда вывозился кирпич для строительных нужд Астрахани.

Этой же экспедицией был заложен раскоп и на территории самого городища. Удалось выявить планировку двух жилых домов с сложной системой отопления и обогрева, в строительстве которых использовался сырцовый и обожженный кирпич, дерево, а в архитектурной отделке применялась изразцовая техника.

Ф. Баллод упоминает и о находках на поверхности городища монет, относимых к времени правления ханов Узбека, Джанибека, Бердибека, Тохтамыша.

Во время строительства жилых массивов Спартановки строители довольно часто натыкались на остатки золотоордынских построек Мечетного городища. А однажды ими было нарушено несколько погребений, в которых находились разнообразных вещей, отдельные из которых поступили в Волгоградский краеведческий музей, например, бронзовые зеркала.

Последний раз обследование Мечетного городища проводилось в 1986 г. Е. П. Мысковым со стороны высокого берега Волги. Здесь были выявлены остатки построек из золотоордынского кирпича, найдены фрагменты глиняной

посуды того же времени, бронзовые браслеты, бусы и другие поделки. Было также обнаружено погребение, сооруженное в кирпичном склепе, оказавшееся ограбленным ранее (Мыськов, 1986).

В золотоордынское время в том районе, где Ахтуба берет свое начало, отделяясь от Волги, кроме Мечетного городища, располагался еще ряд небольших поселений. Одно из них находилось на месте Винновки, другое, вероятно, располагалось напротив Мечетного городища на острове Денежном, где часто находили различные вещи и монеты Золотой Орды. На противоположном берегу Волги золотоордынские поселения находились у самого истока Ахтубы, у с. Безродного, ранее располагавшегося на месте г. Волжского, и далее, ниже по течению Ахтубы, у сел Нижнего и Верхнего Погромного, с. Заплавного. По всей видимости, здесь также находился важный транспортный узел, соединяющий сухопутные и водные пути.

Территория современного Волгограда, судя по всему, достаточно интенсивно использовалась в то время, о чем свидетельствуют частые упоминания о находках здесь остатков строений из квадратного золотоордынского кирпича, различных вещей, монет. О существовании золотоордынского поселения на правом берегу реки Царицы, в ее устье, было известно еще в начале XX в., где, кроме кирпича, находили обломки фаянсовых с голубой поливой изразцов. К 80-м гг. XIX в. относится упоминание о частых находках золотоордынских монет на набережной города, особенно часто они встречались напротив улицы Степана Разина. По сообщениям известного в прошлом краеведа Б. В. Зайковского, при постройке нефтяных баков Шибаевской нефтяной компании одним из ее служащих в остатках небольшого кирпичного здания, сложенного из квадратного кирпича на извести и облицованного голубыми изразцами, был найден клад медных золотоордынских монет весом около 2,5 кг, находившихся в глиняном сосуде. Позже на этом участке было найдено еще около полутора десятков монет, чеканенных при ханах Джанибеке и Тохтамыше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предлагаемой читателю книге речь часто шла об археологических раскопках. Знаю из собственного опыта, что для многих людей, не связанных с археологией, раскопки — это увлекательное занятие, окрашенное в некие романтические тона. Между тем археология — это серьезная и достаточно сложная наука. Один из патриархов российской археологии А. А. Спицын писал: «Раскопки — не спорт и не удовольствие: это серьезный труд, нередко тяжелый и всегда ответственный. Не довольно найти вещи. Нужно угадать мысль лица, устроившего памятник, способы ее осуществления, процесс работы, назначение отдельных частей или вещей памятника; все это так же трудно, как разрешить самую затаенливую историческую загадку. Каждый новый курган, могильник дают новый материал для решения старых вопросов, но они же ставят и новые вопросы, рождающиеся как при раскопке, так и позднее, при обдумывании ее результатов».

В те исследования, которые были проведены на территории Волгоградской области, вложен колоссальный труд многих археологов. Это имеет отношение не только к раскопкам, но и к их кабинетной работе. Мало профессионально раскопать археологический памятник, его еще надо объективно интерпретировать, выяснить, звеном какого исторического процесса он является. Археолог, приступивший к раскопкам какого-либо памятника, берет на себя большую ответственность. Дело в том, что раскопки ведут к уничтожению археологического объекта. Задачей археолога в процессе раскопок является извлечение максимума информации, имеющейся в памятнике. Ошибки здесь чреваты. Раскопанный памятник повторно во всем объеме не исследуешь. По этой причине параллельно с раскопками совершенствовалась методика археологических исследований. Профессиональный археолог владеет современными методами раскопок, и только он должен производить исследования археологических памятников. Об этом приходится говорить потому, что у нас часто важные археологические объекты страдают из-за чьего-то любопытства или корысти, или просто по незнанию.

Археологических памятников на нашей Волгоградской земле достаточно много, но их становится все меньше и меньше,

их не щадят ни время, ни человек. Судя по сведениям, относящимся к началу XX в., на территории, которая сейчас входит в черту города Волгограда, находилось много древних курганов, построек золотоордынского времени. Все они исчезли с ростом города. Город поглощал не только то, что было здесь до его основания, но и то, что было непосредственно связано с его историей. Мы сейчас не задумываемся, прогуливаясь по центральной набережной или в парке около кинотеатра «Победа», что это места царицынских кладбищ. Воистину — земля является могильной плитой прошедшей жизни.

Проезжая в любом направлении от Волгограда, всегда можно увидеть на водоразделах приплюснутые возвышенности — это курганы, иногда они образуют группы, насчитывающие по несколько десятков насыпей. К сожалению, многие из них разрушаются в результате хозяйственной деятельности людей, особенно от постоянной распашки. Уничтожаются и другие памятники археологии, особенно располагающиеся по берегам рукотворных морей: Цимлянского и Волжского, в результате подмыва и обвала берегов. Так, например, каждый год на несколько метров отступает береговая линия в месте расположения уникального памятника археологии — Водянского городища, уничтожая его культурный слой. В последнее время активизировались так называемые «черные археологи», раскапывающие археологические памятники с целью личной наживы и не оставляющие никакой документации о своих раскопках, тем самым нанося непоправимый вред историческому наследию и науке.

Между тем археологические памятники представляют большую ценность не только для исторической науки, они, кроме прочего, являются еще и памятниками природы и содержат богатейшую информацию относительно ее истории.

Уже длительное время вместе с археологами работают специалисты других наук: почвоведы, антропологи, палеозоологи. Исследование, например, погребенных почв археологических памятников позволяет восстановить характер изменчивости климатических и экологических условий в течение длительного времени. Так, курганы в наших краях возводились с конца IV тыс. н. э. до середины II тыс. н. э., на протяжении нескольких эпох. Такая хронологическая колонка позволяет объективно изучить характер развития почв в течение длительного времени, сопоставить эти результаты с данными нашего времени, выявить особенности антропогенного воздействия на почвообразовательные процессы, дать рекомендации по наиболее продуктивному хозяйственному использованию почв.

Антропологи изучают костные останки человека, происходящие из археологических памятников. Они определяют не только пол, возраст, антропологический тип древних популяций, спектр

антропологических исследований достаточно широк. В настоящее время интенсивно развивается такое перспективное научное направление, как палеопатология, занимающаяся изучением истории болезней людей прошлого, рационом их питания, родом занятий и многими другими вопросами, имеющими важное значение для таких наук, как медицина, диетология, социология.

Палеозоологи исследуют кости животных, также происходящих из различных типов археологических памятников, тем самым получая важную информацию по истории развития животноводства.

Можно смело сказать, что многие науки еще не определили свои интересы и возможности в деле изучения археологических памятников для запросов сегодняшнего дня. Все это, бесспорно, будет реализовано в будущем. Поэтому наша главная задача — организация эффективной охраны археологического наследия. В настоящее время мы еще во многом ограничены в возможностях извлекать всю содержащуюся в археологических памятниках информацию. Мы должны сохранить археологические памятники для будущих поколений, дать и им возможность их изучения на более высоком уровне.

В наше время не следует раскапывать все подряд. Сейчас практически в каждом областном краеведческом музее имеются огромные археологические коллекции, всестороннее изучение которых еще далеко от завершения. Археологам есть чем заниматься не только в поле. Раскопкам должны подвергаться в основном разрушающиеся памятники. Археологические памятники должны сохраняться не только с целью их исследования более совершенными методами в будущем, но как часть нашей истории, как важные объекты исторически сложившихся ландшафтов. Например, наши степи без курганов — это уже не те степи. Мы должны помнить, что наши предки эти курганы сооружали не для того, чтобы мы все их до единого раскопали. Они, видимо, рассчитывали на вечность, и мы должны с уважением относиться к их желаниям и к памяти о них. Уже сейчас следует ставить вопросы о создании в нашем степном крае заповедных зон, в которых археологические памятники находились бы в неприкосновенности. Если мы считаем себя цивилизованным обществом, то должны позаботиться о сохранении нашего пока еще богатого археологического наследия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Письменные и археологические источники

- Авеста в русских переводах (1861—1996), 1997. Составление и редакция И. В. Рака. СПб.
- Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб. : Изд-во «Алетейя», 1999.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М. — Л., 1950.
- Геродот. История в девяти книгах. М., 1972.
- Замятин С. Н. Отчет о работе палеолитического отряда Сталинградской археологической экспедиции под руководством Забелина С. Н. в 1952 году // Архив ВОКМ, ф. № 119, 1952.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». М: Изд-во «Восточная литература», 1960.
- Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-н/Д., 1990.
- Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. СПб: Изд-во «Фарн», 1993.
- Мыськов Е. П. Отчет о работе Волго-Донского отряда археологической экспедиции ВГПИ в 1986 г. // Архив ВОКМ, № 79, 1986.
- Скифы. Хрестоматия. Составитель Т. М. Кузнецова. М., 1992.
- Страбон. География. М., 1964.
- Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. Л.: Изд-во «Наука», 1970.
- Тизенгаузен В. Г. Золотая Орда в источниках Ч. I, II. М., 2003.
- Флавий Иосиф. Иудейская война. СПб., 1991.

Литература

- Агаджанов С. Г. Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969.
- Агапов С. А., Васильев И. Е., Пестрикова В. И. Хвалынский энеолитический могильник. Куйбышев, 1990.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа // МИА, 1958. № 62.
- Балабанова М. А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000.
- Балабанова М. А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов // НАВ. Вып. 4. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
- Баллод Ф. Приволжские Помпеи. Москва-Петроград, 1923.
- Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов, 1990.

Васильев Д. В. Город Саксин и его население // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV века до н.э.). (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972.

Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.

Вишняцкий Л. Б. Человек в лабиринте эволюции. М., 2004.

Габуев Т. А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999.

Гарустович Г. Н., Иванов В. А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001.

Глухов А. А. Сарматские погребения из могильника Красный Пахарь I // Материалы по археологии волго-донских степей. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.

Глухов А. А., Скрипкин А. С. Савромато-сарматские погребения из курганов в районе поселка Котлубань // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

Гузев В. К., Трейстер М. Ю. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // РА, 1995. № 3.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Гумилев Л. Н. Хунну. Степная трилогия. СПб., 1993.

Гуренко Л. В. Погребения эпохи средней бронзы из кургана на южной окраине Волгограда // Древности волго-донских степей. Вып. 5. Волгоград, 1995.

Гуренко Л. В. Из истории изучения археологических памятников Волгограда // Свод историко-архитектурного наследия Царицына-Сталинграда-Волгограда (1589—2004 гг.). Волгоград, 2004.

Дворниченко А. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ, 1993. № 3.

Демкин В. А., Демкина Т. С., Песочина Л. С. Палеоэкология восточно-европейских степей в скифо-сарматское время // Скифы и сарматы в VII—III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Демкин В. А., Песочина Л. С., Скрипкин А. С., Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Дьяченко А. Н. Динамика почвенно-ландшафтных условий в сухих степях западного склона Ергеней за последние 40 веков // НАВ. Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов карпо-днепровских земель. Одесса, 2003.

Дремов И. И. Раскопки на Ураковом бугре // НАВ, 2001. № 4

Дремов И. И., Ластовский А. А. Мезолитические памятники северной и центральной части Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2006.

Дьяченко А. Н. Раскопки поселения Ерзовка III // АО. 1985 г. М.: Наука, 1987.

Дьяченко А. Н. Исследование поселений Ерзовка II и III // АО. 1986 г. М.: Наука, 1988.

Дьяченко А. Н. Поселение Ерзовка-I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов: Изд-во СГУ, 1992.

Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. Вып. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

Евстратов И. В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П. Д. Рау (1897—1997), г. Энгельс. Саратовская обл., 12—17 мая 1997 г. Саратов, 1997.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.

Егоров В. Л. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990.

Егоров В. Л. Сарай, Сарайчик, Бахчисарай... // Родина, 1997. № 3—4.

Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967—1071 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Еремин В. И. Неолитическая стоянка Каменка I // Историко-краеведческие записки. Вып. III. Волгоград, 1975.

Жиромский Б. Б. Забытая страница в истории русской археологии // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 2. Саратов, 1959.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб., 1994.

Иванов А. А. Подкурганые конструкции в погребальном обряде кочевников хазарского времени Нижнего Дона и волго-донского междуречья // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.

Ильина А., Шишкин П. Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинград, 1929.

Ильина О. А. История исследования Водянского городища // НАВ. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

Кияшко А. В. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах волго-донского междуречья // НАВ. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.

Клепиков В. М. Погребение позднеэнеолитического времени у хутора Шляховский в Нижнем Поволжье // РА, 1994. № 3.

Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV—III вв. до н. э. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.

Кокорцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // РА, 1992. № 4.

Круглов Е. В. Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й пол. IX — 1-й пол. XI в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.

Кузнецов В. А. История алан. Владикавказ, 1992.

Кузнецов П. Ф. Проблемы отражения параметров времени в культурах бронзово-железного века степной зоны Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция. Тезисы докладов. Волгоград, 2004.

Кузнецов П. Ф. Время новых культурных традиций в бронзовом веке Волго-Уралья // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007.

Кузнецова Л. В. Итоги исследования местонахождения Заикино Пепелище в 1988—1991 годах // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

Кузнецова Л. В. Местонахождения Челюскинец II и Заикино Пепелище // Археология Нижнего Поволжья. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2006.

Кузнецова Л. В., Сергин В. Я. Местонахождение Челюскинец II // Археологический альманах. Донецк, 1999. № 8.

Лапшин А. С. К вопросу о городищах эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // НАВ, 2003. № 6.

Лисицын И. П., Скрипкин А. С. Раскопки в районе Волгограда // АО-1972. М., 1973.

Лысенко Н. Н. Аланский поход Нерона // НАВ. Вып. 5. Волгоград.: Изд-во ВолГУ, 2002.

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дон // МИА 62. М. — Л., 1958а.

Ляпушкин И. И. Археологические памятники зоны затопления Цимлянского водохранилища // МИА 62. М. — Л., 1958б.

Ляпушкин И. И. Средневековое поселение близ ст. Суворовской // МИА 62. М. — Л., 1958в.

Максименко В. Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Донские древности. Вып. 6. Азов, 1998.

Максименко В. Е. К вопросу о времени появления сарматов к западу от Дона // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 2003.

Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде. Учебное пособие для студентов исторического факультета. Саратов: Изд-во СГУ, 1998.

Мамонтов В. И. Исследования Приволжского отряда // АО-1967. М., 1968.

Мамонтов В. И. Охранные раскопки памятников Волгоградской области // АО-1968. М., 1969.

Мамонтов В. И. Поздненеолитическая стоянка Орловка // СА, 1974. № 4.

Мамонтов В. И. Охранные раскопки Приволжского отряда // АО-1983. М., 1985.

Мамонтов В. И. По следам раскопок пастора Г. Цвика // Историко-краеведческие записки. Вып. 6. Волгоград, 1989.

Мамонтов В. И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000.

Материкин А. В. К вопросу использования строительного камня из развалин золотоордынских городов при постройке царицынской Иоанно-Предтеченской церкви // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6. Волгоград, 1998.

Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ, 1971. Вып. 13.

Медведев А. П. К вопросу об идентификации реки Танаис по данным Птолемея // Историческая география черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989.

Медведев А. П. Геродот. Донецк, 1994.

Медведев А. П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Донские Древности. Вып. 5. Азов, 1997.

Мерперт Н. Я., Лунькова Ю. В. История изучения срубной культуры Волго-Донского междуречья // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

- МИА. № 60. М., 1959.
 МИА. № 78. М., 1960.
- Мыськов Е. П.* Новые памятники позднего бронзового века в волго-донском междуречье // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов: Изд-во СГУ, 1992.
- Мыськов Е. П.* Сарматские погребения из курганов у Волжского и Килевских // Древности волго-донских степей. Волгоград, 1992а.
- Мыськов Е. П.* Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001.
- Мыськов Е. П.* Политическая история Золотой Орды (1236—1313 гг.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
- Мыськов Е. П.* Основные итоги исследования Водянского городища // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная археологическая конференция. Волгоград, 1—5 ноября 2004 г.: Тезисы докладов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004.
- Наумов И. Н.* Хронологические рамки начальных этапов распространения домашней лошади и навыки ее domestikации в Поволжско-Донских степях // НАВ. Вып. 5. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002.
- Нехоросhev П. Е.* Стоянка Шлях // Археология Нижнего Поволжья. Т. I. Каменный век. Волгоград, 2006.
- Нехоросhev П. Е., Вишняцкий Л. Б., Гуськова Е. Г., Мусатов Ю. Е., Сапелко Т. В.* Результаты естественно-научного изучения палеолитической стоянки Шлях // НАВ. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
- Палеолит Среднего и Нижнего Поволжья. Составитель Л. В. Кузнецова. Куйбышев, 1989.
- Перевалов С. М.* Военное дело у аланов II в. н. э. // Историко-археологический альманах. Армавир-Москва, 1997.
- Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.
- Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // САИ, Е4-2, 1974.
- Плетнева С. А.* Хазары. М.: Изд-во «Наука», 1976.
- Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М., 1982.
- Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990.
- Плетнева С. А.* Каган и князь // Родина. 1997. № 3—4.
- Плетнева С. А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху Средневековья (IV—XIII века). Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003.
- Полубояринова М. Д.* Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978.
- Порох А. Н.* История кузнечного производства у кочевников Нижнего Поволжья скифской эпохи // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и Средневековья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999.
- Праслов Н. Д.* Поиски палеолита в Волго-Донском междуречье // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Вып. 34. М., 1968.
- Праслов Н. Д.* Поиски палеолита в бассейне Дона и Волги // АО-1971. М., 1972.
- Пшеничнюк А. Х.* Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2003.
- Ремизов С. О.* Местонахождения каменного века в окрестностях станции Кременской // НАВ. Вып. 7. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
- Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936.
- Рудаков В. Г.* К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местонахождении города Гюлистана // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000.

Рындина Н. В., Дегтярева А. Д. Энеолит и бронзовый век. М.: Изд-во МГУ, 2002.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X—XVI вв.). М., 1996.

Сергацков И. В., Скрипкин А. С., Кробкова Е. А., Яворская Л. В. Курганый могильник Ольховка I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград, 2006.

Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С. Сарматский погребальный комплекс из курганного могильника Майоровский III (проблема интерпретации) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград, 1—5 ноября 2004 г. Тезисы докладов. Волгоград, 2004.

Скрипкин А. С. Работы в зоне Городищенской оросительной системы // АО-1971. М., 1972.

Скрипкин А. С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во СГУ, 1984.

Скрипкин А. С. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997.

Скрипкин А. С. Материалы Сусловского курганного могильника // НАВ. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998.

Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении истории материальной культуры сарматов // НАВ. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000.

Скрипкин А. С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир—Москва, 2001.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Сурков А. Г. Одиночный курган у ж.-д. станции «Бекетовская» // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1995.

Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.

Третьяков В. П. Обследование неолитических стоянок в Волгоградской области // СА, 1974. №1.

Туаллагов А. А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э. — I в. н. э. Владикавказ, 2001.

Турецкий М. А. Проблемы культуригенеза в эпоху раннего — начала среднего бронзового века в степной зоне Волго-Уралья // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. Оренбург, 2007.

Федоров-Давыдов Г. А. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. // СА, 1964. № 1.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.

Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968.

Федоров-Давыдов Г. А. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Хаара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII—XIV века // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X—XVI вв.). М., 1996.

Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.

- Черных Е. Н.* Каргалы. Забытый мир. М., 1997.
- Шелов Д. П.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.
- Шик С. М., Борисов Б. А., Заррипа Е. П.* Проект региональной стратиграфической схемы неоплейстоцена Европейской России // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М., 2004. № 65.
- Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Шилов В. П., Очир-Горяева М. А.* Курганы скифской эпохи из могильников Аксеновский — I—II // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997.
- Энеолит СССР. М.: Изд-во «Наука», 1982.
- Юдин А. И.* Катакомбные поселения эпохи средней бронзы в степном Заволжье // НАВ. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003.
- Юдин А. И.* Варфаламеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 2004.
- Юдин А. И.* Культуры нижневолжской культурно-исторической общности и основные памятники // Археология Нижнего Поволжья. Т. I, Каменный век. Волгоград, 2006.
- Юдин А. И., Матюхин А. Д.* Раннесрубные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.
- Baktrisches Gold. Aus den Ausgrabungen der Nekropole von Tillja-Tepe in Nordafghanistan. Leningrad, 1985.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО —	Археологические открытия
АСГЭ —	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВГПИ —	Волгоградский государственный педагогический институт
ВДИ —	Вестник древней истории
ВОКМ —	Волгоградский областной краеведческий музей
ВолГУ —	Волгоградский государственный университет
ВГУ —	Воронежский государственный университет
КСИА —	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МГУ —	Московский государственный университет
НАВ —	Нижеволжский археологический вестник
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР
РА —	Российская археология
СА —	Советская археология
СГУ —	Саратовский государственный университет

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение</i>	5
Глава I. Каменный век	13
Глава II. Энеолит и бронзовый век	43
Глава III. Ранний железный век	70
Глава IV. Средние века	120
Заключение	197
Источники и литература	200

Анатолий Степанович Скрипкин

ИСТОРИЯ ВОЛГОГРАДСКОГО КРАЯ ОТ КАМЕННОГО ВЕКА ДО ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Художественно-технический редактор **Т. В. Давыдова**

Технический редактор **Т. П. Вострикова**

Корректор **А. Ю. Еронова**

Подписано в печать 20.06.08.

Формат 84х108/32. Гарнитура Arial. Печать офсетная.

Усл. п. л. 10,92. Уч.-изд. л. 11,52. Тираж 1000. Заказ 39/119.

По плану книгоиздания Комитета по печати и информации
Администрации Волгоградской области за счет средств областного бюджета.

Государственное учреждение «Издатель».
400001, Волгоград, ул. Рабоче-Крестьянская, 13.

ОАО «Альянс "Югполиграфиздат"».
Волгоградский полиграфкомбинат «Офсет».
400001, Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10.

E-mail: ipk-ofset@t-k.ru

Анатолий Степанович Скрипкин — известный российский археолог, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, древней и средневековой истории Волгоградского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Более сорока полевых сезонов он провел в археологических экспедициях. А. С. Скрипкин руководил экспедициями, проводившими раскопки в Нижнем Поволжье и на Кубани, принимал участие в экспедициях, работавших на Нижнем Дону, на территории Украины, в Крыму и на Днепре, в штате Пенсильвания США. Его перу принадлежит около 200 научных работ, в том числе книги: «Нижнее Поволжье в первые века нашей эры» (1984), «Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект» (1990), «Этюды по истории и культуре сарматов» (1997) и др.